

Агарагим Рагимов

Мать солдата

Баку – 2012

Перевод: Эльмира Бахтиярова

Редактор: Низами Тагисой

*доктор филологических наук,
профессор*

Агарагим Рагимов. Мать солдата (Пьесы). Баку, 2012,
226 с.

В произведениях, вошедших в данную книгу автора, нашли отражение события современной действительности. Целая гамма мотивов: поступки, радости, горе, страдания, семейные взаимоотношения составляют содержание пьес.

PP – 415

9952 – 415 – 40 – 0

BQU – 2012

В представленную книгу азербайджанского прозаика и драматурга Агарагима Рагимова вошли пять его пьес — «Волчонок», «Мать солдата», «Любовь и преступление», «Рука руку моет...», «Десантный батальон дамы», увидевшие свет в 90-е – 2000-е годы. Если в основе пьес «Волчонок» и «Мать солдата» (которые не раз были поставлены на сценах Азербайджанского национального драматического театра, Театра музыкальной драмы, Иранского драматического театра и заслужили уважение зрителей) лежит драматический конфликт, связанный с армяно-азербайджанской войной, то в центре внимания трех последующих автор ставит острые нравственно-психологические и морально-духовные проблемы с широким охватом глубины изображаемой проблемы, имеющей непосредственную связь с общественной и научной жизнью.

Произведения Агарагим Рагимова впервые появляются на русском языке. Переводчик и редактор издания стремились адекватному воссозданию национально-специфических черт и национального колорита, которыми изобилуют пьесы этого драматурга.

Волчонок

(пьеса в двух действиях, шести явлениях)

Действующие лица:

Юсиф — почтенный человек, 70 лет

Сария — жена Юсифа

Нофаль — их сын

Анвар Бадалов — рядовой солдат

Председатель суда

Прокурор

Адвокат

Саркисян — армянский военный

Римма Георгиевна — армянка, девушка, 26 лет

Мама Роза — армянка, повар

Ашот — армянский военный

Вазген Параян — армянин

Хачатуров — председатель агентства Армянской
специальной тайной службы

Степанян — армянский военный

Алиханян — армянский военный

Григорян — армянский военный

I военный разведчик

II военный разведчик

III военный разведчик

ДЕЙСТВИЕ I ЯВЛЕНИЕ I

Кабинет председателя агентства специальной тайной службы Министерства Армянской национальной безопасности, полковника Хачатурова. Степанян, Алиханян, Григорян...

Хачатуров: Я пригласил вас сюда с целью узнать состояние Карабахской войны и ускорить её ход. Вначале хотел бы выслушать вас, Степанян.

Степанян: Русские военные объединения и армянские добровольцы выступают единым фронтом. Вечером генерал русской армии Семёнов снабдил нас в большом количестве боеприпасами. На этой неделе должны взять Гызылджинские сопки Азербайджана.

Хачатуров: Дополнительно что-нибудь надобно?

Степанян: Пока нет.

Алиханян: У нас тоже хорошее положение. Вчера у русских военных объединений взяли три залповые установки системы «град», пять танков, приобрели в большом количестве автоматы, пулемёты. Нам помогают также наёмные солдаты из Ливана и Сирии.

Хачатуров: По плану ваша военная часть завтра к утру должна захватить Мешали. Это очень важный стратегический объект.

Алиханян: Да. Можете быть уверены. Мы мобилизовали силы. У бойцов высокий дух. Надеюсь...

Хачатуров: Прекрасно. По-моему, наш хромающий участок – военная часть под руководством Григоряна.

Григорян: Господин полковник, мы тоже усиленно готовимся к бою. Наладили необходимые связи со шпионами из Азербайджана. В этом деле и господин Кочарян помо-

жет нам. Было бы хорошо, если мы приобретём план боя операции «Гоша чинар». В таком случае и потерь будет меньше.

Хачатуров: В этом направлении идёт интенсивная работа. Как только получим достоверные результаты, вы будете осведомлены.

Григорян: Есть, господин полковник.

Хачатуров: Не беспокойтесь, на всякий случай этим вечером вам будут посланы дополнительные силы.

Григорян: Большое спасибо, полковник.

Степанян: Связь со шпионами из Азербайджана даёт больше возможностей, чем дополнительные силы, поэтому необходимо усилить разведку.

Алиханян: Я тоже поддерживаю мнение Степаняна.

Хачатуров: Кто препятствует вам? А как обстоит дело с пленными?

Алиханян: В предыдущем бою взяли в плен 52 человека: из них 12 женщин, восемь детей, шесть молодых парней, остальные — старики.

Григорян: У нас количество пленных тридцать четыре, господин полковник.

Степанян: Знаете, я пришёл в подразделение недавно, пока в серьёзной операции не участвовал, поэтому у нас...

Хачатуров: Вас понимаю. Доведу до вашего сведения: пленные нам очень нужны. Различные органы детей продаются за границу, — а это источник валюты. Физически сильные привлекаются к работе в тылу, потерявшие же работоспособность обмениваются на попавших в плен армянских военных. Что же касается взятых в плен азербайджанских военных, то с ними должны быть беспощадны. Их должны довести до такого состояния, чтобы, на всякий случай, после освобождения из плена не могли снова попасть в боевую часть. Война требует жестокости. Каждый армянский солдат должен знать, если не убьёт

врага, как только подвернётся удобный случай, то враг убьёт его. Есть другие предложения?

Степанян: Нет.

Алиханян: Можем идти, господин полковник?

Хачатуров: Хорошо... Григорян, с планом операции «Гоша чинар» сегодня сам займусь, дам задание соответствующим людям.

Военные выходят из кабинета. Хачатуров разговаривает по телефону. Входит агент Римма Георгиевна.

Хачатуров: Садись... Римма Георгиевна, в связи с одним важным заданием ты должна отправиться в ближайшее время к границе с Азербайджаном в одно из наших сёл.

Римма: Ради свободы Великой Армении готова идти и на смерть.

Пауза

Хачатуров: За короткий период как очень способный агент нашей организации ты завоевала большой авторитет.

Римма: Большая честь для меня — служить своему народу.

Хачатуров: Партия Дашнакцутюн гордится такими патриотами, как ты.

Римма: Мы, армяне, ради захвата азербайджанских земель начали войну и до полной оккупации этих земель будем сражаться.

Хачатуров: По сведениям нашего агента из Азербайджана, в ближайшее время сможем без потерь захватить несколько азербайджанских районов.

Римма: Что я должна сделать в этой операции?

Хачатуров: Ты мужественная девушка. Значит так, изменив внешний вид, этим вечером ты должна перейти азербайджанскую границу.

Римма (удивляясь): Как?

Хачатуров: Не тревожься, в этом деле тебе окажут помощь. Как только ты перейдёшь границу, тебя встретит наш представитель, Ашот. Вот фотография Ашота (взяв фотографию со стола, протягивает ей). Увидев его, узнаешь.

Римма: В чём будет заключаться моя работа?

Хачатуров: Не торопись, всё будет тебе ясно. Раньше жила в Сумгаите и тюркский язык знаешь хорошо. Верно?

Римма: Да, верно.

Хачатуров: Сейчас у тебя есть возможность отомстить этим тюркам, национальным врагам армян.

Римма: Я готова. Можете приказывать, господин полковник.

Хачатуров: В этом деле торопиться нельзя. Разведка требует большого терпения, острого и быстрого ума, холодного сердца. Вспышка чувств приводит к катастрофе. Войдя в любовную игру с капитаном по имени Нофаль Калантарли, должна взять план боя села Гюнешли.

Римма: Но...

Хачатуров: Он не такой уж трудный человек, как ты думаешь. На самом деле, он проданся нам, наш подручный в Азербайджане. С его помощью мы выполнили большую работу.

Римма: В таком случае, господин полковник, зачем меня посылаете туда?

Хачатуров: Он, как секач, который плохо сидит на рукоятке, что взбредёт в голову, то и делает.

Римма: С таким скользким человеком...

Хачатуров: За эту операцию он просит в большом количестве деньги, но не стоит бояться. Этот субъект чересчур падок на деньги и женщин. Увидев тебя, сразу растает, даже про деньги забудет. Мы не сможем дать ему столько денег, поэтому ты должна справиться с этим заданием. Как

сказала намереди? «Ради Великой Армении...».

Римма (*улыбаясь*): Есть, господин полковник.

Хачатуров: После выполнения операции тебя ждёт награда.

Римма: Есть. Разрешите, я пойду подготовлюсь.

Римма выходит из кабинета. Хачатуров улыбается вслед ей. Посмотрев на фотографию Нофаля, бросает в сторону. Потом и сам выходит из кабинета. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ II

Дом повара Мама Розы. Это высокая, статная, красивая женщина. Ашот и Римма входят в комнату. Мама Роза встречает их с улыбкой.

Ашот: Роза джан, принимай гостя.

Роза: Ашот, какая красивая девушка! Так и хочется...

Ашот: Так не делай. Журналистка, будет писать о наших бойцах. Зовут Римма. Некоторое время останется у тебя.

Роза: Для меня — желанный гость (*Ашот смотрит на Римму с вожделением. Роза сердится на него*). Чего, разинув рот, смотришь, как жадный волк?

Ашот: На красивую девушку смотрят да, Роза джан.

Роза (*в шутку*): Иди найди себе ровню, Ашот джан.

Ашот: А каков я?

Роза: Балуюешься.

Ашот (*намеренно меняет разговор*): Римма джан, первым делом напишешь о нашей поварихе Маме Розе. Приготовленные ею блюда так же сладки, как она сама.

Роза: Ашот верно говорит.

Римма (*в шутку*): Написать большую статью о Розе

возложите на меня. Но...

Ашот: Что но?..

Римма: Что её блюда сладки, я поняла, а то, что Роза сладка, откуда знаешь?

Роза: Эх... Ты ещё плохо знаешь Ашота. Обжора; столько говорит, сколько ни соображай, ничего не поймёшь из сказанного. И сейчас, видно, заставив написать обо мне статью, хочет прославить меня.

Ашот: Ты известная в этих местах Мама Роза. Тебя знают и собаки этих мест. Нет надобности в пропаганде, верно говорю, Роза джан?

Роза: Мало болтай, уходи отсюда. Оставаясь...

Ашот: Хорошо, до утра.

Ашот уходит. Переодевшись, Римма бросается на диван.

Роза: Хороши солдаты этой деревни. И меня очень любят.

Римма: Ты красива, красивых любят.

Роза: Уж лучше бы судьба была красива.

Римма: А что же с судьбой? Не сглазить, дом, как цветник, сама красива. Говоришь, и солдаты заботятся о тебе.

Пауза

Роза: Надоели мне. Молода, завтра тебя увидев, сойдут с ума. Многих не знаю, жалко их. Сколько времени ушли из дому! Многие семейные. Что хочу сказать, понимаешь, да?

Римма: Почему не понимаю? Мягкосердечный человек. Да, увидев красивую женщину, мужчины должны терять разум.

Роза: Все, как голодные волки, ждут добычу...

Римма: Я добыча с шипами. Не беспокойся, меня не скушают.

Роза (*смеётся*): А если скушают — застрянешь в горле. Это верно говоришь. По нутру твои слова. У азербайджанцев есть пословица: «Если корова не подмигнёт, бык не вскочит». Я хорошо знаю себе цену.

Роза: Ты давно живешь в Ереване?

Римма: Нет... Беженка из Сумгаита.

Роза: Ой... Не говори о Сумгаите. Когда смотришь передачи о сумгаитских событиях, ужасаешься, стыдишься, что родился человеком.

Римма: Да... Ну и что?

Роза: Между нами, все трагедии мы, армяне, совершили сами. И сумгаитские события мы, армяне, сотворили. И на весь мир мы, армяне, распространили: «убивают».

Римма: Что ты хочешь сказать этими словами?

Роза (*испугавшись*): Ничего... Хочу сказать: эта резня нам не нужна была да и тюркам...

Римма: Во все времена было так: земли омывались кровью.

Роза: Невинных людей бросили в кровавую пахталку.

Римма: Дело земли — очень трудная задача. Давай сменим тему разговора.

*Приходят Нофаль, Ашот, Вазген; шум, гам
наполняют комнату.*

Ашот (*Нофалю*): Вот ханум, о которой рассказывал. Зовут Римма. Познакомься — понравится.

Нофаль и Римма знакомятся.

Роза: Стол накрыт. Перейдём в соседнюю комнату.

Все идут. Задняя часть сцены темнеет, передняя часть освещается. Стол накрыт заранее. Начинается

застолье. Роза нажимает на кнопку магнитофона. Нофаль приглашает Римму на танец. Ашот и Роза тихо беседуют.

Ашот (Римме): Ахчи, наш товарищ давно нигде не был. Что требует — исполни.

Римма: Ашот, твой товарищ похож на хорошего человека. Отчего, не знаю, в этом мусульманине вижу родного. Прямо похож на наших армянских мужчин.

Вазген: Армянские женщины очень любят мусульманских мужчин.

Римма: У вас своё место, у них — своё. Армянских мужчин никто не превзойдёт.

Ашот: Так не говори, обидишь гостя.

Нофаль: Не обижусь, Римма джан, смотри на меня, как на армянского мужчину.

Римма: Клянусь, ты настоящий мужчина. Ничем не утруждаешь.

Ашот: Римма, прошу для нашего гостя на этом столе, как говорят турки, станцуй извергающий танец. Роза, а ты спой песню, чтоб душа развеселилась.

Ашот (обращаясь к Вазгену): Этим вечером у этого глупца, пока он не потерял разум, необходимо взять план операции села Гюнешли. Я должен послать сведения в центр.

Вазген: Не торопись, этот субъект может предугадать. Дай возможность втереться в душу. Потом легко будет, узнаем всё необходимое.

Ашот: Не давай ему много пить. Безумная голова, чего хочешь, может натворить. Возьмём план, хочет — пусть ползает в кувшин.

Нофаль обнимает Римму.

Нофаль: Римма, ты настоящая танцовщица. Смотря на тебя, чуть не теряю себя. Считаю себя самым счастливым на свете.

Римма: Наверное, давно не видишь женщину (*смеются*). Говоря о счастье, что имеешь в виду?

Нофаль: Это отвлечённое понятие. Сейчас хочу остаться с тобой наедине.

Римма: В вашем фильме «Аршин мал алан» есть один эпизод.

Нофаль: Там много эпизодов, какой имеешь в виду?

Римма (поёт): Выйду за того я парня,
Денег много у кого,
Скорби мало у кого.
Деньги есть?

И Нофаль вместе с ней поёт.

Нофаль: Денег полон — весь амбар,
А вдобавок доллары.

Римма: Дашь деньги — выполню все твои желания.

Нофаль, вынимая из кармана доллары, рассыпает над её головой.

Роза, поймав на лету, засовывает в грудь. Римма выражает недовольство.

Нофаль: Не устраивайте драку, обеим хватит.

Римма (набросившись на Розу): Эти деньги мои, верни, говорю.

Ашот: Римма джан, деньги — вещь хорошая, но ради них не стоит разрываться.

Римма: Нофаль — мой любовник, почему он должен давать деньги другим?

Вазген: Ахчи, у нас денег больше, чем у Нофалья.

Ашот (*тихо*): Не вмешивайся, у мужика есть деньги, пусть даёт.

Римма: Ашот, вы не мужчины? Не наступит конец света, если мне немного поможете.

Ашот: Ты же служишь Нофалю.

Вазген: Ты удовлетвори Нофаля, сколько скажешь, помогу, не волнуйся.

Нофаль: Я сам не умер...

Нофаль хочет вынуть деньги из кармана, Вазген, ухватив его руку, не позволяет.

Вазген: Пока не надо. Возьми себя в руки.

Нофаль: Жизнь коротка да черна. Деньги — грязь с рук. Может, неожиданно стану жертвой шальной пули, поэтому хочу повеселиться.

Ашот: Дамы, вы поговорите с Вазгеном, у меня с Нофалем есть разговор по секрету.

Нофаль и Ашот отходят в сторону.

Вазген (*взяв бутылку водки*): Ангелочки, давайте выпьем.

Роза: Без выпивки дело не идёт?

Вазген с женщинами приближается к столу.

Ашот (*Нофалю*): Готов план взятия села Гюнешли?

Нофаль: Да, он у меня, сам его готовил. Без потерь сможете взять Гюнешли. Там всё указано в точности.

Ашот: Армянский народ твою услугу высоко оценит. Ты всегда будешь под нашим вниманием, заботой, покровительством.

Нофаль: Вы знаете да, куда перечислять причитающие-

ся мне деньги?

Ашот: Центр знает все твои координаты.

Нофаль: Отлично... Ашот, после этой операции навсегда хочу переехать в Ереван. А потом Бог даст, может, уеду в Америку.

Пауза

Ашот: С деньгами, заработанными в короткий срок, можешь переехать и на «Марс».

Нофаль (*смеётся*): Чтобы хорошо жить, надо рисковать... Ашот, моя жизнь поставлена на риск. Когда тайна раскроется, меня уничтожат.

Ашот: Без риска нет жизни, Нофаль, живи в своё удовольствие. Римма ждёт тебя.

Они подходят к столу. Шум, гам. Ашот наполняет бокалы.

Вазген: Давайте выпьем за честь и славу Нофаля. Он способный, смелый, верный дружбе. Нофаль верит в наше справедливое дело. Он знает: мы боролись за справедливость. Древние армянские земли должны быть возвращены своему народу.

Роза: Кончайте политику. Мы сюда пришли развлекаться, а не заниматься куплей-продажей земли.

Нофаль: Роза верно говорит. Риммочка, иди ко мне.

Ашот: Давайте мы уйдём.

Римма и Нофаль.

Нофаль (*Римме*): Дорогая, у меня много денег. Ты нравишься мне. Захочешь — навсегда уйдём из этого ада. Зачем мне земля? Каждый день забивают голову политикой.

Римма: Кто?

Нофаль: Тысячью хитростями обманывающие народ,

читающие нам назидания о земле, родине, занявшие посты, собирающие взятки, грабящие имущество народа. Нам это надо, дорогая, быть инструментом в чьих-то руках?

Римма (с удивлением): Нофальчик, ты правду говоришь?

Нофаль: Дорогая, мне надоела эта ненужная война. Уши гложут от выстрелов. Сколько можно видеть кровь, смерть? И я, как все, хочу жить.

Римма: Я, как ты, всегда мечтала жить свободно. Скажу откровенно, хотя знакомы недавно...

Пауза

Нофаль: Я смотрел на войну, как на бизнес. На ней я заработал миллионы долларов. Умру — пропадут в зарубежных банках. Завтра иду в боевую часть. Даю тебе слово, отдав Гюнешли вашим, на следующий день приду сюда на пиршество. Опять буду с тобой. Возьми эти две тысячи долларов (даёт доллары Римме). Подумай хорошо, дорогая, дай мне заключение.

Римма: Постель готова... Пойдём. Пойдём отдохнём, остальное обсудим на ясную голову.

Сцена немного темнеет, задняя часть её медленно светлеет. Нофаль и Римма в домашней одежде.

Нофаль (потягиваясь): Нервы немного успокоились.

Римма: Иди в ванную комнату. Принять душ утром — большое удовольствие (Нофаль уходит. Внутренний голос Риммы). Предатель родины, насколько ты наивен! Я ради Великой Армении и на смерть готова. Хитро покровительствуя таким безрассудным, сможем захватить многие деревни и города Азербайджана.

Приходит Ашот, Римма подходит к нему.

Ашот: Где Нофаль?

Римма: Купается. Ашот, возьми эти материалы, отправь в Ереван. Как знать, вдруг попадутся в руки.

Ашот: Этого субъекта держи в руках... С его помощью много дел можно сделать.

Римма: Хорошо.

Ашот уходит. Римма переходит в соседнюю комнату. Сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ III

Дом Параняна. Устроен торжественный обед. Армяне ждут Нофаля. Нофаль же не приходит.

Роза (Римме): Ахчи, устали ждать, томясь в ожидании, этого глупого предателя.

Римма: Если б не было его предательства, трудно было б захватить столько земель.

Вазген: Даже если б взяли, у нас были бы большие потери.

Ашот: Да, большая работа с малыми потерями. В азербайджанской армии большие потери. В большом количестве взяты в плен азербайджанские солдаты. Признаемся, эта заслуга Нофаля.

Римма: Мы должны заботиться о таких. Один азербайджанский предатель полезнее ста армянских солдат.

Роза: Я не знала, что Нофаль таков. Может, свяжетесь с ним по рации.

Ашот: В нынешней ситуации можно испортить дело.

Вазген: Впереди у нас много дел.

Роза: Ашот, он за сколько продал нам Гюнешли?

Ашот: Это военная тайна. Распространять тайну — значит расстроить будущие операции.

Римма: Нофаль опаздывает, может он в опасности?

Вазген: Он такой вероотступник, бросишь мёртвым на жернова мельницы, выйдет живым.

Смеются.

Роза: Ашот, какое последующее задание Нофаля?

Ашот (*уклоняясь от вопроса*). Это знает центр. Какое задание дадут — то и претворим в жизнь.

Римма: Корни находятся очень глубоко. Было бы хорошо, Роза, если б не совала нос во все дела.

Роза: Римма джан, несмотря на то, что я повариха, я тоже многое знаю.

Ашот: Ты знаешь совершенное, а что совершится — нет.

Роза: Почему?

Римма: Ашот говорит правильно.

Вазген: Можете быть спокойны, Римма, что будете делать вечером, на какой стороне лица будете спать, Роза знает.

Римма (*смеясь*): Не сомневаюсь в этом. Но что придёт на ум Кочаряну в Карабахе, не уверена, что Роза осведомлена.

Пауза

Роза: У азербайджанцев есть хорошая пословица: «Чош» сказал, вспомнил осла». Ты сказала: Кочарян, я вспомнила, что должна искупаться в бане. Вечером будет гость. Разрешите, я уйду. Нофаль всё равно опаздывает.

Ашот: Вы идите, Мама Роза... Я начинаю тревожиться.

Роза уходит.

Вазген: Может, свяжешься с Нофалем?

Ашот (*думает, хочет привести в рабочее состояние*

радиоприёмник): Не получается, Вазген. Найдя возможность, сам свяжется с нами.

Римма: Как полагаете, не убит?

Вазген: На основе наших заданий, он, выполнив свою работу, исчезает. Достигнув желаемого, останавливается в нужном месте.

Римма: Азербайджанские военные не заподозрят его?

Ашот: Среди азербайджанских военных высокого ранга есть создающие ему условия, иначе столько преступлений он не смог бы совершить.

Римма: Он на совершаемые дела смотрит как на бизнес, а не как на преступление.

Вазген: Какая разница: так или этак? Преступление тоже совершается ради денег. Одним словом, деньги ослепляют.

Римма: Нофаль не может быть азербайджанцем.

Ашот: Ты это откуда знаешь?

Римма: Никогда человек не предаст свою родину, свой народ.

Вазген (*смеётся*): Может, мать из наших?

Ашот: А может, и отец.

Римма: Азербайджанские женщины не развлекаются с армянскими мужчинами.

Вазген (*садится за стол*): Ашот, я умираю с голоду, давайте немного перекусим. Если Нофаль придёт, возобновим пир.

Ашот: Не возражаю.

Радиоприёмник посылает сигналы.

Римма: Ашот, посмотри — кто?

Ашот (*разговаривает*): Да, слушаю... Нет... Мы тоже ждём...

Вазген: Кто?

Ашот: Из центра. Тревожатся по поводу того, что от Нофаля нет вестей.

Они садятся за стол, едят — пьют. Вазген поднимает бокал.

Вазген: Решив проблему с Карабахом, должны поднять проблему грузинского Ахалкалака. Верю: победа близка. Увеличивая давление на Карабах, напряжение в Баку достигает критической точки. Все в смятении, теряют голову, что говорят уста, не слышат уши. Это психологическое давление постоянно должно оставаться на повестке дня.

Ашот: Дорогой, в действительности, мы тоже фанатики... Вазген, не было надобности в этой войне. Возможности Азербайджана широки. Я не политик, но понимаю, если бы мы не подняли проблему земли, территории, в скором времени бакинская нефть, его промышленность стали бы нашими.

Римма: Нет, Ашот, я не смогу согласиться с тобой. Эти объекты пусть принадлежат кому угодно, не имеет значения, мы должны продолжить войну. Должны присвоить наши земли и в Турции. Без этого у Армении нет пути спасения, нет будущего.

Вазген: Римма, ты член партии Дашнакцутюн?

Римма: Да! Каждый армянин и ребёнок в утробе матери обязан быть членом Дашнакцутюна... Ну и что, что я женщина, готова пить кровь тюрков.

Ашот: Ты так говоришь, Римма, как будто в спальню к Нофалю заходила не ты, а я: ха-ха-ха.

Римма: Верно, заходила, не забывайте, это действие — часть моей борьбы за Великую Армению...

Вазген: Ха-ха-ха.

Римма: Мы, женщины, воинственнее вас, мужчин.

Ашот: В чём?

В очередной раз чокаются бокалами, пьют. Вазген нажимает на кнопку магнитофона. Ашот приглашает Римму на танец. И Вазген присоединяется к ним. В это время ударом ноги дверь раскрывается настежь. Три азербайджанских военных разведчика с автоматами врываются внутрь.

Первый военный разведчик: Не двигаться! Руки вверх!

Второй военный разведчик: Мерзавцы! Мозги развею.

Третий военный разведчик, проверив верхнюю и нижнюю одежду пленных, забирает оружия, заковывает их руки в кандалы. Армянские пленные смотрят друг на друга.

Третий военный разведчик: Пошли!

Азербайджанские военные разведчики выводят пленных из дома. Гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ II ЯВЛЕНИЕ IV

Живописная деревня Гёйтапа. Дом Юсифа-киши. Поодаль горные вершины. Юсиф-киши обеспокоен. Жена Сария вяжет чулок.

Юсиф (*разговаривая сам с собой*): Ровно семьдесят три года тому назад в этой деревне я открыл глаза на мир. Хотя читать и писать не умею, но многому научился. Для народа, для нации самое дорогое богатство — язык и земля, на которой он родился. Слава Богу, есть у нас красивый язык

и плодородная земля. Предки наши дорожили, охраняли, передавали их из поколения в поколение. Горжусь, что на свете есть такое государство как Азербайджан. Влюблён в его горы, непроходимые скалы и леса. Весна — с разноцветными красками, лето — с ледяными родниками, осень урожайная. В этом уголке сейчас зима. Горы покрыты белым снегом. Моя деревня, да буду я жертвой твоей! Предавшим тебя, нет места на лоне твоём.

Сария: А киши, что с тобой опять случилось? Не в себе ты.

Юсиф: Что могло случиться? Коварный враг ел наш хлеб, пил воду, а потом предал нас. На границе гибнут люди. Дети живут в страхе. Да к тому же и земли теряем. Да что перечислять.

Сария: От бестолковости, забывчивости нашей... Разве это в первый раз?

Юсиф: Земли наши, как вещь продаются. Меня огорчают безбожные предатели.

Сария: Не торопись, они тоже будут наказаны.

Юсиф: Верю. Божье терпение широко. Жаль павших, осквернённой земли... Посмотри на небо...

Сария: Что случилось?

Юсиф: Честно только это небо. Если нога человека ступит туда, оно тоже утонет в грязи. Почему так получилось? Встань, принеси мне свирель.

Сария приносит свирель. Юсиф играет. У Сарии из глаз катятся слёзы. Через некоторое время свирель умолкает.

Сария: Прослезилась... Ай, Юсиф, не слышала, чтоб ты так заунывно играл.

Пауза

Юсиф: Когда наполненная туча опустошается, во все стороны разливается вода.

Сария: Знаю, думаешь о Нофале. Говорю, вот война б кончилась, и он вернулся, женили б его, и мы увидели б внуков.

Юсиф: Война принесла горе многим семьям. Давненько от этого горемыки нет вестей. Иногда думаю, может, попал в плен? Бог знает, может, убит, стал шехидом.

Сария: Что за разговоры? Наверное, помешался. Беда только нам послана?

Юсиф: Что я сказал, женщина? Это война. А война — смерть, потеря. Как люди, так и мы. Возьми свирель, повесь на место. (*Сария уходит в другую комнату. Юсиф смотрит в сторону гор*). Ой, Аллах, если б была возможность, превратил бы мир в рай, освободил бы Карабах от врагов. Каждый жил бы так, как хотел.

Сария возвращается, ощущает задумчивый взгляд Юсифа.

Сария: Если так пойдёт, себя погубишь, ай киши.

Юсиф: Дни видел, прожил свой век.

Сария: Не печаль сердце.

Приходит почтальон Самед, здоровается.

Юсиф: Да... От Нофаля письмо?

Самед: Телеграмма.

Сария: Приезжает в деревню?

Самед: Возьмите читайте.

Сария: Вай, что-то случилось с ребёнком?

Самед: Успокойся, Сария-баджи, сын ваш жив.

Самед читает телеграмму.

Юсиф (жене): Значит, завтра в десять часов в Верхов-

ном суде состоится судебное разбирательство по делу Нофалья. Требуется наше участие там.

Самед, попросившись, уходит.

Сария: Какие могут быть дела у нашего сына в суде?

Юсиф: Откуда я знаю, поедем — узнаем.

Сария: Ничего не могу понять.

Сцена понемногу темнеет. На заднем плане свет увеличивается. Юсиф и Сария заходят в дом. Собирают необходимые вещи в сумку.

Юсиф: На нашу долю выпало и такое.

Глаза Юсифа устремляются на висевшую на стене фотографию Нофалья.

Сария: Не смотри на фотографию дитя, как на кровного врага. Пока нельзя знать, почему нас вызывают в суд.

Юсиф: В суд не по головке погладить вызывают.

Сария: Ты только не нервничай.

Юсиф: Возьми паспорт, деньги, поторопись.

Сария (прослезясь): Что за беда к нам пришла?

Юсиф: Нет, жёнушка, Нофаль не может сбиться с пути. Не верю. Твои бессонные ночи, мои мучения, воспитание, данное ему, не могут пропасть даром.

Сария: Клянусь Богом, я тоже не верю.

Пауза

Юсиф: За семьдесят три года жизни с работниками суда, прокуратуры не сталкивался, но много раз слышал слова «суд», «народный судья», «прокурор». И в голову не могло прийти, что на склоне лет путь будет лежать в суд, кто знает, может, и мне придётся отвечать. Среди тех, кого

не видел, не слышал голоса должен буду отвечать на вопросы председателя суда, прокурора и других.

Сария: Ну и что? Разве только мы одни, кто имеет дело с судом? Люди идут разводиться, разводятся и, оскаливая зубы, возвращаются. А что с нами? Покамест ничего нет.

Юсиф: Очень устал. Нервы. Как ты думаешь, Нофаль может совершить преступление? Мой сын не может быть преступником. Мне это никак не понять. Может, его сбили с пути? Нет! Ради чего он может сбиться с пути? Видно, какое-то недоразумение. Может, его обвинили? Во всяком случае человека просто так не поймают... (*Глубоко вздыхает*). Убить человека он не сможет. Может предателем стал? Предательство? Откуда эта ноющая боль в груди?

Сария: Путь далёк, а киши, не будем задерживаться..

Они, разговаривая, отправляются в путь. Свет гаснет.

ЯВЛЕНИЕ V

Зал суда. Прокурор, председатель суда, заседатели, адвокат, секретарь суда усаживаются на свои места. Юсиф и Сария тоже сидят в зале. Полицейские приводят Нофалья в наручниках и усаживают за железную решётку. Сария невольно встаёт. Нофаль ни на кого не смотрит, опустил голову вниз.

Председатель: Объявляю заседание суда открытым. Приступаем к судебному разбирательству по делу обвиняемого Нофалья Юсиф оглы Калантарли. Подсудимый Нофаль Юсиф оглы Калантарли обвиняется в продаже секретов оперативной группы «N»-ой воинской части Азербайджана в округе Гоша чинар. В связи с судебным разби-

рательством обвиняемого Нофалья Юсиф оглы Калантарли слово предоставляется советнику юстиции первой степени товарищу прокурору для прочтения постановления прокуратуры.

Прокурор: Исследования материалов уголовного дела, объяснения свидетелей, разговоры на местах, неожиданное изменение хода направления войны, продажа военных тайн, захват врагом военных припасов вполне подтверждают, что командир Нофаль Юсиф оглы Калантарли создал условия врагу, чтобы руководимая им группа попала в окружение, что и доказано. В результате враг взял в окружение бойцов воинской части. Солдаты попали под шквальный обстрел, земли деревни оккупированы, люди взяты в плен. Поэтому на основе соответствующей статьи уголовного кодекса Азербайджанской Республики выдан ордер на арест обвиняемого.

Председатель: Садитесь.

Пауза

Голос Юсифа: Кабы уши оглохли. Господи, что за напасть мне послал на старости лет?! Ай неблагодарный, сын неблагодарного, я тебя любя, чистыми чувствами растил... На тебя смотрел с надеждой. Откуда я мог знать: на груди возвращённый змеёныш будет убийцей народа. Ослепни ты от хлеба моего... Подлец, осквернивший мой очаг... Как ты меня опозорил! Такое горе не под силу и горе.

Председатель обращается к Нофалю.

Председатель: Подсудимый Нофаль Калантарли, какова была твоя цель в продаже врагу тайны «N»-ой воинской части Чичаклидаринского подразделения Азербайджана?

Нофаль: Я не продавал никакой тайны. Всё это построено, чтобы запутать меня и дискредитировать во фронтовом подразделении. Всегда завидовали мне. Боялись, что

в скором времени повысится мой чин. Давал объяснение и сейчас говорю: я не предатель и такой мысли у меня не было. Как азербайджанец родину любил и сегодня люблю. Ни с одной клеветой не согласен.

Голос Юсифа: Может, и вправду он не виноват, беднягу оклеветали. Сколько вон завидующих!

Прокурор: Я ознакомился с этими документами, действительность отражена, как в зеркале. О какой клевете говоришь? Ты предал военную тайну, а сейчас ложью хочешь высвободиться?

Нофаль: Я одно знаю: эту сеть установили преднамеренно. Но у нас есть хорошая пословица: «Не рой другому яму — сам попадешь».

Прокурор: Вместо того, чтобы приводить образцы из народных изречений, предавая, думал бы о Родине, народе, родителях...

Нофаль: Не трогайте моих родителей. Напрасно их сюда позвали.

Адвокат: Не оказывайте давление на подсудимого, господин прокурор. Если будет доказана на суде его вина, тогда можете называть его преступником.

Прокурор (обвиняемому): По протоколу участие родителей на суде необходимо. Как командир ты знал пути передвижения «N»-ой воинской части Чичаклидаринского подразделения?

Нофаль: Нет, это неправда. И другие тоже знали. Здесь не было никакой тайны.

Прокурор: Но из центра эти инструкции давались только тебе. Другие не могли знать об этом. Если кто-то узнал, значит ты сказал.

Нофаль: Нет, я никому не раскрывал тайны. Видимо, другими путями получили сведения... Просто, как командир сейчас я вынужден отвечать за предателей.

Председатель: Позовите свидетеля Саркисяна.

Саркисян приходит.

Председатель: Представься.

Саркисян: Саркисян Хорен Амбарцумович. Родился в Ереване. В Чичаклидаринском бою взят в плен.

Председатель: Подсудимый Нофаль Юсиф оглы Калантарли, ты знаешь преступника, одного из командиров захватнической армянской армии Саркисяна?

Нофаль: Нет, не знаю.

Председатель: Свидетель Саркисян, ты, как, знаешь Нофаля?

Саркисян: Да, я его очень хорошо знаю.

Нофаль: Неправду говорит.

Саркисян: Я встречался с ним три раза. Несколько раз связывались по рации. Он хорошо знает меня. Некоторые сведения получал от него.

Председатель: Какие сведения передал тебе Нофаль Калантарли?

Саркисян: Место нахождения основной части, стратегические высотные укрепления, время атаки, огневые точки, количество солдат. Одним словом, все военные тайны я узнал от него.

Нофаль (раздражённо): Какой ты подлец!

Председатель: Обвиняемый Калантарли, будешь говорить, когда тебе дадут слово.

Прокурор (Саркисяну): Раскрывая эти секреты армянам, какую цель преследовал подсудимый Калантарли?

Саркисян: Передавая нам секреты, он взамен получал трупы солдат и продавал родным. В этом деле и я несколько раз помогал ему.

Прокурор: С кем из армян он ещё держал связь?

Саркисян: С командиром нашего полка Ашотом.

Нофаль: Я такого армянина не знаю. А этого армянина против меня подучили.

Саркисян: Ашот всегда нам хвалил Нофалья, говорил, что он сторонник армян. Потом мы сами тоже убедились в этом. Мы очень легко использовали Нофалья. В «Чичаклидаринской операции» основные сведения нам дал он.

Председатель: Как можешь доказать, что Нофаль «армянопоклонник»?

Саркисян: Доказательство то, что он продался нам.

Председатель: Я хотел бы, чтоб ты уточнил мысль о том, что он «армянопоклонник».

Саркисян: Это нас тоже удивляло. Будучи азербайджанцем, повернуться против своих. Мы смотрели на Нофалья лишь как на предателя. На одной из встреч он как-то сказал мне: «Вы не торопитесь, мы вместе расправимся с тюрками... Я верю, создастся Великая Армения, тюрки в конце концов проиграют эту войну...».

Нофаль: Сейчас увидели, что это клевета. Я, будучи азербайджанцем, как мог сказать такие слова?

Саркисян: И мы были очень удивлены.

Пауза

Адвокат: Ваши слова кажутся неправильными.

Саркисян: Я говорю правду.

Председатель: Ясно... Что можешь сказать об Ашоте?

Саркисян: Ашот служит в тылу. Ведёт работу с азербайджанскими пленными.

Председатель: С каких пор Нофаль Калантарли знает Ашота?

Саркисян: Не смогу сказать точно. Но однажды при мне Ашот по радиации обратился к Нофалю со словом «брат», звал его в гости в армянскую деревню, в дом Аракела. Ещё по радиации я слышал сообщение Нофалья, что придёт обязательно. Я не смог участвовать на этом пиру: разведывательное управление меня вызвало в Ереван. Но по полученным сведениям, в доме Аракела была весёлая компания, до полуночи веселились с целомудренными девуш-

ками. Дружба Ашота и Нофалья началась давным-давно.

Председатель: Из твоих слов выходит так, что Нофаль Калантарли и Ашот встречались до последних дней.

Саркисян: Да.

Председатель: Обвиняемый Нофаль Калантарли, а что на это можете сказать?

Нофаль: Сплошная ложь, клевета. Я не предатель. И армянина по имени Ашот не знаю, никакой связи с ним не было. И родину люблю не меньше здесь сидящих. А что касается этого мальчика-армянина, выступающего против меня, тут нет ничего удивительного. Враг моего народа не будет же хвалить меня, офицера, командира национальной нашей армии, в бою нещадно бившего врага. Я, Нофаль Юсиф оглы Калантарли, всегда охранял честь своей земли, не боясь, сражался с врагом. Армяне хотели перетянуть меня на свою сторону, но я не пошёл на их уловки.

Прокурор: Обвиняемый Нофаль Калантарли, по нашим сведениям, чтобы держать связь с армянами, у тебя был специальный шифр. Как именуется этот шифр?

Нофаль: У меня не было никакого шифра. Всё — выдумка.

Председатель (*обращаясь к Саркисяну*): Какой шифр Нофалья?

Саркисян: НҮК (*эн ю ка*).

Председатель: Расшифруйте.

Саркисян: Нофаль Юсиф оглы Калантарли.

Председатель: Кто дал этот шифр Нофалью?

Саркисян: Наше разведывательное управление...

Председатель: Значит, Нофаль Калантарли имел прямую связь с управлением армянской разведки.

Саркисян: Да. Он имел прямую связь с центром. За каждую значительную тайну партия Дашнакцутюн давала ему особо крупную сумму денег.

Председатель: Обвиняемый Нофаль Калантарли, где

ты держал накопленные деньги?

Нофаль: Все обвинения сфабрикованы. У меня нет связи с армянской разведкой. Не брал деньги у партии Дашнакцутюн. Саркисян, чтоб сохранить себе жизнь, клеветает на меня.

Председатель. Свидетель Саркисян, куда перечисляла Дашнакцутюнская партия причитающиеся Нофалю Калантарли деньги?

Саркисян: Во французский банк, можете проверить.

Адвокат: Но подсудимый не был во Франции. А если не был во Франции, как мог открыть счёт?

Саркисян: Нофаль также гражданин Армении. Армянская разведка несколько раз отправляла его во Францию.

Председатель: Нофаль Калантарли, у нас есть сведения о твоих вкладах во французский банк. Документы у нас в руках.

Пауза

Нофаль: Документы ложные. Повторяю: с армянской разведкой не имею связей, и во Франции не был.

Прокурор: Подсудимый Нофаль Калантарли, ты настойчиво утверждаешь, что у тебя не было связей с армянским разведывательным управлением (*показывает фотографию, вынутую из документов*). А что ты можешь сказать об этой фотографии, где ты сфотографировался с Параняном, ответственным работником этого управления.

Нофаль молчит. Прокурор вкладывает кассету в магнитофон. Несколько раз озвучивается разговор Нофаля по радиции с армянской разведкой: «Я - НУК» (эн ю ка).

Председатель: Подсудимый, сказать правду намного полезнее, чем утверждать ложь.

Прокурор: Подсудимый Нофаль Калантарли, что обещали тебе за выдачу секретов операционной группы «Гоша чинар» армянской разведке?

Нофаль: Я же сказал: не было у меня никакой связи с армянской разведкой, и никаких обещаний не получал. На фронте сражался как честный солдат, старался выполнять все приказы, идущие из центра. Даже на телевидении была подготовлена передача о моей воинской доблести.

Прокурор: Верно, ты выполнял приказы центра, но этот центр был армянским. Ты, как раб, претворял в жизнь приказы врага.

Нофаль: В операции «Гоша чинар» не было никакого предательства.

Прокурор: Ты грубо нарушил план разведывательной группы, уверил всех солдат, что в операции «Гоша чинар» армяне не смогут занять позицию. В настоящее время то место находится под контролем азербайджанских военных.

Нофаль: Абсолютно неправильно. План готовил не я один. И я, как другие, на обсуждении высказал свою мысль. Может быть, я ошибся.

Адвокат: Подсудимый, могло быть такое, что кто-то из коллег передал эти секреты врагу?

Нофаль: Я тоже начинаю осознавать.

Прокурор: Нет, не старайся свалить на других предательство... Ты никак не мог ошибиться. Разведывательная группа тебя вовремя предупредила. Ты был командиром, был ответственным за судьбу солдат, подготовку плана, исполнение. Ты подверг истреблению солдат, а сейчас, говоря, что совершил ошибку, стараешься уйти от ответственности. Должен знать и то, что предвзятое преступление, совершенное тобою, означает удар сзади в спину народа. Твои действия хуже ужасов, совершённых армянскими фашистами.

Нофаль: Я не совершал преступления против своего

народа. Сказанное вами надо доказать.

Председатель (*полицейскому*): Позовите свидетеля Анвара Бадалова.

Приводят Анвара Бадалова.

Председатель (*Нофалю*): Подсудимый Нофаль Калантарли, Анвар Бадалов был твоим солдатом. Он не будет клеветать на тебя?

Нофаль: Человек не верит и брату родному. Нельзя знать, что взбрѣдет на ум ему.

Председатель: Он поклялся рассказать правду. Анвар, ты единственный солдат, оставшийся в живых в операции «Гоша чинар», в боях принимал активное участие, был ранен. Подтверждаешь показания, данные против Нофаля Калантарли?

Анвар: Да. Был подготовлен очень хороший план операции: неожиданными манѣврами могли освободить несколько оккупированных деревень. Укрепили позицию и в Серт Гая. Оставалось получить приказ к наступлению. Нофаль не дал приказа к наступлению.

Председатель: Почему?

Анвар: Нофаль совершил предательство, продал нас.

Адвокат: Откуда узнал, что он вас продал?

Анвар: Несколько раз, возвращаясь из штаба, был свидетелем его разговоров по рации с армянами. Сначала растерялся, потом увидел, что он сам. Я хотел его убрать, но Шахин не позволил, чтоб не создавать панику среди солдат.

Адвокат: Может, перепутал голос? Этот голос принадлежал другому.

Анвар: Нет. Я хорошо знаю голос Нофаля. Голос принадлежал ему.

Нофаль: Враньѐ.

Анвар: Когда я потребовал приказ наступления, Но-

фаль сообщил об изменении плана, заявив идти в направлении села Чеменли, как будто там к нам присоединятся новые силы. Тогда ныне покойный Шахин сказал Нофалью: «Это открытое предательство». Неожиданно в направлении Чеменли армяне перешли в наступление, окружили солдат. Нофаль выстрелом сзади убил Шахина, меня ранил. Нофаль, думал, что я тоже убит, убежал.

Нофаль: Все сказанное — абсурд. Поле битвы не кукольный театр, чтоб играть там, как хочется.

Прокурор: Здесь не зрительный зал.

Анвар: Потерял всех боевых друзей. Видно, остался жив, чтоб раскрыть истинное лицо этого изменника, предателя родины, народного врага.

Прокурор: Теперь что можешь сказать?

Пауза

Нофаль: Надо полагать: план операции продали Шахин с Анваром. А сейчас Анвар бросает пыль в глаза. Как получилось, что все погибли, а он остался жив?

Председатель: Да, этот вопрос иногда следует задавать и себе, Нофаль Калантарли.

Прокурор: Обвиняемый Нофаль Калантарли, за два дня до взятия деревни Гюнешли, вечером вместе с другом детства Ашотом был в доме ответственного работника управления армянской разведки Вазгена Параняна.

Нофаль: Меня шантажируете, господин прокурор?

Прокурор: Значит, не признаешься? Ничего. А не упоминаешь армянских женщин Римму, Зою, Розу, с которыми кутили в тот вечер. Может, всё это тоже клевета, ложь, обвиняемый Нофаль Калантарли?

Нофаль (бесстыдно): Сказал же, я не ходил в дом к Вазгену, никакого плана не давал ему и на пирушке не был.

Пауза

Прокурор: Нофаль Калантарли, в день падения дерев-

ни Гюнешли, то есть после твоего ареста, наша армия освободила деревню, где вы кутили, от врагов. Переданная тебе Ашотом армянка Римма, с которой ты кутил, тоже попала в плен.

Председатель: Приведите свидетельницу, армянку Римму.

В судебный зал приводят Римму. Состояние Нофалья меняется.

Председатель: Знаешь Нофалья Калантарли?

Римма: Да, знаю.

Нофаль: Я эту девушку никогда не видел.

Председатель: Римма Георгиевна, скажите, когда и где познакомились с Нофалем Калантарли?

Римма: На вечеринке, за несколько дней до взятия деревни Гюнешли.

Председатель: Какова была цель твоего прихода в боевую часть?

Римма: Чтобы взять план боя села Гюнешли у Нофалья.

Председатель: Кто принудил тебя на это дело?

Римма: Армянское разведывательное управление.

Председатель: Под каким именем пришла в боевую часть?

Римма: Как журналист, будто написать статью о жизни бойцов.

Председатель: Как познакомились с Нофалем?

Римма: По плану Ашот меня познакомил. Я до утра веселилась с ним. У него забрала план защиты деревни Гюнешли. Он много чего мне сулил, даже предлагал уехать с ним в Америку и в карман положил две тысячи долларов.

Председатель: А что на это скажешь, Нофаль Калантарли? Сейчас признаешь, что знаком с Риммой?

Нофаль: Не знаю и знать не хочу.

Председатель: Может, есть вопросы у адвоката?

Адвокат: Нет.

Председатель: Суд объявляет перерыв (*Все покидают зал*).

ЯВЛЕНИЕ V

Суд в прежнем составе приступает к работе. Люди усаживаются в зале.

Председатель: Суд приступает к своей работе. Приведите Вазгена Параняна.

Приводят Вазгена Параняна.

Председатель: Вазген Паранян, ты знаешь Нофалья Калантарли?

Вазген: Да, знаю.

Председатель: А ты, Нофаль Калантарли?

Нофаль: Не помню, забыл.

Председатель (Вазгену): В твоём доме обсуждали план захвата деревни Гюнешли. Потом тот же план Нофаль Калантарли передал тебе. Ты подтверждаешь этот факт?

Вазген: Да, передал, подтверждаю. Вдобавок, чтоб не допустить ошибки в ходе операции, давал нам дополнительные разъяснения, советы.

Председатель: Нофаль участвовал в проведённой в твоём доме вечеринке?

Вазген: И в моём и в доме Аракела кутили с весёлой красавицей по имени Римма.

Прокурор: Ты сфотографировал Римму с Нофалем?

Вазген: Сфотографировал. Нофаль столько выпил, что был не в себе и не заметил, что сфотографирован.

Прокурор: Та фотография у кого?

Вазген: Фотография у Ашота.

Прокурор (Нофаль): Что на это скажешь?

Нофаль: Вазген всё это выдумывает из себя. Не было никакого фотоснимка.

Прокурор: Нам нужно было, чтоб Вазген подтвердил эти факты. А что касается фотоснимка, пожалуйста, можешь посмотреть.

Нофаль съёживается за решёткой, ходит то в одну, то в другую сторону.

Председатель (его укоряя): По твоему плану армянские воинские части перешли в наступление в деревню Гюнешли, со всех сторон подвергли обстрелу мирное население.

По знаку председателя уводят Вазгена Параняна.

Прокурор: Обвиняемый Нофаль Калантарли, в результате твоего шпионства оккупированы три деревни Азербайджана, десятки женщин, детей, стариков взяты в плен и уничтожены. О степени своих преступлений ты заранее думал? Что скажешь?

Нофаль: Господин прокурор! Может, вы думаете, что только я виновник всех оккупированных земель Азербайджана?

Председатель: Отвечай на вопрос, пререкаясь, не отвлекайся от цели.

Нофаль: Вопрос прокурора, уважаемый председатель, необъясним.

Прокурор: Нофаль Юсиф оглы Калантарли, что заставило вас пойти на предательство?

Нофаль: Больше не намерен себя защищать. Только прошу прощения у отца Юсифа и матери Сарии.

Председатель: Обвиняемый Нофаль Калантарли, хотя

бы сейчас будь откровенен. С каким умом ты совершил предательство и преступления, имея такую родину, как Азербайджан, если вырос на хлебе и воде этой земли. Разве человек может оказаться врагом своей родины, своего народа, забыть свою нацию? Кто принудил тебя совершить такое преступление?

Нофаль: Когда-то бывший нашим соседом Ашот и его мать Сирануш (*Юсиф поднимается в нервозном состоянии. В зале наступает тишина. Нофаль опускает голову*).

Юсиф: Уважаемый председатель, уважаемые члены суда! Я отец подсудимого Нофаля Калантарли, рядом сидящая Сария — его мать. Я очень вас прошу предоставить мне слово для выступления.

Председатель: Пожалуйста, Юсиф Калантарли.

Пауза

Юсиф: Уважаемый председатель, уважаемые заседатели! Мы прибыли из далёкого горного села Гейтепе. Видать, мы были плохими воспитателями. Для родины, народа вырастили не сына, а врага, преступника. Мы тоже ответственны за то, что вырастили такого преступника. Наша вина большая. Сегодня, я полагаю, жить, носить шапку на голове, быть среди народа не имею права. Нофаль оказался неблагодарным по отношению и к нам. Его предательство не может оставаться безнаказанно. Я хочу привлечь ваше внимание к одному делу.

Председатель: Пожалуйста, Юсиф Калантарли.

Юсиф: Была осень 1955 года. Я пошёл в лес на охоту. Услышал детский голос. Приблизившись, убедился, действительно ребёнок. Я ужаснулся. Взяв его, привёз домой, отдал Сарии. Она, как только развязала пелёнки ребёнка, сказала: «Это же армянский ребёнок. Армяне так пеленают ребёнка. На руке есть маленький крестик». Я сразу ей сказал: «На лбу написано, что армянин? Какая разница, христианин или мусульманин? Всех создал великий Аллах».

С того дня мы назвали ребёнка Нофалем. Вырастили его. Холили, исполняли его капризы. Я был занят работой. Бедная Сария намучилась с ним, провела бессонные ночи. Дав ребёнку образование, сделали хозяином нашего дома. (*Обратившись к Нофалю*) Что заставило тебя совершить преступление, неблагодарный? Ты стал служить бесславным родителям, которые бросили тебя, как щенка, в лесу. Как получилось, что вырастившего и назвавшего тебя «сыном» труд Юсифа так легко затоптал, ночами не спавшую, подарившую тебе материнскую ласку Сарию опозорил? В чём наша вина? В чём вина нации, народа? Я не могу понять, почему всю жизнь тебе данное воспитание оказалось бездейственным. Как сильна твоя армянская кровь, негодный! Как ты мог поверить в пропаганду потерявшего человеческие чувства Ашота и забывшую Бога Сирануш? Верно говорят: медведя, тигра, обезьяну можно приручить, а волка нет!!! Язык отвалился б, когда назвал тебя сыном. Уважаемый судья, в конце выступления повторяю: в этом деле виноват я, совершил большую ошибку, но эта ошибка обошлась очень дорого народу, родине. Прошу вас меня тоже привлечите к ответственности, накажите.

Сария, не вытерпев, встаёт.

Сария: Я неграмотная женщина. Здесь перед глазами всех раскрылись деяния Нофаля. Доказано его предательство по отношению к Родине. Как мать, один Бог знает, какие чувства я испытываю. От стыда не нахожу себе места. Как сказал Юсиф, я ему такого воспитания не дала. Загребала жар глазами (*плачет*). Его вырастила, он же на мою религию, веру, народ... (*задыхается от всхлипов, расправив грудь, продолжает речь*) В общем... Хорошо сказали отцы: «Трава растёт на своих корнях»... По душе мне слова Юсифа. Я тоже требую свои права (*посмот-*

рев на Юсифа). Верни фамилию Калантарли, верни имя Нофаль, верни имена: отец Юсиф, мать Сария. Верни!!!

Из зала слышен голос: А как его именовать?

Сария: Волчонок.

*Сария садится, пауза заменяется голосом
председателя.*

Председатель: С согласия сторон суд подытоживается. Слово предоставляется прокурору.

Прокурор: Уважаемый председатель, почтенные члены коллегии! На судебном допросе на основании показаний свидетелей, материалов дела полностью доказана вина обвиняемого по соответствующей статье уголовного кодекса Азербайджанской Республики Нофалья Юсиф оглы Калантарли. Поэтому подсудимого, по той же статье считающегося виновным, приговорить к смертной казни.

Председатель: Слово предоставляется адвокату.

Адвокат: Почтенный прокурор, уважаемые народные заседатели! Налицо преступные деяния моего подзащитного Нофалья Юсиф оглы Калантарли. Доказательство тому: оккупация земель, оставшиеся без крова миллионы сограждан. В ходе судебного разбирательства выявлена и установлена принадлежность подсудимого к другой нации. Но признание им своей вины, раскаяние на основании уголовного кодекса должны учитываться как обстоятельства, смягчающие наказание. Поэтому прошу смягчить наказание обвиняемому.

Председатель: Предоставляется последнее слово подсудимому.

Пауза

Нофаль: Почтенный председатель, уважаемые члены коллегии! Вина большая, я достоин самого тяжёлого наказания. Раскаиваюсь в своих поступках (*готов расплакаться*).

ся, губы трясутся). Благодарен справедливому суду, что мои права не были нарушены. От справедливого и правдивого суда прошу отсрочки, чтоб смыть вину.

Председатель: Суд удаляется на совещание.

Люди покидают зал. Юсиф с трудом поднимается со стула. Он, пропустив Сарию вперёд, делает два, три шага, потом, вытащив нож из кармана, вонзает в живот. Охнув, падает. Сария, обняв мужа, плачет.

Сария: Что ты сделал, Юсиф?

Юсиф: Я больше не хочу жить.

Он закрывает навеки глаза. Опечаленные, все покидают зал.

1996 год

Рука руку моет...

(пьеса в шести явлениях)

Действующие лица:

Председатель — мужчина 70 лет, профессор

Учёный секретарь — мужчина 60 лет, профессор

Марджанлы — профессор

Залов — профессор

Диссертант — мужчина 50 лет

Гюдазов — профессор

Йыганов — профессор

Сыгалов — профессор

Гапанов — профессор

Гюльмалиев — профессор

Зульфугарлы — профессор

Аманов — профессор

Шейда — женщина 40 лет, жена Аманова

Фарид — юноша, сын Аманова

Хатын — девушка, дочь Аманова

Назира — новая аспирантка

Тамам — давняя аспирантка

Фира — сотрудница

Бахар — научная работница, женщина 35 лет

Мясма — лаборантка 25 лет

Майор полиции.

Сержант полиции.

ЯВЛЕНИЕ I

Отдел. Профессор Аманов сидит в кабинете и занимается письменной работой. В кабинет входит новая аспирантка Назира, здоровается, подав руку Аманову. Профессор предлагает аспирантке сесть. Назира садится; сначала застенчиво, потом кокетливо разговаривает с профессором.

Аманов: Слушаю, ханум, что вас привело ко мне?

Назира: Профессор, хочу, чтоб моим научным руководителем были вы.

Аманов (*кичливо*): У меня много аспирантов, много недоконченных работ, одним словом, дел много — времени мало, и потому не даю слово.

Назира: Но, профессор!

Аманов: Советую найти себе другого руководителя.

Назира: Кого порекомендовали бы?

Аманов: Я — никого. Знаете, ханум, люди испортились, потом что-нибудь случится, я окажусь в плохом положении.

Назира: А что вы имеете в виду?

Аманов: Замучат. Не поладите. У каждого руководителя своя точка зрения. Кто-то потребует материального, кто-то морального, а кто-то и материального, и морального воздаяния.

Назира: А что это такое, профессор?

Аманов: Иди, почитай, узнай, что такое... Мир сошелся с оси...

Назира: Ничего не понимаю.

Аманов: Хотеть стать учёным и быть непонятливым, разве не смешно?

Назира: Постараюсь, профессор.

Аманов: Иди, подумай, определись, кто по душе, потом приходи.

Назира: Профессор, не посылайте меня никуда. Всё равно не отстану от вас.

Аманов (*равнодушно*): Окончательное слово сказал. Посмотри сама.

Назира (*кокетничая*): Не даёте раскрыть глаза. Начнём, а потом посмотрим.

Аманов: Так договоримся, чтоб не уговорюсь на берегу, не пускаться в реку.

Назира: Профессор, ну вы даёте!.. Говорили, не верила.

Аманов (*улыбаясь*): То есть?

Назира (*манерничая*): Насчёт секса-мекса.

Аманов: Тише говори, услышат.

Назира (*жеманно*): Да пусть слышат.

Аманов: Умеешь приспосабливаться к обстоятельствам. Твёрдая рука должна быть тебе поддержкой. А то в этом деле...

Назира: Даёшь слово?

Аманов: Даю, но...

Назира: Что но?

Аманов: Не клади в ухо, а положи в руку. Как говорят: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе».

Назира, улыбаясь, пожимает плечами. Аманов встаёт, хочет взять у Назиры первый поцелуй. Назира, проскользнув мимо его рук, кокетничая, проходит вперёд. Аманов, возвратившись, садится на стул. На радостях берёт карандаш и начинает играть им. Открывается дверь. В комнату входит Тамам, ханум лет тридцати, обнимаясь, целуется с Амановым.

Аманов: Как хорошо, что пришла. Уходя, уходишь навсегда, не предупреждаешь даже. Что в районе?

Тамам: Звонила на ваш мобильный — был закрыт. А потом не было возможности дать известие.

Аманов: Столько дней беспокоюсь, не нахожу себе места. Думаю, где эта ханум осталась.

Тамам (*глазами указывая на Назиру*): Когда приехала из района...

Аманов: Не оставляй на потом, говори, из своих, новая аспирантка.

Тамам: Отлично!.. Небольшой пай... Маленький подарок...

Аманов: Сама — лучший подарок.

Тамам (*ведя себя кокетливо*): Да, чуть было не забыла (*вытащив из сумки конверт, кладёт под книгу*). Остальное при защите...

Аманов: Постарайся не задерживать.

Тамам: Хорошо (играя глазами). Я ухожу до вечера.

Тамам уходит.

Назира: Прекрасно обученная.

Аманов (*двусмысленно*): Рыночная экономика.

Назира: Всё?

Аманов: Да... И то, и это... И белое, и чёрное... Не волнуйся, как Тамам, так и ты.

Аманов и Назира, разговаривая, выходят из комнаты.

ЯВЛЕНИЕ II

Дом Аманова. Дочь учёного Хатын и сын Фарид сидят за столом. Аманов входит в комнату, поздоровавшись, усаживается на диван. Жена Шейда приносит мужу чай.

Хатын (*брату*): Фарид, ты почему не учишь уроки? Ведь знающие нас говорят: «Фарид — сын профессора».

Пауза

Фарид: Ах, какой профессор?! (указывая на отца): Мяслик лучше такого профессора, как мой отец. У отца в кармане соловьи свищут. А сам с гордостью говорит: «Я профессор». Ха-ха-ха... Посмотрите на профессора, чуть...

Шейда: Что за разговоры, Фарид?

Фарид: Правду говорю да.

Аманов: Спасибо тебе, Фарид (обращаясь к жене). Он опять курил?

Шейда: Нет, выпил.

Аманов (*обращаясь к Фариду*): Как быстро зазнался! К каждому навязываясь, с трудом добываю насущный хлеб. Взрослый парень, вместо того чтоб заняться чем-нибудь, зарабатывать, меня уподобляешь мяслику и кому-то...

Хатын: Отец, безденежный профессор подобен полуму арбузу. Сейчас в моде коммерсанты, бизнесмены.

Шейда (*смеясь*): Ну что говорим, дочь, выйдешь замуж за бизнесмена или коммерсанта — узнаешь вкус...

Фарид: И мать меряет своим аршином. Мать, о чём ты говоришь? Не будь невежественной. Бизнесмен или коммерсант не возьмут замуж дочь профессора.

Хатын: Почему?

Фарид: Как почему? Что есть у профессора? Покойный Сабир как говорил?

Легко ли человеком быть, безденежный мужчина?

Для этого богатством нужно обладать.

Аманов: Дитя, это Сабир говорил о начале XX века.

Фарид: Отец, написанное им годится для всех времён.

Хатын: И для мусульман.

Фарид: Отец, мне нужны деньги.

Аманов (*сердито*): Откуда деньги? Рассыпаны по улице, иди собирай.

Фарид: Взрослый мужчина. Всегда плачешь. Не проклинай, может, будешь отрицать и меня, сына своего. Меня не касается, есть деньги, нет денег. Отдашь и — кончено.

Хатын: Фарид, подожди. Сначала пусть отдаст деньги за мои сапоги, а потом посмотрим. Сам знаешь, сколько дней в рассрочку взяла.

Аманов: Очень напрасно, верни сапоги.

Шейда: А-а... Это невозможно. Бедная девочка уж сколько дней носит эти сапоги, может и подмётки уже нет.

Аманов: Нет денег, верните.

Фарид: Отец, не дери глотку, по-хорошему отдай деньги, а то...

Аманов: Ещё не родился человек, который угрожал бы мне. С ума сошёл что ли?

Фарид: Сумасшедший сам. Как породили, так и удовлетворяйте наши требования.

Шейда: Фарид!

Хатын (матери): Правду говорит да. Что повторяешь: Фарид, Фарид? Не разговариваем, молчим: нас считаете зайцами.

Аманов (обращаясь к жене): Посмотри на наше счастье. Имеем сына, дочь, которые оскорбляют Бога, не признают родителей.

Пауза

Хатын (обращаясь к матери): Что говорит отец? А кто наши родители?

Шейда: Айши, рассердился, слово говорит да. Гнев вымещает языком.

Фарид: А-а... может, и в самом деле...

Аманов: Ну и дела! Посмотри, к какому выводу приходят. Оставив покойника, приходится оплакивать живого.

Фарид: Айши, не моё дело, выверни карманы, посмотрим, что есть.

Аманов: Откройте уши, услышите: нет денег! Каждый

день пощёчиной позорю себя. Даже если будет... И сапоги верните.

Хатын (*Фарида*): Переходит границы...

Аманов (*сердится*): Во всём виновата мать. Что положишь в котел, то и будет в ложке.

Шейда: Что валить на мать? Свои поступки.

Аманов: Ясно.

Фарид приближается к отцу. Неожиданно сует руку в карман отца и хочет вынуть деньги. Хатын приходит на помощь брату. Шейда, чтоб освободить мужа из рук детей, бросается на них. Аманов руками прикрывает карманы. Неожиданно споткнувшись, падает на середину комнаты. Фарид с ворохом денег в руках поднимается и уходит из дома. Оставшаяся без денег, Хатын плачет. Аманов поднимается на ноги. Увидев распоротые снизу доверху брюки, бежит в соседнюю комнату.

Шейда: А-а... Это позор, дети сняли брюки с отца. Что скажут нам?

Шейда и Хатын уходят вслед за Амановым. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ III

Зал совета полон людьми. Председатель, заместитель и учёный секретарь совета защиты сидят в зале. Слева — кафедра для выступлений. Председатель обводит взглядом зал, наклонившись к учёному секретарю, что-то шепчет ему. Учёный секретарь пожимаем плечами. Пошептавшись, председатель встаёт.

Председатель: Уважаемые члены совета! Дамы и гос-

пода! Довожу до вашего сведения, что на сегодняшнем обсуждении из пятнадцати членов совета защиты присутствуют семь членов. Профессора Мехралиев и Шекерли, позвонив, попросили разрешение, свои голоса верили мне и наказали в конце обнять и поцеловать диссертанта. Профессор Гулам Гуламович несколько минут тому назад, проголосовав, ушёл. За двумя членами совета диссертант послал машину, они после защиты придут на банкет. Таким образом, кворум есть. Что предлагаете? Можно начинать заседание совета защиты?

Голоса (с мест): Можно! Давайте начинать!

Председатель: На повестке дня два вопроса. Один — текущий вопрос. Если вы не против, сперва мы обсудим этот вопрос. Потом приступим ко второму вопросу — обсуждению кандидатской диссертации.

Голоса (с места): Отлично... Пусть будет... Очень хорошо...

Председатель: Тогда приступим к обсуждению текущего вопроса. Если помните, на прошлом заседании ознакомиться с кандидатской диссертацией Салимовой Суры Субхан кызы на тему: «Важность моральной доброжелательности в науке» было поручено уважаемому профессору Марджанлы. Слово предоставляется профессору Марджанлы. Он выскажет своё мнение о соответствии этой работы профилю совета защиты, официальных оппонентах и ведущем научном учреждении. Пожалуйста, профессор.

Марджанлы (поднимается на кафедру, обводит взглядом зал, потом, довольной собой, улыбается): Господин председатель! Уважаемые члены совета! Я внимательно прочёл подготовленную на высоком уровне кандидатскую диссертацию Салимовой Суры Субхан кызы. Скажу откровенно, я восхищён. Прошу, пусть не обижаются на меня друзья. За последнее время не написано такой добротной диссертации. Советую молодёжи прочитать эту диссертацию.

цию и сделать для себя необходимые выводы. Покорно прошу вас обратить внимание на тему диссертации (*называет тему работы*) «Важность моральной доброжелательности в науке». Видите: тема гуманизма, воспринята лаконично и ясно. Работа полностью соответствует профилю совета, автореферат содержанию работы. Хотя и нескромно с моей стороны, с вашего позволения, я сам хотел бы быть одним из оппонентов этой диссертации. Договорился и с самой диссертанткой. Вторым оппонентом предлагаю известного исследователя в этой области профессора Гамбара Гамбарли, ведущим учреждением Лянкяранский университет, знаете, и диссертант из Лянкярана.

Пауза

Председатель (*раздражённо*): Адя, придержи язык. Не выноси мусор. Если дать малость возможность, видите да... (*Председатель, обратившись к сидящим в зале членам совета*). Какие будут предложения? Принять во внимание сказанное профессором?

Голоса (*с мест*): Принять во внимание! Утвердить!

Залов: Хорошо устроился Марджанлы.

Аманов: Оказался в выигрыше на триста американских долларов.

Залов: Ловкач, бестия, за что ни ухватится, извлекает кровь, не извлёкши, не отстанет!

Аманов (*Залову*): Правильно говоришь, Марджанлы из ничего делает вещи. (*Поднимая руку*). Уважаемый председатель, с вашего разрешения хочу высказать свои соображения.

Председатель: Пожалуйста, профессор Аманов.

Аманов: По-моему, родственник не может быть оппонентом.

Учёный секретарь: Ерунда. Сказанное вами осталось в прошлом, в советском обществе. Сейчас мы суверенное государство, свои законы, свои методы работы, то есть му-

сульманские. Как сказали отцы: «Сначала внутри мечети, потом снаружи».

С мест раздаются голоса. Начинается неразбериха.

Председатель: Спокойно, господа! Спокойно... Кто согласен с предложением Марджанлы, прошу поднять руки.

Все поднимают руки.

Учёный секретарь (считает голоса): Один... три... пять... одиннадцать... пятнадцать.

Председатель: Адя, остановись. Нас в зале всего-то семь человек... Откуда взялось пятнадцать?

Учёный секретарь: Извините, председатель.

Председатель: Кто против?

Учёный секретарь: Нет.

Председатель: Есть воздержавшиеся?

Учёный секретарь: Нет.

Председатель: Предложение принято единодушно.

На заднем плане свет ослабевает, на переднем плане усиливается. Отдел. Лаборант Мясма сметает пыль со стола Аманова. Назира и Тамам входят в отдел.

Мясма (радостно): Как хорошо, что пришли пораньше. С утра скучаю без дела.

Тамам: Почему же? Молодая, и ты выбери диссертационную тему. Сиди работай. Через несколько дней, смотришь, защитилась.

Назира: Тамам правильно говорит. Что сидеть без дела? Раз здесь работаешь, пользуйся положением. От каждого профессора чему-нибудь научишься...

Пауза

Мясма: Ах... Не хочу, к чёрту. Если узнают профес-

сора, что хочу работать над диссертацией, каждый по-своему будет препятствовать, потом начнут просить долю, взятки и в конце будут петь о любви. А если не достигнут цели, так и тебя не будут признавать.

Назира: Будь сладка на язык.

Тамам: Сумей найти общий язык.

Мясма: Нет, сестра. Я давно здесь работаю и хорошо знаю всю их подноготную. Если не достигнут цели... До вас аспирантками этого отдела были Сима, Тугра, Мая, Тялат. Тугра и Тялат бросили аспирантуру и ушли. Бедная Тугра сказала, что ей нужна семья, а не таким путём получать учёную степень.

Назира: Каким путём?

Мясма: Твои разговоры — курам на смех. Как будто не ты флиртуешь.

Тамам (*ухмыляясь*): Она ещё новенькая.

Мясма: Какая новенькая? (*играя руками в воздухе*): Поздно пришла, да быстро научилась.

Назира: Чему?

Мясма: Чему, чему? Учащённой стрельбе. Продолжить?..

Тамам: Нет, сестра, сколько лет я здесь, не сталкивалась с тем, о чём ты говоришь.

Пауза

Мясма: Не мне об этом говори. Может, и Гапанова не знаешь? Ещё не говорю о профессоре Аманове.

Тамам: А-а... Не позорь меня. Отец подобен слону, братья — верблюду, придут, знаешь, что сделают.

Мясма: Не притворяйся безгрешной. Что брат, что отец?

Назира: Айши, в каком веке живёшь? Это личное дело каждого. (*Меняя направление разговора*). Хорошо, а как сложилась судьба Симы и Май?

Мясма: Как сложилась? Стали учёными. В тот день

было заседание совета защиты. Как будто профессора давно их не видели, стали целовать, обнимать бедных.

Тамам: Ой, потеряли стыд.

Назира: Неловко за них стало.

Тамам: Что хотят, пусть говорят, я же честна.

Мясма: Прямо в паломничество можешь собраться. На подоле твоём можно совершать намаз, посмотрим, что будет потом.

В это время открывается дверь. Входит профессор Аманов. Обняв Тамам за шею, целует её, ухватив нос Назиры, сжимает.

Аманов: Чтоб вас заяц съел. (*Назира и Тамам смеются. Мясма исподтишка смотрит на них*). Как ваши дела?

Тамам: Хорошо, профессор.

Назира: Тема моей диссертации...

Мясма (*двусмысленно*): Нужно быть активной.

Аманов (*понимая намёк Мясмы*): Лекция твоя очень хороша, Мясма ханум, иногда применяй и к себе.

Мясма: Нет, профессор, пусть Бог тому даст, кто желает.

Тамам (*чтоб было приятно профессору*): Кошка не смогла достать мяса, говорит: сегодня пост.

Аманов: Ха-ха-ха. Что сказала?

Мясма: Профессор, пусть даже защищусь, стану Тамам, Симой, Маей, об остальных не говорю. Что потом?

Назира (*двусмысленно*): Очень жаркая погода.

Тамам: Да... И мне душно.

Мясма: Пока я здесь, будет душно.

Аманов: Если так будет продолжаться, здесь буду работать я или ты.

Мясма: Вор, рогоносец ты. Правда — я. В любом случае... Не заставляй меня раскрыть сундук и выложить всё

наружу.

Аманов (*насуя*): Шучу, Мясма ханум, ты здесь...

Тамам (*чтоб было приятно профессору*): А-а... Ты не считаешься со взрослыми...

Мясма: Мы сами разберёмся (*двусмысленно*), ты иди отдай диссертацию на поглаживание.

Аманов: Хорошо, кончайте разговор (Обращаясь к Назире). Подумала о теме?

Назира (*робко*): Профессор, это вы сами...

Аманов: Да. Хорошо... Мясма ханум, в зале будет мероприятие, вы с Тамам идите в зал. Посмотрю тему, план Назиры; мы тоже придём.

Тамам (*двусмысленно*): Да, не откладывай, чтоб потом не сожалеть.

Мясма и Тамам уходят. Аманов приближается к Назире, обнимает её. В это время дверь открывается. Входит Фира. Назира, смущённая, отходит назад. Аманов конфузится.

Фира: Что это такое? Наверное, ты... из тех, кто не доходя до реки, поднимает подол.

Аманов: Фира, познакомьтесь, новая аспирантка. Определяем тему диссертации.

Фира: Желаю удачи. Руководитель и аспирант должны быть в одной узде.

Назира: Знаете, ханум, я на профессора смотрю, как на своего папу.

Фира: Да, так и смотри.

Аманов (*улыбаясь*): Фира, что увидела?

Фира: Ничего. Занимайтесь своим делом. Я пошла.

Фира уходит.

Назира: Опозорились, профессор.

Аманов: Не беспокойся, и она прошла этот путь.

Назирп: Да?..

Аманов: Ну да, конечно. Мы тоже пойдём на мероприятие, дорогая.

Назира: А тема?

Аманов: Не торопись, времени много...

На переднем плане свет слабеет, на заднем усиливается. Зал защиты. Председатель, пошептавшись с учёным секретарём, встаёт.

Председатель: Уважаемые члены совета! А сейчас приступим к обсуждению кандидатской диссертации Хатама Деймедушер оглы Хатамзаде: «Рука руку моет, а две руки лицо». Члены совета знакомы с авторефератом. Сообщение о сегодняшнем обсуждении диссертации больше десяти дней висит на доске объявлений. И диссертация и автореферат месяц тому назад переданы в распоряжение библиотеки, желающие могут ознакомиться. Какие предложения? Можем приступить к обсуждению?

Голоса: Да!.. Приступить!.. Конечно!

Председатель: Хорошо, значит так... Все согласны... Прошу научного руководителя, официальных оппонентов и диссертанта занять свои места.

Научный руководитель, официальные оппоненты садятся справа от председателя. Диссертант сидит на стуле, ниже кафедры. Председатель продолжает свою речь.

Председатель: Уважаемые члены совета! Чуть не забыл, доведу до вашего сведения: в семнадцатой комнате щедрым диссертантом приготовлена лёгкая закуска. Де-

вешки будут обслуживать. На столе есть чёрная и красная икра, рыба, рыбное и куриное лявянги, русская водка, коньяк «Гёй-гёль», чешское пиво. Кто желает, тихо, не нарушая хода работы, могут пойти в эту комнату и закусить. Прошу не превышать норму. Всё равно после защиты в ресторане «Хаял» будет банкет... Уважаемые члены совета! А сейчас слово предоставляется учёному секретарю для ознакомления с биографией диссертанта.

Пауза

Учёный секретарь (*поднимается на кафедру*): Уважаемые члены совета! Диссертант Хатам Деймедушер оглы Хатамзаде родился в 1949 году в одном из красивых уголков Азербайджана Айшенде. Среднее образование получил в деревне, где родился и вырос. Закончил университет. Учительствовал в 14 школах различных районов республики. С 1985 года его жизнь связана с городом Баку. Два года работал на стройке камнетёсом, год сторожем на нефтеперерабатывающем заводе, шесть месяцев — водителем. С 1989 года на толкучке занимается мелкой торговлей. С этого времени является диссертантом университета. Удостоен грамот: два раза по бегу, раз по боксу. Грамоты приложены к документам, кто хочет, может ознакомиться. За период диссертантской деятельности был осуждён на год.

Председатель: Адя, придержи язык. Совсем испортил дело. Сто раз наказывал, не говори ненужных слов. Взрослый мужчина, взрослый человек.

Учёный секретарь: Хорошо, уважаемый председатель. Сдал кандидатские минимумы. По всем предметам поставили отличные оценки.

Председатель: Адя, не говори «поставили», язык не отсохнет, если скажешь «получил». Не усложняй дело, не занимайся диверсией. Думай, когда говоришь.

Учёный секретарь (*оборачиваясь к председателю*): Понял, уважаемый председатель (*оборачивается в сторо-*

ну зала). Опубликованы три журнальные, десятки газетных статей и одна брошюра диссертанта. Все документы в порядке. Хобби диссертанта — ловить рыбу в море, плясать на свадьбах, играть на парном барабане, а также любит есть и пить.

Председатель: Адя, оставь еду-питьё, расскажи о других качествах.

Учёный секретарь: Хорошо. Уважаемые члены совета! Для ясности прочту одно предложение из характеристики, данной уважаемым директором учреждения, где работал диссертант (*читает предложение*). «Широкая натура Хатам Деймедушер оглы Хатамзаде знает своё дело, умеет зарабатывать, ценит уважение, заботу, помогает материально людям...». Уважаемые члены совета! Предполагаю, что в этом предложении даётся полная характеристика диссертанту.

Председатель: Есть вопросы к учёному секретарю?

Голоса: Нет! Понятно!

Председатель: Слово предоставляется диссертанту для ознакомления членов совета с содержанием диссертации. Пожалуйста, Хатамзаде.

Диссертант: Уважаемый председатель! Уважаемые члены совета! Меня хорошо знаете. Никогда не забуду вашу доброжелательность. То, что я сделал взамен вашей доброжелательности, очень мало. Поверьте, я отблагодарю вас заново.

Председатель: Переходи к сути.

Диссертант: Уважаемый председатель! Если не перечислю ваши услуги, не смогу успокоиться: совесть не позволит. Не вы ли когда-то сформулировали тему диссертации? Разве не с вашей помощью сдал кандидатские минимумы? В этом деле приношу большую благодарность профессору Гюльмалиеву.

Председатель: Я попрошу вас говорить по существу

работы.

Диссертант: Я оказал услугу вам, а вы мне.

Председатель: Не позорь нас...

Гюдазов: Пусть говорит. Прошу не прерывать диссертанта.

Председатель: Я не прерываю, профессор. Хотел бы, чтоб не занимал много времени. Пусть рассказывает о поставленных экспериментах и полученных результатах.

Диссертант: Да... Господин председатель! Сейчас вас понял. Вы просите в обширной форме?..

Председатель: Да, о том, что сделал. Мало времени.

Диссертант: В районах и деревнях республики мною был проведён анонимный анкетный опрос, которым были охвачены более трёх тысяч человек, в том числе, власть и оппозиция.

Председатель: Не произноси эти слова: нас вовлечёшь в неприятную историю; и у земли есть уши.

Пауза

Диссертант: Были опрошены представители разных отраслей: учёные, врачи, учителя, инженеры, рабочие, крестьяне, даже воспитатели детских садов и дети. Примечательно: оказалось, что девяносто два процента опрошенных высоко оценили утверждение анкеты «Рука руку моет, а две руки — лицо» и указали на то, что это надёжное наследие, переданное нам предками. Три процента, посмеявшись мне в лицо, пожали плечами, пять процентов не ответили, — повернувшись, ушли. Жаль, многие из них были персональными пенсионерами. Благодарю за внимание.

Председатель: Хорошо, ясно. Будут вопросы к диссертанту.

Профессор Гюдазов, подняв руку, просит слова. Председатель предоставляет ему слово.

Председатель: Пожалуйста, профессор Гюдазов.

Гюдазов: Хатам Деймедушерович, хотел бы знать...

Диссертант: Пожалуйста.

Гюдазов: Можете раскрыть механизм утверждения «Рука руку моет, а две руки лицо»?

Диссертант: Разве диссертация какая-то техника, имеющая механизм?

Председатель: Профессор хочет узнать, в чём суть диссертации.

Диссертант: А, сейчас понял. Чтобы раскрыть суть, мне необходимо не меньше двух дней.

Гюдазов: Не сможешь передать суть вопроса лаконично, несколькими предложениями?

Пауза

Диссертант: Раз хочешь узнать, скажу, профессор. Между людьми существует равновесие отношений. Запомни, профессор, услуга не может быть односторонней. Она тоже как торговля: берешь — даёшь, или даёшь — берёшь. Получается торговля.

Гюдазов: Я ещё не закончил свои вопросы, уважаемый председатель.

Председатель: Пожалуйста, профессор.

Гюдазов: К каким научным заключениям пришёл?

Диссертант: Не могу понять, с какой целью задаёте столько вопросов. Что вы ищете в моей диссертации?

Председатель: Отвечай на вопрос, можешь испортить дело.

Диссертант: Во-первых, все мои выводы научно обоснованны. Если прочитали бы автореферат, узнали бы. Раз не читали, скажу: если выдвинутая мною гипотеза будет правильно применяться на практике, люди легко установят отношения друг с другом и быстро найдут общий язык. А если установлены тесные отношения и есть общность, то и убийца безвинного человека останется безнаказанным,

убийство можно скрыть. Да... да... возможно скрыть... убийство... Спрятать концы в воду.

Залов: Отлично! Отлично! Нет слов к обоснованию.

Аманов: За сколько времени написали диссертацию?

Диссертант: За три месяца.

Аманов: За три месяца написали, а десять лет защищали. В чём причина?

Диссертант: Нехватка времени, занятость, другими словами, кутил.

Залов: Здесь испортил дело.

Председатель: Ещё у кого есть вопросы?

Голоса (с мест): Много. Айши, хватит! Достаточно! Ясно!

Председатель: Из ведущего и побочных учреждений получены отзывы. Для ознакомления членов совета с этими отзывами слово предоставляется учёному секретарю.

Учёный секретарь с кипой бумаг поднимается на кафедру.

Учёный секретарь: Побочные отзывы все положительные. Только в отзыве ведущего учреждения есть незначительные претензии и рекомендации. Претензии заключаются в том, что в диссертации встречаются единичные компьютерные опечатки. Рекомендации таковы: во-первых, труд должен был давно напечатан, во-вторых, было бы хорошо, если диссертант в будущем, расширив исследование, представил её как докторскую диссертацию.

Председатель: Слово предоставляется диссертанту, чтобы выразить своё отношение к отзывам и рекомендациям.

Диссертант: В настоящее время устранены опечатки, труд представлен к печати. В будущем расширю эту диссертацию. За рекомендации и отзывы приношу глубокую

благодарность ведущему учреждению.

Председатель: Слово предоставляется первому оппоненту профессору Марджанлы.

Марджанлы поднимается на кафедру.

Марджанлы: Уважаемые члены совета! О положительных качествах этого труда можно говорить много. Честно, я не знал, что Хатам обладает таким талантом и познаниями. Я искал в работе недостатки, скажу открыто: не нашёл. А вы знаете, какой я оппонент.

Голоса (с мест): Знаем! Знаем!

Марджанлы: Да... Да... Прочитав диссертацию, был очарован Хатамом. Я удостоверился, что Хатам Деймедушерович без диплома доктор наук. Он ничуть не хуже нас. Он не нуждается ни в этой защите, ни в адресованных ему добрых словах. За этот труд уважаемый диссертант достоин получить звание доктора наук...

Гюдазов: Молодец, Марджанлы! Bravo!

Председатель: У оппонента нет критических замечаний. Может, у диссертанта есть слово к профессору?

Диссертант: Выражаю глубокую благодарность уважаемому оппоненту профессору Марджанлы за глубокий анализ работы. Видите, уважаемый оппонент, высоко оценив мои идеи, предложил дать учёное звание доктора наук. Уважаемые члены совета, хочу узнать у вас, такое может быть.

Голоса (с мест): Может быть! Может!

Диссертант: Господин председатель, если это предложение оппонента будет принято, как следует широко отблагодарю вас, как говорят, «Рука руку моет...»

Председатель: Я согласен, но давайте не будем торопиться. Давайте послушаем второго оппонента, профессора Йыганова, относительно этого труда. Пожалуйста, вам

слово, профессор Йыганов.

Пауза

Йыганов (*подняв вверх отзывает*): Уважаемые члены совета! На эту диссертацию, объёмом в сто двадцать страниц, я написал отзыв на пятнадцати страницах. Читая его, не хочу отнимать время. Доведу до вашего сведения, можно было написать отзыв в объёме самой диссертации. Диссертант усердно старался в интересах народа, нации. Найдя древние источники, по крупице, с большим мастерством выявил нравственные качества древнего народа. Это подготовленная и смело представленная к защите диссертация — большое событие, которое будет жить в истории. Диссертант внёс огромный вклад в развитие азербайджанской науки.

Я не хочу много говорить, присоединяюсь к мнению выступавшего до меня профессора Марджанлы. Автор этой диссертации достоин получить учёное звание доктора наук...

Председатель: У уважаемого диссертанта есть слово?

Диссертант: Да, есть!

Председатель: Пожалуйста.

Диссертант: И вправду, я ждал такого отношения от членов совета. Ведь правильно гласит пословица: «Золото может оценить золотых дел мастер». Есть такие люди, которые ценят науку, учёного человека. Хвала таким людям науки! Слава членам совета защиты!

Гюдазов (*с места*): Слава таким диссертантам, как ты, умеющим находить общий язык с людьми.

Председатель: Прошу не говорить с места, профессор Гюдазов. Из членов совета кто желает выступить? (*Председатель окидывает взглядом зал, потом обратившись к учёному секретарю*): Куда ушли члены совета? Что-то не вижу их.

Учёный секретарь: Профессор, кроме Гюдазова, все

закусывают в семнадцатой комнате.

Председатель (*повернувшись к учёному секретарю*): Хотя бы этот Гюдазов ушёл. Он скомпрометирует нас. Иди позови их, чревоугодников. А что будут делать после защиты в ресторане?

Учёный секретарь идёт в семнадцатую комнату и скоро возвращается.

Учёный секретарь: Все пьяны, уважаемый председатель.

Председатель: Не смогут прийти? Если не придут — пропали.

Учёный секретарь: Еле стоят на ногах.

Председатель: Иди скажи им, пусть не позорят нас, приходят по очереди и выступают, а то Гюдазов опозорит нас на весь мир.

Учёный секретарь: Председатель, может профессору Гюдазову дать слово для выступления?

Председатель: Адя, не знаешь Гюдазова? Он, как гюрза, расточает яд изо рта. Если выступит, знаешь, какое шипение начнётся. Иди скажи, пусть приходят по очереди.

Учёный секретарь уходит и тотчас же возвращается с профессором Сыгаловым. Сыгалов поднимается на кафедру.

Сыгалов: Уважаемый председатель! Знаете ли вы, за эту диссертацию Хатаму Деймедушер оглы Хатамзаде можно дать и Нобелевскую премию.

Его покойный отец был человеком щедрым и хлебосольным. Сегодня мы должны дать Хатаму звание доктора наук (*его тошнит, хочет вырвать*). Не сглазить, рослый, как бычок, парень. Здесь не хочу отнимать много времени,

остальное доскажу вечером в ресторане «Хаял» и вам рекомендую не растягивать вопрос, закругляйтесь.

Сыгалов спускается с кафедры. Учёный секретарь, подталкивая, приводит профессора Гюльмалиева.

Гюльмалиев (*взойдя на кафедру*): Аля, взрослые мужчины... Разве не знаете Хатама? Десять лет является диссертантом. За эти десять лет сколько раз проходил под вашими усами? Как мужчина, скажите... Кто будет критиковать, мать его...

Я знаю Хатама ещё сызмала, когда голышом бегал во дворе. Знаком с его роднёй. Имеет трёх красивых ребятшек (*оборачиваясь к детям*), посмотрите, какие красивые, сидят в зале и на нас смотрят. Что смотрите, каналы, а... Может, боитесь? Не умер ваш дядя, постоит. Уверен, все проголосуют за Хатама. Если не проголосуют...

Учёный секретарь, подталкивая, приводит профессора Гапанова.

Председатель: Слово предоставляется профессору Гапанову.

Гапанов (*трясётся подбородок*): Уважаемый председатель! Дistinguished члены совета! Дамы и господа! Может, я меньше всех знаю Хатама. Могу сказать, он самый любимый слуга Бога, счастливейший из счастливых. Одним словом, Хатам оригинальный человек. Обратите внимание: на завтрак съедает тридцать яиц, на обед — семь-восемь порций пищи, на ужин же — кастрюлю фасоли и баклажанов, полведра простокваши. Рост — два с половиной метра, вес — сто шестьдесят два килограмма, носит обувь сорок восьмого размера, самую большую папаху в стране надевает он. И ума, по-моему, достаточно. Уважае-

мые члены совета, призываю всех голосовать за Хатама.

Гюдазов (*без разрешения*): Прямо в книгу Гиннеса следует занести.

Председатель: Есть желающие выступить?

Залов, выйдя из семнадцатой комнаты, садится в зале.

Залов: Я тоже два-три слова скажу.

Председатель: Пожалуйста, профессор Залов.

Залов: И вправду, мы с диссертантом кумовья. Не подумайте, что поэтому расхваливаю Хатама и его диссертацию. Хатам хороший мужчина. Диссертация достойна высокой учёной степени. Это до меня все подтвердили. Раз это так, давайте выступим с ходатайством перед вышестоящими организациями о представлении этого труда к награде. В таком случае в Высшей аттестационной комиссии ускорится присуждение учёной степени доктора наук. Поверьте, если компетентные организации узнают Хатама, поймут научное значение его труда, поблагодарят наш учёный совет (*Залов спускается с кафедры*).

Председатель: Думаю, что выступлений достаточно.

Гюдазов (*поднимаясь с места*): Дайте мне слово.

Председатель: О чём расскажешь? Десять раз с разрешения-без разрешения говорил с места.

Гюдазов: Прошу, дать мне слово, а то...!

Председатель: Что, а то? Мне угрожаете?

Гюдазов: Сказал, дайте мне слово.

Председатель: Мало времени, в течение двух минут выскажи соображения.

Гюдазов: Когда члены совета закусывали, я сидел в зале и внимательно следил за ходом обсуждения. Подготовка диссертанта, качественный уровень диссертации и позиция всех и каждого мне ясна. От стыда сердце готово было ра-

зорваться.

Председатель: Подытожь.

Гюдазов: Не прерывайте! Демократия, плюрализм. Всё, что накопилось, выскажу. Хатам хороший, щедрый, хлебо-солёный человек, а какое это имеет отношение к диссертации?

Председатель: Нет, профессор, неправильно говоришь. Во-первых, демократия, плюрализм — это слова, сказанные ради политики. Во-вторых, наряду с достоинствами диссертации личность диссертанта, его нравственные качества, достоинства являются основным условием.

Гюдазов: Уж сколько лет этот совет защиты занимается продажей дипломов! У меня к вам вопрос.

Председатель: Испортил, ну хорошо, пожалуйста. На твой вопрос ответу сам.

Гюдазов: Какая разница между теми, кто в военной зоне продаёт земли, и членами совета защиты, продающими дипломы. По-моему, продающие дипломы совершают более тяжкое преступление потому, что продают профессора. Разве не так, почтенный председатель?

Председатель: Перешёл к шантажу, клевете, профессор Гюдазов? Посмотрите на его внешность, цветастый галстук.

Гюдазов: Во-первых, принимать действительность за клевету — значит потерять человеческие чувства, уважаемый председатель. Во-вторых, какое имеет отношение к делу моя внешность?

Председатель: Попали в переделку.

Гюдазов: Имеющие место на совете защиты либерализм, взяточничество, недостойные поступки — предательство по отношению к народу.

Председатель: Конкретный факт.

Гюдазов: Вы сами хорошо знаете: в стране увеличивается отряд диссертантов. Ради пяти-десяти манатов теря-

ем стыд, идём на всё. На совете, руководимом вами, занимаются реализацией диссертации, господин председатель.

Йыганов: Что за разговоры! Хочешь запятнать честных людей?

Гюдазов: Хотя бы ты помолчал, профессор Йыганов. Стыдно, постеснялся бы сложившегося о тебе мнения.

Йыганов: Адя, меня оскорбляешь? Докажу тебе твоё плагиаторство. Отберут у тебя диплом.

Гюдазов: Вот это не сможете!... Но я...

Аманов: Профессор Гюдазов, скажи, члены совета когда-нибудь препятствовали тебе. Взрослый мужчина! Ты тоже найди людей, пиши диссертацию, а мы тебе поможем провести.

Гюдазов: Нет, ошибаетесь, Аманов. Я не потерял нравственность в такой степени, как вы думаете.

Гапанов: Гюдазов, ты не профессор и не азербайджанец. Человек, лишённый гуманизма, не может иметь достоинство, честь учёного.

Гюдазов: Во-первых, меня не оскорбляйте, во-вторых, я не хочу спускаться до вашего уровня, в-третьих, ответьте, голосовать за диссертацию «Рука руку моет, а две руки — лицо» считаете достоинством, честью?

Гапанов: Что тут плохого?

Гюдазов: Ничего, если думать, как вы.

Гюльмалиев: Уважаемые члены совета! Я был оппонентом кандидатской и докторской диссертаций Гюдазова. Мои отзывы о его исследованиях положительны. Пусть скажет, чем-нибудь отблагодарил меня?

Гюдазов: Во-первых, не благодарил в том смысле, о чём говорите, во-вторых, зачем должен был благодарить.

Гюльмалиев: Ради Бога тогда не мешай нам. В это тяжёлое время с большим трудом содержим семью, детей. Не причиняй зло, профессор, не вреди нам.

Пауза

Сыгалов: Уважаемый председатель, доведу до вашего сведения, очки профессора Гюдазова всё показывают в чёрном цвете. Я хорошо знаю его. Демагогия, интрига, вредительство — в крови профессора Гюдазова. Везде, всегда шёл по такому пути (*повернувшись лицом к Гюдазову*). Хватит, Гюдазов, мы не допустим, чтоб такие люди, как ты, порочили честных, чистых людей, клеветали на них.

Почтенный председатель! Уважаемые члены совета! Необходимо пресечь недостойные, клеветнические поступки Гюдазова. Мы закрывали глаза на его деятельность. Я предлагаю срочно исключить профессора Гюдазова из совета защиты.

Марджанлы: И я присоединяюсь к мнению профессора Сыгалова. Перед Высшей аттестационной комиссией поставить вопрос о том, что Гюдазов не умеет вести себя на совете, критикует деятелей науки. Надо доказать его плагиаторство.

Гюдазов: Перед Высшей аттестационной комиссией можете поставить вопрос в моём исключении из совета защиты, не имею претензий. Но хотел бы, чтоб вы знали, какое мнение сложилось о вас в обществе.

Председатель: То есть какое?

Гюдазов: Привлекая красивых женщин к написанию диссертации, разрушаете их семьи.

Председатель: Допустим, так. Что ещё говорят?

Гюдазов: Говорят, невозможно проходить мимо этого университета.

Председатель: Почему?

Гюдазов: Наши профессора ловят людей, не учитывая уровень их образования, делают их или аспирантами или диссертантами.

Учёный секретарь: Переходишь все границы, Гюдазов. Я уже сомневаюсь, что ты учёный.

Гюдазов: Большое спасибо, я не ждал от тебя большей учтивости и вежливости.

Учёный секретарь: Айши, много не разговаривай. Что предлагаешь?

Гюдазов: Устранить негативные тенденции в подготовке диссертаций к защите, научно-исследовательских работ. Не могу понять, как можно утвердить низкого уровня темы, не имеющие научного значения, вынести на обсуждение никчёмные, в кавычках диссертации и их авторефераты. Это преступление!

Председатель: Их надо доказать, профессор Гюдазов. Не забывай, слабые, никчёмные, на твой взгляд, диссертационные темы для других актуальные и научно-значимые. Запомни: мы так работаем и будем работать.

Гюдазов: Знаю, уважаемый председатель. Ваш конвейер работает и будет работать.

Учёный секретарь: А что ты думал?! Если бы члены совета выпускали слабые диссертации, они не были бы утверждены президиумом Высшей аттестационной комиссии.

Гюдазов: Уважаемые члены совета! Беда в том, что не понимаете, чего хочет от нас современная наука.

Председатель: Гюдазов, оскорбляешь членов совета. Тебя можем привлечь к суду. Образуемся.

Гюдазов: Профессор, не угрожай мне. Самый яркий плагиатор — ты сам. Ты не должен разговаривать от стыда... Одним из тех, кто тянет науку в болото, уничтожая его, и ставит ему «надгробие» являешься ты сам, совет защиты, руководимый тобой. Результаты налицо... Увеличивается количество, а качество резко снижается.

Председатель: Гюдазов, дай возможность, перейдём к голосованию.

Гюдазов: Пожалуйста. Сами как знаете. Я своё слово сказал.

Председатель: Разрешаешь да подытожить заседание совета защиты?

Гюдазов: Кто я такой? Лично я не буду голосовать за диссертацию «Рука руку моет, а две руки — лицо». Голосовать за такую диссертацию — безнравственно.

Диссертант: Не голосуй.

Председатель: Необходимо создать счётную комиссию в составе трёх человек. Кого предлагают члены совета?

Гюльмалиев: Я предлагаю профессора Гюдазова.

Гюдазов: Я отклоняю свою кандидатуру.

Голоса (с мест): Профессор Аманов, профессор Сыгалов, профессор Гапанов.

Председатель: Прошу поднять руки, кто согласен с тем, чтобы включить в список счётной комиссии профессора Аманова, профессора Сыгалова, профессора Гапанова.

Учёный секретарь считает голоса.

Учёный секретарь: Все проголосовали «за»; «против», «воздержавшихся» нет.

Председатель: Кого предлагаете в качестве председателя счётной комиссии?

Йыганов: Рекомендуются Гапанов.

Председатель: Нет претензий?

Голоса (с мест): Нет!

Председатель: Прошу остальным освободить зал.

*Все выходят из зала. Начинается голосование.
Гаснет свет.*

ЯВЛЕНИЕ IV

Дом Аманова. Аманов с женой Шейдой сидят на диване. Хатын приносит им чай. Фарид входит в комнату.

Фарид: Слава всем!

Аманов: Это новая форма приветствия?

Шейда: Когда курит или пьёт — да.

Хатын: Братец, ты опять в весёлом настроении, с чего это?

Фарид: Женюсь.

Хатын: Можно узнать, кто эта счастливица?

Фарид: Можно, новая аспирантка отца, Назира ханум.

Аманов: Замолчи. Какая из неё тебе жена?!

Шейда (*удивлённо*): Почему?

Аманов: Почему, почему? Сказал, нельзя, значит...

Хатын: Но почему? Она красива же...

Фарид: Что отцу, захочет — придерется к любому человеку.

Аманов: Сын, нельзя влюбляться в любую. Вчера одна, сегодня другая. Позволь узнать, из какого рода, какой семьи, что за птица.

Фарид: А-а... Что будешь узнавать? Её ты берёшь за муж или я? Мне нравится и всё. Какая бы ни была — принимаю.

Шейда: Девушка согласна?

Фарид: Да, а как же!

Хатын: Главное — девушка.

Аманов: Попали впросак. Выкинь её из головы. А то...

Фарид: А то что? Всех перебью.

Аманов: Хох! Испугался...

Хатын: Отец, ты тоже странный человек. Любит — пусть женится.

Аманов: Мне не нравится.

Шейда: Может...

Аманов: Что?... Может её...

Шейда: На воре шапка горит.

Аманов: Пойми, она моя аспирантка.

Фарид: Аля, ну и пусть...

В это время стучатся. Шейда открывает дверь. Майор полиции вместе с сержантом входят в комнату.

Майор: Фарид здесь живёт?

Шейда: Да.

Удивлённые, все встают.

Фарид: Слушаю, майор.

Майор (*обращаясь к Фариду*): Давно напали на твой след.

Фарид: Почему?

Сержант надевает наручники на руки Фариды.

Аманов: Господин майор, можно узнать, почему арестовываете?

Майор: Занимается торговлей наркотиков.

Шейда: Что? Попали в беду! Вай!

Хатын: Но мой брат...

Майор: Об остальном поговорим в отделении полиции. До свидания.

Полицейские уводят Фариду. Аманов в неведении.

Аманов: Вот тебе и Назира... Пойдём посмотрим. Все скажут сын профессора...

Шейда: Лай собачьей дочери слышен далеко. Фарида надо освободить.

Хатын: Мать права.

Аманов: Полиции нужны деньги, а не Аманов.

Шейда: Тогда что за профессор? Вынь из-под земли. Не знаю.

Аманов: Профессор... Профессор... В том и беда, имя подобно тяжести верблюда, а сам и не муравей даже.

Шейда: А люди думают: мужчина.

Аманов: А что с моим мужеством? Сейчас не поправлюсь да.

Хатын: Не время драки, отец, Фарида надо освободить из пасти полиции.

Аманов: Это не моё дело. Пусть несёт наказание. Образуется.

Шейда: С ума сошёл что ли? В сына клин вобьют.

Хатын: Отец, полицейские не образумляют человека, а бесят.

Пауза

Аманов: Мир устроен на деньгах, дочь. Чтоб его освободить, нужны деньги, уйма денег, понимаете. Откуда у меня, бедняги, столько денег.

Шейда: А твоё имя, звание? Было бы хорошо, если по доброму решим дело, не ругая друг друга. Боже, что за напасть обрушилась на нашу голову!

Аманов: Там, где взятки, какое звание, какое имя, какие ценности. Всё это осталось в прошлом веке.

Шейда: Пойдём.

Аманов, его жена и дочь выходят из комнаты. Гаснет свет, сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ V

Кабинет. Аманов, сидя в кресле, перелистывает журнал. Мясма и Тамам входят в комнату, поздоровавшись, садятся.

Мясма: Профессор, девочки попросили меня передать вам пожертвование на имя ваших предков.

Мясма протягивает монетки Аманову. Аманов, взяв их, целует и кладёт на глаза.

Аманов: Боже, сам воздай.

Тамам: Профессор, когда даём вам обет, всегда нам везёт (*Тамам открывает сумку, даёт Аманову несколько монеток*).

Аманов: Если поверите всей душой, не останетесь без надежды. Назиры что-то не видно.

Мясма: Не беспокойтесь, скоро должна прийти (*двусмысленно*). И она вам приношение...

Тамам: Говорю, может быть...

Дверь открывается. Входит Бахар, сотрудница отдела. Аманов принимает строгий вид.

Аманов: Ханум, почему опаздываете на работу?

Бахар: Профессор, если говорю неправду (*рукой поглаживая живот*), не родить мне его живым. (*С маленьким свёртком в руке приближается к Аманову*). Профессор, прошу вас принять вот это.

Аманов (*открывает свёрток*): Нашла хорошее место, что клясться... Хорошо, а что это такое?

Бахар: Так себе, детские колготки.

Аманов: А что я буду с ними делать, ханум?

Бахар: Профессор, вам не пригодятся, в будущем внуки наденут, какой вред, возьмите.

Амянов (*обращаясь к Тамам*): Можно, Тамам ханум?

Тамам (*с довольным видом*): Почему нельзя? Как начнёте, так и пойдёт.

Пауза

Бахар: Стыжусь сказать, профессор, хотим сделать обрезание ребёнку. Вечером с отцом ребёнка пришли к выводу, что тамадой на торжестве будете вы.

Аманов: Когда обрезание?

Бахар: В следующую субботу.

Аманов вытаскивает из кармана записную книжку, смотрит, через некоторое время поднимает голову.

Аманов: Да... да. Я свободен, пока не получал приглашения. Улажу вашу свадьбу. Верите, Бахар ханум, я на всякие свадьбы не иду. В тот день сосед меня упрасивал и даже предлагал 500 долларов — не пошёл. Вы свой человек, уже сколько времени знаем друг друга.

Бахар: Большое спасибо, профессор.

Мясма (*насмешливо*): Говорю, есть же странности у людей: Одно дело, когда на свадьбе тамада — неоперившийся птенец, другое дело — почтенный профессор.

Тамам: Профессор, честно, мне нравится, как вы тамадируете. Какие манеры! Бахар ханум, пригласите или не пригласите, я тоже приду на свадьбу.

Бахар: И твоё имя есть в списке, сама записала.

Мясма: Да осчастливит Бог!

В коридоре поднимается шум-гам. Аманов, Тамам, Бахар выходят на шум из комнаты. Мясма остаётся одна. Через некоторое время шум прекращается.

Мясма (*разговаривает сама с собой*): Слава тебе, Господи! Слава Богу! Правду говорят, дела этого мира удивительны. Как ухватишься, так и пойдёт. Никто не говорит, мил-человек, имей совесть, пожалей этот народ. Возьмём, к примеру, Амановых. Считающие себя отцами науки, нравственности, на самом деле, эти учёные подобны дьяволу, а их диссертанты — несообразительные мямли. Насилуя дух этих горемык, отбирают у них заработанные с трудом деньги, потом эти дьяволы читают им же длинные нотации о морали, нравственности. А когда бедняги понимают, что обманулись, уже поздно. Кто виноват? Дьявол или раб, поддающийся провокации.

*Мясма, взяв журнал со стола, выходит из комнаты.
Свет гаснет.*

ЯВЛЕНИЕ VI

Зал защиты. Счётная комиссия завершает свою работу. Люди приглашаются в зал.

Председатель: Для ознакомления членов совета с результатами голосования слово предоставляется профессору Гапанову.

Гапанов (*встаёт, обводит взглядом зал, потом начинает читать с листа*): Уважаемый председатель! Почтенные члены совета! Дамы и господа! Таковы результаты голосования: из пятнадцати членов совета защиты на собрании участвовали семь членов. Два члена заранее голосовали. За двумя членами диссертант послал машину. Место двух членов неизвестно. Несмотря на это, выступивших против диссертанта не было. Воздержавшихся нет. Пятнадцать членов совета проголосовали за диссертанта. Позд-

правляем диссертанта.

Зал наполняется рукоплесканиями. Все обнимают и целуют диссертанта. Профессор Гюдазов громко смеётся.

Председатель: Профессор Гюдазов, вы чему радуетесь?

Гюдазов: Уважаемый председатель, довожу до вашего сведения, что я не голосовал за диссертанта. Как могли за диссертанта проголосовать пятнадцать человек, если из пятнадцати членов совета защиты на заседании присутствовали семь. Браво такому голосованию!

Председатель: Как? Как? Адя, подожди, Гапанов, что за напасть обрушилась на нашу голову! Что говорит Гюдазов?

Гапанов: Уважаемый председатель, какие напасти?

Председатель: Говоришь, сколько проголосовали за диссертанта?

Гапанов: Пятнадцать.

Председатель: Ты с ума сошёл, что ли?! Адя, опозорились. Гюдазов через полчаса откроет сундук и всё выложит наружу.

Гапанов: Айши, откуда я знаю. Из ящика вынул пятнадцать листков. Я и отметил пятнадцать.

Председатель: Адя, скажи, пусть приостановят поздравления.

Учёный секретарь: Дамы и господа, прошу остановите на время поздравления. В работе счётной комиссии небольшая техническая ошибка.

Все с недоумением смотрят на председателя.

Председатель: Профессор Гюдазов так сбил с толку,

ум за разум зашёл.

Гюльмалиев: При чём тут ум? И к тому же такие дела часто происходят. На прошлой защите вместо пятнадцати членов было подсчитано двадцать один. Срочно меняйте протокол и всё. Не портьте настроение диссертанту.

Председатель (*обращаясь к учёному секретарю*): Можно?

Учёный секретарь: Почему нельзя? Такое мероприятие с успехом довели до конца. Большое ли дело сделать поправку в протоколе?

Председатель: Гюдазов не натворит дел?

Учёный секретарь: Кому и что может доказать?

Марджанлы: Айши, пустое дело. Сотрите два голоса, остальное поправимо.

Гюдазов: У такой защиты, такие и последствия.

Председатель: Должны утвердить результаты счётной комиссии. Какие предложения?

Голоса: Утвердить!

Председатель: Прошу поднять руки. «За» — шесть, «против» — один человек, «воздержавшихся» — нет. Поздравляем!

Члены совета, гости поздравляют диссертанта.

Председатель: Уважаемые члены совета! У дверей вас ждут машины. Все усаживайтесь в машины, мероприятие будет продолжено в ресторане «Хаял».

Встаёт сидящий сзади высокий мужчина лет сорока-сорока пяти, полного телосложения, чёрный, с аккуратно зачёсанными назад волосами.

Неизвестный человек: Уважаемый председатель, прошу и мне дать слово.

Председатель: Представьтесь.

Неизвестный человек: Ответственный сотрудник Высшей аттестационной комиссии Зульфугарлы.

Председатель (сначала растерявшись): Пожалуйста.

Пауза

Зульфугарлы (поднимается на кафедру, зал успокаивается): Уважаемый председатель! Высшая аттестационная комиссия меня, как ответственное лицо, послала сюда для участия на заседании совета. Я сначала до конца участвовал на заседании, все выступления, отзывы оппонентов, претензии и рекомендации слышал сам и записал на диктофон.

Довожу до вашего сведения, нет слов по поводу доброжелательности членов совета. Сведения о ходе защиты, как есть, передам президиуму.

Председатель: Большое спасибо. От имени членов совета защиты и вам, и президиуму выражаю глубокую благодарность.

Голоса: Слава! Слава!

Зульфугарлы: Я так понимаю, что Гюдазов вам очень мешает и по этому поводу хотите поднять вопрос перед Высшей аттестационной комиссией.

Голоса: Да! Да! Не даёт работать. Его удалите, а то, собравшись, пойдём в Высшую аттестационную комиссию.

Зульфугарлы: Не тревожьтесь: Высшая аттестационная комиссия обо всём имеет сведения, в том числе, и о деятельности профессора Гюдазова.

Голоса: Отлично... Плагиатор... Занимается демагогией... Негуманный... Анонимщик... Антипод...

Зульфугарлы: Принимая во внимание смелые мысли и научные идеи, «президиум» выдвинул Гюдазова на ответственный пост в Высшей аттестационной комиссии.

Председатель: Что?

Аманов: Как?

Гапанов: Пропали.

Йыганов: Что он говорит?

Гюльмалиев: Как будто вижу сон.

Сыгалов: Почему же сон?

Председатель: Ну что же, очень хорошо. Профессор Гюдазов свой человек.

Учёный секретарь: Вас поздравляю, профессор Гюдазов.

Пауза

Зульфугарлы: Правда, «президиум» Высшей аттестационной комиссии, поверив совету, утвердил несколько представленных вами диссертаций.

Вместе с тем, хотел бы обратить внимание на то, что принятые на предыдущих двух заседаниях вашего совета постановления потеряли силу на собрании «президиума» Высшей аттестационной комиссии. Будьте уверены, и постановление, принятое сегодняшним заседанием, будет ликвидировано...

Председатель: Если говорю неправду, пусть пуля прошибёт меня, предчувствовал: плохо кончится.

Гапанов: Высшая аттестационная комиссия ошиблась.

Зульфугарлы: Почему?

Сыгалов: Гюдазов зловредный, глупый человек.

Председатель (раздражённо): Замолчи, сам ты глупец, невежда.

Сыгалов: Правильно.

Председатель: Невоспитанный.

Сыгалов: Правильно.

Председатель: Больше не совершай таких ошибок.

Сыгалов: Хорошо.

Зульфугарлы (председателю): Вы идите на банкет, а я с профессором Гюдазовым направимся в Высшую аттестационную комиссию.

Диссертант (*закрыв двери зала*): Никому, кроме уважаемого Зульфугарлы и профессора Гюдазова, не дам возможность выйти отсюда.

Председатель: Почему? Что с тобой случилось?

Диссертант: Верните полученное назад, а то!...

Гюльмалиев: А то что?... Может...

Диссертант: Да!

Председатель: Вай. Обрушился мой дом, как смогу вернуть столько денег.

Учёный секретарь: Аля, попали впросак.

Аманов: Откуда взялся этот идиот? Разве мёртвый может воскреснуть?

Гапанов: Двести бутылок выпито мною, отольются кошке мышкины слёзки.

Сыгалов: Имей терпение, Хатам. Будет и на нашей улице праздник.

Залов: Не раздражай меня, кум.

Диссертант: Не разговаривайте попусту, то, что взяли, положите на стол.

Председатель: Хатам, сын, ты же сам дал.

Диссертант: Ничего не знаю, ничего не хочу слышать!

Йыганов: То, что взяли, превратилось в отраву.

Марджанлы: Всё это затея Гюдазова.

Пауза

Председатель (*вытаскивая из кармана деньги*): С собой вот столько, возьми, за остальным придёшь завтра.

Члены совета по одному подходят к Хатаму, возвращают деньги и уходят.

Диссертант (*обращаясь к детям*): Пойдёмте, дети, домой, видно, такова судьба.

Все расходятся

2000 год

Любовь и преступление

(пьеса в трёх действиях, одиннадцати явлениях)

Действующие лица:

Шалаля — заведующая отделом, профессор.

Шербет — старший научный сотрудник.

Сермест — жена Шербета, 26-28 лет.

Хадиджа — мать Шербета.

Тукяз — научная сотрудница, красивая женщина, 30 лет.

Черкез — муж Тукяз, 35-40 лет.

Мясма — мать Тукяз.

Ляман — лаборантка, 28 лет.

Афшан — научная сотрудница, 33 лет.

Первый полицейский — капитан.

Второй полицейский — сержант.

ДЕЙСТВИЕ I ЯВЛЕНИЕ I

Научно-исследовательский институт. Отдел. Научный работник Шербет что-то пишет. Открывается дверь, входит Тукяз ханум. Обрадованный Шербет муаллим встаёт, целуется с Тукяз.

Тукяз: Если б знала, что в комнате один, пришла б пораньше. Что творишь, милый?

Шербет: Так, занимаюсь. Честно, очень соскучился по тебе.

Тукяз: Клянусь, я тоже; так привыкла, что не могу без тебя. Иной раз забудусь и дома произношу твоё имя. У Черкеза, хоть и ничего не говорит, страшно портится настроение.

Шербет: Будь осторожна, дорогая, не давай повод лишним разговорам.

Тукяз: Подозревает... Очень ревнует меня к тебе.

Шербет: Если подозревает, рано или поздно узнает о наших отношениях.

Тукяз: Пусть узнает да (*улыбаясь*), всё равно он не может заполнить пустоту в моей жизни.

Шербет: Моя газель, мой ягнёночек.

Тукяз (*обняв шею Шербета*): Мой родной, свет моих очей.

Шербет: Будь осторожна: откроют дверь, опозоримся (*Тукяз отодвигается*). Очень страстная...

Тукяз: Да, а что ты думал?

Шербет: Говоришь, муж подозревает?

Тукяз: Ничего не может делать.

Шербет: Как это понять?

Тукяз: Нежится; как женщина, одного гвоздя не может вбить в стену.

Шербет: Опять не понял.

Тукяз: Он, как женщина. Ко мне приближается так, будто я хрустальная ваза; уронит — разобьётся.

Шербет: Так скажи.

Тукяз: Этой ночью видела странный сон.

Шербет: Твои сны сбываются.

Тукяз: Вай! Тогда пропали...

Шербет: Почему?

Тукяз: Видела, будто ты променял меня на другую ханум.

Шербет: Что ты говоришь, дорогая? Даже если рухнет мир, перевернутся земля и небо, это невозможно. Разве

меня не знаешь?

Тукяз: Ох, вы мужчины! Язык говорит одно, а сердце – другое.

Шербет: Правда, дорогая, есть и такие мужчины. Но я...

Тукяз: Не обеляй себя в моих глазах.

Шербет: Прошу тебя не приравнивай меня к плутам. Я не такого поведения.

Тукяз (*громко смеясь*): А-а... Что говоришь? А жена, дети? Да к тому же совладелец чужой жены. В таком случае говорят: не хочет отдавать и брать не хочет.

Шербет: Что? Что это означает?

Тукяз: Откуда я знаю. Мать всегда так говорит.

Шербет: Дай Бог матери долгих лет жизни.

Тукяз: Спасибо.

Пауза

Шербет: Я люблю тебя, Тукяз, и запомни: никогда тебя не променяю на другую. А насчёт совладельца чужой жены я давно тебе хочу сказать: давай закончим игру, весь день, как одержимый.

Тукяз: Не понимаю, говори открыто.

Шербет: Тебя ревную к мужу.

Тукяз: А-а-а... С ума сошёл, что ли? Пойду скажу мужу: не приближайся ко мне; не скажет разве: почему?

Шербет: Ночью рядом с ним, днём со мной. Понимаешь, что это такое?

Тукяз: Не волнуйся, для меня нет разницы между ним и домашней чёрной кошкой.

Шербет: Хочешь — убей меня, не могу терпеть, сердце чуть не разрывается.

Тукяз: Шербет, и я страдаю, испытываю такие же чувства.

Шербет: Ох, дорогая, дорогая! Значит, я на том берегу, ты на этом...

Тукяз: А что ты думал?

Дверь открывается. Входят лаборантка Ляман ханум и Афшан ханум, здороваются. Шербет садится за стол, взяв газету, просматривает её. Тукяз что-то ищет в сумочке.

Ляман: Шербет муаллим, Шалала ханум поручила всем сотрудникам отдела написать годовой отчёт о проделанной работе. Прошу не запаздывайте. И вы, Тукяз ханум.

Шербет (*кивком головы показывая своё согласие*): Хорошо.

Тукяз: Разве Шалала ханум не знает, какая работа проделана в отделе?

Ляман: Конечно, знает. Она хочет...

Афшан: Во-первых, что тут такого? Во-вторых, и Шалала ханум должна дать сведения в учёный совет. Хочет, чтоб всё было точно.

Тукяз: И ты странный человек, если не ответила б, разрушились бы небо и земля.

Афшан: Портить настроение — твоё ремесло.

Тукяз: Виноват Шербет. Сидит, набрав в рот воды, а лаборантка и младшая научная сотрудница приказывают старшему научному сотруднику.

Шербет: Все говорят о моём гуманизме...

Тукяз: Не слышал: когда место без хозяина, свинья лезет в первую очередь.

Ляман: Взрослая женщина, образумься. Я передала распоряжение заведующей отделом.

Тукяз: Прекрасно. А сейчас сказанное тут, увеличив в пять раз... пойдёшь передашь ей же.

Ляман: Я не ябеда, подобно некоторым.

Тукяз: Шербет муаллим, я пошла в библиотеку, если будут спрашивать...

Шербет: Иди.

Туяз под благовидным предлогом выходит из комнаты. Афшан, приблизившись к окну, смотрит во двор. Ляман, вытащив зеркало из сумки, приводит себя в порядок. Вслед за Туяз уходит и Шербет.

Ляман: Ушли... Не могут оставаться врозь.

Афшан (*с иронией*): Дай Бог, чтоб были дружными.

Ляман: Всё время вместе, и всё время шепчутся.

Афшан: Нам-то какое дело.

Ляман: В тот день от страха чуть сердце не остановилось.

Афшан: Почему?

Ляман: И ты, как я, не держишь язык за зубами...

Афшан: Говори, не томи.

Ляман: Стесняюсь.

Афшан: Не кривляйся, сейчас кто-нибудь войдёт, не договоришь.

Ляман: Подружка, становлюсь беззастенчивой, извини (*руками описывая ситуацию*). В тот день видела, как обнявшись...

Афшан: А-а... А-а... Вай... вай... Говоришь, обнявшись, целовались?..

Ляман: Клянусь, звуки поцелуя раздавались в комнате. Клянусь, увидев такое, хотела бежать, да ноги не послушались, замерла на месте.

Афшан: Так и осталась внутри?

Ляман: А что делать? Только через некоторое время, придя в себя, увидели меня. Правда, немного смутились и улыбнулись.

Афшан: А-а... даже улыбнулись?

Ляман: А что оставалось делать? Совершили проступок да.

Афшан: Хорошо, а что ты сделала?

Ляман: Что должна была делать? Сказала: «Занимайтесь своим делом», повернулась в другую сторону и вышла. Сама знаешь да, я никогда таких вещей не видела.

Пауза

Афшан: Ты не преувеличивай. Как это не видела?

Ляман: Дома, да, я с тобой согласна. На работе да ещё в отделе (*качая головой, пожимая плечами*) не видела. Нет!

Афшан: Такие вещи происходят на работе, потому что на рабочем месте безопаснее.

Ляман: Подружка, подруженька, они совсем другого сорта. Было бы у тебя свободное время – вдоволь смотрела бы на них своими глазами. Облизывали друг друга, как будто никогда не видели человека. Упаси, Боже.

Афшан (*дотрагиваясь рукой до плеча Ляман*): Ради Бога, хватит, не возбуждай нас.

Ляман: Клянусь Богом, это был другой мир. Лично я в тот день до вечера не могла прийти в себя. А вечером мой-то дома, знаешь, что говорит?

Афшан: Что?

Ляман: Сегодня ты совсем другая. Эти мужчины всё замечают. Хотела раскрыть свой красивый рот и облить его ядом.

Афшан: Почему?

Ляман: Ты всё время задаёшь вопрос: почему. Даже и божий слуга, Шербет стал совладельцем чужой жены. Блудливый, своя, чужая, нет разницы, как придёт, тотчас обнимает. А то — мой... Мёртвый червь... Руки отсохнут, душа выйдет вон.

Афшан: Чем недовольна?

Ляман: Будешь недовольной да. Не смотри на внешность, внутри пуст, жалкий человек, — пепел на его голову! Может только чваниться, посмотришь со стороны — думаешь: мужчина, всё умеет делать.

Афшан: Ворованное всегда сладко. Вот пример: Шербет и Туказ.

Ляман: Да, подруженька, в тот день хотела накапать Шалале ханум об их отношениях. Она же заведующая отделом, учёный человек, не пара нам. Да кто-то, опередив меня, уже донёс. Не дай Бог, она подумает: я тут или тупоумная, или время провожу, не знаю, то творится в отделе. Или знаю, а всё, что происходит, просто держу в себе, будто котомка, хранящая тайны... Типун на язык, вдруг подумает, что я тоже того.

Афшан: Чего того?

Ляман: Я тоже, как они.

Афшан: Ну, хорошо, не будь нетерпеливой. Того, что видела — мало, собери факты. Факты! Как только накопишь факты, всё будет твоим, и способов маневрирования будет больше.

Ляман: Да-а?

Афшан: Ну да! Если захочешь, даже можешь оказать воздействие на жену Шербета и на мужа Туказ.

Ляман: А как?

Афшан: Очень легко. Анонимно. По телефону. Набери номер, расскажи увиденное. Откуда узнают, кто ты.

Ляман: А-а... А-а... *(раздаётся телефонный звонок. Ляман берёт трубку)*. Хорошо. Иду... *(обратившись к Афшан)*. Шалала ханум зовёт к себе.

Ляман и Афшан выходят из комнаты. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ II

Отдел. Шалала ханум сидит за столом. Раздражена. Шербет, войдя, здоровается. Шалала ханум указывает на стул.

Шалаля: Шербет муаллим, вы способный учёный, семейный, имеете двоих детей. За плодовитость всегда уважала вас, но сегодня я пришла в ужас от полученных сведений о вас.

Шербет: Что за сведения?

Шалаля: Любовное приключение.

Шербет: Не понял.

Шалаля: Каждый день с Туяз ханум ловеласничаете.

Шербет: Неправда. Клеветают на нас. Знаю, все интриги затевает Ляман.

Шалаля: Интересно. Вы устраиваете кошачьи игры, а отвечает Ляман.

Шербет: Ханум, сказал: это ложь. Это надо доказать. Не увидев кинжала в ножнах, нельзя говорить неуместные слова.

Пауза

Шалаля: Спасибо, Шербет, и нас считаешь должниками. Какая разница между неимеющим пристойности мужчиной и порочной женщиной? Оба далеки от чести, приличия, наплевали на самолюбие. Не так ли?

Шербет: Не узнав полностью правды, не имеете право так разговаривать со мной.

Шалаля: А вы имеете право посягать на честь других?

Шербет: Повторяю, ханум, надо доказать то, что вы говорите. Хорошо было бы, если б занялись своим делом. Не позорили бы нас и не распространяли неприятные слухи, ведь есть друзья, враги.

Шалаля: Считающиеся с друзьями и врагами не совершали бы такие ошибки. Нет у тебя чести, а у Туяз праведности.

Шербет: Ничего. Я поговорю с Ляман. Эдак можно оклеветать кого угодно.

Шалаля: Интересно. Вы совершаете поступки, а виновата Ляман. Странные люди.

Шербет: Скажу, откуда эти слухи возникли: несколько дней тому назад в глаз Тукяз попала соринка. В отделе никого не было. Я вынужден был, уложив её на стол, вынуть из глаза соринку. В это время вошла Ляман, увидев нас в таком положении, засомневалась. Вот и всё. Этого было достаточно, чтоб поднялся шум-гам.

Шалаля: Чужую жену, уложив на стол, вынимать соринку из глаза, тебе это надо было?

Шербет: Ханум, не оскорбляйте меня.

Шалаля: Тебе даю заслуженную оценку.

Шербет: Если на то пошло, мы тоже многое знаем, можем разоблачить неблагоприятные дела.

Пауза

Шалаля: Может, взамен сказанного ты и меня хочешь оклеветать?

Шербет: Не вас... а Ляман. И почему клевета? К ней приходят сто человек: и молодые и старые, тогда мы тоже должны сказать, что Ляман ханум чем-то занимается...

Шалаля: Бесчестные! Не умеющие оценивать себя, презирающие общественное мнение могут позволить себе непристойности. Вы не достойны этого коллектива. Все ищешь факты. Знай и то, что до тебя, здесь были твоя жена Сермест и муж Тукяз, Черкез. Черкез на грани совершения преступления, хочет отомстить тебе.

Шербет: И их подстрекали.

Шалаля: Говоришь неправду, подлый! Так разошлись, что и в отделе...

Шербет: Какое имеете право вмешиваться в жизнь моей семьи!

Шалаля: Не кричи. Хорошо говорят: «Сидит под кустом, позакрывшись местом».

Двое детей у тебя, двое у Тукяз. Ваша безрассудность ведёт к распаду двух семей.

Шербет: Я поговорю со своей женой.

Шалала: О чём будешь говорить?

Шербет: Сами будем знать.

Шалала: Расскажешь об измене? Ах... Мужчины, мужчины!

Шербет: Что с мужчинами?

Шалала: Ничего. Хочу спросить, Шербет муаллим, владея чужой женой, сможете быть счастливым?

Шербет (вспылив): Во-первых, мы любим друг друга.

Пауза

Шалала: Только что, клянясь, утверждал, ничего нет между вами.

Шербет: Во-первых, вы меня заставили сказать это слово. Во-вторых, допустим, что и вправду люблю.

Шалала: Постеснялись бы (*делая паузу в голосе*). Ты веришь, что когда-то изменившая мужу, предавшая детей женщина завтра будет тебе верна.

Шербет (некоторое время раздумывает и сам себе): Нет, она любит меня. На нашу любовь не воздействуют ни жена, ни муж, и даже дети.

Шалала: Когда вырастут дети Тукяз, они поймут, что причиной ухода их отца из дома являешься ты. Либо твои дети, став постарше, осознают: ты, бросив их, ушёл. В таком случае они не примут тебя как отца.

Шербет: Они поймут, что наши действия исходят от любви, безысходности. Вы не беспокойтесь, дети постепенно ко всему привыкнут. Это жизнь, такие вещи часто происходят. А что касается шумихи моей жены, сами уладим.

Шалала: Нет, я не дам возможность, чтоб вы разрушили две семьи, детей оставили в слезах, превратив их в неудобных для общества людей.

Шербет: Ханум, выходит так, что вы в силах взять под попечение все сбившиеся с пути семьи, брошенных на улицу малолетних детей.

Шалаля: Нет, Шербет. Я понимаю полные иронии слова. Не только я одна, все интеллигенты, весь коллектив должны вовремя указать на ошибки таких, как вы, людей. Среди нас не должны быть такие, как вы, люди, тогда и семьи не будут распадаться, и дети не будут рассыпаны по улицам.

Теперь я спрашиваю: в чём вина детей, твоей жены, мужа Туяз? Не узнали вас вовремя?

Шербет: А каковы мы?

Пауза

Шалаля (*растягивая слова*): Шербет, ты уже не ребёнок, скоро будет сорок. Ты вспоминаешь смех детей, их гордость, когда произносили слово «отец»? Или хочешь сделать их несчастными?

Шербет: Я сам позабочусь о своей семье, детях. Я всё достаточно обдумал. Прошло время слушать лекции.

Шалаля: Ты на краю пропасти. Знаю, что твои чувства отняли разум. Если посмотрел бы на себя со стороны, увидел бы, в каком жалком положении оказался.

Шербет: В детском возрасте такие вещи много слышал, ханум, и потому не могу переваривать то, что вы говорите.

Шалаля: Мне тебя жалко, Шербет... Не забывай, что завтра тебя ждут большие несчастья; придёт время, Туяз по подстрекательству выбросит тебя на улицу. Тогда сам не будешь знать: куда идти. Тогда проливающая по тебе сегодня слёзы жена, родные дети плюнут тебе в лицо, тогда пожалеешь, но позднее раскаяние не поможет. Кончай эту затею. Чужая жена не будет тебе другом, возлюбленной. Пожалей, не обездожь себя.

Шербет (*в нервном состоянии*): Хватит! Достаточно!...

Шалаля: Если ты не ценишь себя, как будешь ценить других?

Шербет: Оценка, мерил ценности относительны, ханум. Вы смотрите на жизнь по-своему, мы по-другому.

Одни и те же вещи, события, пейзаж вам кажутся разноцветными, яркими, нам же — бесцветными, блёклыми. Мне кажется, мы более реалистичны. Мы видим жизнь такой, какая она есть, и не приспособливаемся к ней. По моему разумению, именно она — действительная жизнь: нет никакой разницы между желаниями и действиями.

Шалаля: По твоим словам, выходит так, что мы живём в красочном мире, да ещё в романтическом. Между желаниями и действиями существует пропасть. Нет, Шербет муаллим, рассуждаешь неверно. Между вами и нами разница во взгляде на жизнь, морали. Я сказала своё слово, можешь идти...

Шербет в нервном состоянии выходит из комнаты. Шалаля обхватывает голову руками. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ III

Шалаля ханум сидит за столом. Входит Ляман.

Ляман: Тукяз ханум пришла, хочет видеть вас.

Шалаля: Скажи: пусть войдёт. (*Ляман уходит, входит Тукяз. Шалаля указывает ей на стул. Тукяз садится*). Слушаю, ханум.

Тукяз (робко): Вызывали меня, Шалаля ханум?

Шалаля: Да... Тукяз, в институте все ведут разговор о тебе и Шербете. Что за безобразия?

Тукяз: Знаете, Шалаля ханум, на нас клеветают.

Шалаля: У сотрудников института нет других дел, как судачить о вас?

Тукяз: Все эти разговоры исходят от Ляман.

Шалаля: Это любовное приключение придумала Ляман или вы?

Тукяз: Она испытывает неприязнь ко мне и завидует. Какое ей дело, как я гуляю, с кем гуляю, что делаю? Да и какое любовное приключение?

Шалаля: Неправду говоришь. Эти разговоры — пятно не только на вас, вашу семью, но и на весь коллектив. Рушатся семьи, дети при живых родителях становятся сиротами. А ты говоришь, кому какое дело. Какое странное рассуждение! Понимаешь хоть, что говоришь?

Тукяз: Семья, дети наши. Разрешите нам самим заботиться о них. А что касается нашей любви с Шербетом, красивую женщину полюбят да. Слава Богу, привлекательная внешность, сладкий язык. Зачем это должно беспокоить Ляман?

Пауза

Шалаля: Ляман не имеет отношение к делу.

Во-первых, человек должен гордиться не своей красотой, а умом. Во-вторых, напомню, вы оба безжалостны и надменны. Готовы растоптать своих детей, чтобы удовлетворить свои страсти и вожделенческие чувства. Представляете, к чему могут привести ваши действия?

Тукяз: Видно, вы жестокосердный человек.

Шалаля: Какой?

Тукяз: Не можете оценить любовь, страсть. Я удивляюсь этому, профессор.

Шалаля: Благодарю, ханум. Но в вас говорит не любовь, а ограниченного, узкого, эгоистического ума страсти.

Тукяз: Не понимаю.

Шалаля: Ваши недостойные действия — трагедия для обеих семей. Прогнав своего мужа и приведя в дом чужого, осчастливишь ли своих детей; либо Шербет, бросив своих детей, жену, найдёт ли счастье в твоих объятиях?

Тукяз: Не знаю, только одно понимаю: мы любим друг друга, не можем жить врозь.

Шалаля: А утверждала, что на вас клеветают. Весь этот шум создала Ляман, якобы завидует тебе.

Тукяз: Эх!... Откуда я знаю?

Пауза

Шалаля: Ты потеряла разум (как будто разговаривает сама с собой, медленно). Упрямая, одуревшая женщина.

Тукяз: Я сама буду знать. Что, я не имею права жить свободно, свободно мыслить?

Шалаля: Конечно, имеешь. Хотя ты и отдельный индивидуум, но живёшь в обществе. А общество управляется законами, запретами. Если думать, как ты, жить свободно и поступать сообразно своим прихотям, можем совершать преступления.

Выходит так, что твоё преступление не имеет отношения ни к отдельным людям, ни к обществу. Так мыслить — большая ошибка. Мы не можем дать тебе возможность поступать, как хочешь.

Тукяз: Под «мы» кого вы подразумеваете?

Шалаля: Себя, коллектив.

Тукяз: Какое имеет отношение к коллективу наша с Шербетом личная жизнь; сами будем знать, как её устраивать.

Шалаля: Нет, вы своими необдуманными действиями совершаете преступление. За это будете отвечать перед обществом и перед законом.

Тукяз: Ха-ха-ха. Закон! Общество! Это время ушло и никогда не вернётся назад, ханум.

Шалаля: Вы оба далеки от нравственности и морали, раскройте глаза и хорошо посмотрите на жизнь.

Тукяз: Мораль! Нравственность! Это высокопарные слова. Я у вас спрашиваю: шесть тысяч азербайджанских женщин в Арабских Эмиратах, тысячи в Турции, сотни в Пакистане, а сколько в России занимаются продажей тела, и никто им ничего не говорит. Может, и их будете обсуж-

дать в коллективе? Я вам советую: не теряйте время попусту на бессмысленные вещи.

Пауза

Шалаля: Как бы ни было горько, всё, что ты говоришь, — правда. Виной тому, что в тюрьмы перечисленных стран заключены азербайджанские женщины, являемся мы сами, члены их семей, родные, большой коллектив. Если мы вовремя позаботились бы о них, они ради пропитания не бросились бы в объятия каждого. Мы, гнилое общество, виновники их грязных действий.

Тукяз: Я с Шербетом — одни из тысячи. Я не понимаю, почему этот запрет касается только нас. Во-вторых, какое имеете право вмешиваться в нашу личную семейную жизнь? В-третьих, отзывы общества к нам не имеют отношения.

Шалаля: Ваше поведение неразумно. Бурлящая кровь, страсти, вожделенческие чувства закрыли пеленой ваши глаза, отняли разум.

Ты и тебе подобные — странные люди: романтика, мечты подбадривают на риск. Обманщицы, плутовки, ветреные, бесчестные женщины различными путями сбивают с пути «шербетов», а потом, считая себя победительницами, отталкивают их. Внешне показывая себя ценительницами любви и достоинства, они губят таких мужчин, как Шербет.

Тукяз: Вы меня оскорбляете, профессор. Эти слова не приличествуют ни вежливому, честному профессору, ни чистой и верной своей любви женщине.

Шалаля: Разрушая свою и Шербета семью, оставляя детей без отца, совершаешь большое предательство.

Тукяз: По отношению к кому?

Шалаля: По отношению к мужу, детям, человечеству и, наконец, к Богу.

Тукяз: Мужу?

Шалаля: Да.

Тукяз: Если его никогда не любила, тогда что? Если не бросаю детей...

Шалаля: Не знаю, об этом должна думать сама.

Тукяз: Я о своих детях буду заботиться, жена Шербета о своих, наверное, и отцы окажут материальную помощь.

Шалаля: Мудрое рассуждение.

Тукяз: А что касается человечности, Бога, профессор, любовь присуща человеку. Это самое большое, возвышенное чувство, подаренное Богом человечеству.

Шалаля: Странное обоснование.

Тукяз: Женщины не рождены для подчинения кому-то. Если так думаете, жаль, очень жаль.

Шалаля: Твоя двойственная, противоречивая природа всё время сталкивается. Это столкновение со стороны отчётливо видно.

Тукяз: Я действую по велению своего разума.

Шалаля: Нет, говоришь неправду. Ты прислушиваешься к зову сердца, ползёшь за хвостом своих эгоистических желаний и рождённых ими чувств.

Тукяз: Вы оскорбляете меня.

Шалаля: Нет, это тебе так кажется. Ты порой стараешься показать себя достойной, гордой. Не забывай, в такой момент ты превращаешься в смешного и требовательного ребёнка.

Тукяз: Не понимаю.

Шалаля: Я говорю ясно. Ты несчастная, жалкая женщина.

Тукяз: Совершенная ерунда.

Пауза

Шалаля: Ты внешне покорная ангельская женщина, а скрыто — алчная, изворотливая ведьма, кикимора.

Тукяз: Мало ругайте. О своих связях с Шербетом я открыто сказала мужу.

Шалаля: Ошеломленный муж (*с интервалом в голосе*). Каково отношение мужа?

Тукяз: Ничего не сказав, посмотрел мне в лицо. Предполагаю, он чувствует, что является препятствием в моей жизни, заковал в цепи мои желания и мечты.

Шалаля: А когда создавали семью, об этом не думали?

Тукяз: Нет, тогда не знала, что такое любовь. Когда муж открыл свои чувства и сделал предложение, думала, создав семью, стану самым счастливым человеком на земле. Оказывается, ошибалась. Я сейчас понимаю, что такое жизнь и счастье.

Шалаля: После того как стала матерью двоих детей?

Тукяз: Какое это имеет отношение к любви? Если душа желает, возможно, даже если станешь бабушкой.

Шалаля: Если мужчина, в объятия которого бросаешься, безденежный – тогда как?

Тукяз: Если б я была падкой на деньги и богатство, то в этом ханжеском, фарисейском мире завоевала б сердца высокопоставленных, влиятельных глупцов-мужчин.

Шалаля: Бедная женщина, ты спесива.

Пауза

Тукяз: Самовольничают коррупция, разбойничество, мошенничество. Никто не выступает против них. А нас травите, преследуете. Муж не работает, не приносит домой жалованье. За неблагополучную судьбу порой хочу убить себя.

Шалаля: Какое всё это имеет отношение к чести? Муж не работает, не приносит домой жалованье, поэтому должна браться под грязные ноги?

Тукяз: Я люблю. А разве любовь — предосудительный поступок, гнусность?

Шалаля: Не любовь, а разрушение благоденствия семей, своей и чужой — самая большая гнусность, подлость и даже преступление, будь то мужчина или женщина. Эта

подлость приносит людям бесславность.

Тукяз внимательно смотрит на Шалалю, потом, раздражённая, выходит из кабинета. Шалаля смотрит ей вслед. Свет гаснет, сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ IV

Отдел. Научные работники занимаются работой. Ляман и Тукяз о чём-то беседуют. В это время открывается дверь, входит Сермест. Сердито здоровается.

Ляман (обернувшись): Добро пожаловать, Сермест ханум.

Сермест: Большое спасибо.

Ляман, выйдя вперёд, целуется с ней.

Ляман: Нужен Шербет муаллим? Наверное, ушёл в соседний отдел. Присаживайтесь, сейчас позову.

Сермест: Нет, не беспокойся. Мне нужна Тукяз.

Тукяз (в тревожном состоянии): Слушаю, ханум.

Сермест: Наверное, узнала. Я мать детей Шербета.

Тукяз: Прекрасно, узнала.

Сермест: В который раз я веду разговор о твоей любовной связи с Шербетом.

Тукяз: Ты говоришь неправду. Твои подозрения тебя уничтожат.

Сермест: Я хорошо знаю, что говорю. Я не хочу, чтоб мои дети, имея отца, стали сиротами, чтоб невинные дети страдали. Не разрушай мою семью.

Ляман: А-а... Что она говорит?

Афшан: Хватит, постесняйтесь, не смешите народ.

Сермест: Что хватит? Если б такое случилось с вами, убили б себя.

Тукяз: Клевеша, не позорь меня. Я пристойная женщина. Не можешь справиться с мужем...

Афшан: Не позорьте ни себя, ни нас, идите разговаривайте на улице.

Тукяз (*оборачиваясь к Афшан*): Разве я непристойная женщина?

Сермест: У женщины, потерявшей стыд, честь, самолюбие, разрушившей чужую семью, сделавшей сиротами детей, одно только имя — развратница!

Тукяз: Я не развратница, с Шербетом мы сотрудики.

Сермест: Лицемерная женщина с порочным и развратными поведением!

Приходит Шалаля ханум. Афшан и Ляман подходят к ней.

Шалаля: Что случилось? Что за суматоха?

Сермест: Это спросите у Тукяз. Пусть сама раскроет причину разрушения чужой семьи.

Пауза

Шалаля (*притворившись неосведомлённой*): Не может быть, ханум. У нас и к Шербету и к Тукяз...

Ляман: Да, да, Шалаля ханум правду говорит.

Сермест (*рассердившись*): Вместо того чтоб принять меры, посмотрите, кого вы защищаете.

Шалаля (*обернувшись к Тукяз, с укоризной*): Это так и должно было кончиться, Тукяз ханум (*потом обернувшись к Сермест*). Вас понимаю... Скандалами лишаете авторитета и Тукяз, и себя, и Шербета. Дайте возможность, мы сами уясним этот вопрос.

Сермест: Подождём, посмотрим (*обернувшись к Тукяз*). Если не образумишься...

Сермест, раздражённая, выходит из комнаты.

Шалаля: Что на это скажешь, Тукяз, этого хотела? Опозорила и себя, и детей, потеряла авторитет.

Тукяз (плача): Но я...

Шалаля: Всё! Кончили! Свободна! Увольняешься. Можешь идти.

Тукяз, взяв сумку, выходит из комнаты. Шалаля, Ляман и Афшан выходят вслед за ней. Гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ II ЯВЛЕНИЕ V

Дом Шербета. Приходит Шербет. Раздражён. Жена встречает его с улыбкой.

Шербет (сердито): Хорошо, почему сегодня повздорила с Тукяз?

Сермест: Давай об этом не говорить сейчас.

Шербет: А когда?

Сермест: Когда матери не будет дома.

Шербет: Я у тебя спрашиваю, как ты посмела пойти в отдел, на моё рабочее место?

Сермест: А ты как посмел изменить мне? По какому праву Тукяз разрушает мою семью, моё гнездо, детей моих обрекает на сиротство?

Шербет: Ты с ума сошла. Ревность тебя убьёт.

Сермест: Это не ревность, это действительность.

Шербет: Дурная женщина! Оценивай свои поступки.

Сермест: Сколько времени вешал лапшу на уши! Хватит! Сказала, закончим разговор, стыдно перед матерью. Услышав наш голос, может прийти из соседней комнаты.

Шербет: Ещё раз будешь беспокоить Тукяз, язык отрежу.

Сермест: Не посмеешь! Знай, насколько женщина кажется спокойной, поняв измену мужа, настолько становится страшной, превращается в дикого зверя. Свой гнев, ненависть топит в жестоком преступлении.

Шербет: Что за угрозы?!

Сермест: Неверно думаешь: мои слова не угроза, а полный ненависти гнев, нашедший убежище в теле, терзающий и испепеляющий душу.

В это время из соседней комнаты выходит мать Шербета, Хадиджа ханум, поздоровавшись, садится на диван. Шербет наклоном головы отвечает на её приветствие.

Хадиджа: Что опять случилось? Вы живёте не как муж и жена, а как кошка с собакой.

Сермест уходит в кухню, приносит стакан чаю и ставит на стол перед свекровью.

Шербет: Ах, мать, уже надоело, не хочу в этот дом приходиться.

Хадиджа: Странно. Сам затеваешь споры и скандалы, которые самому же надоели.

Пауза

Шербет: Эх, ты тоже не начинай. Взрослая женщина.

Сермест: Как ты разговариваешь с матерью, Шербет?

Шербет: Это мы сами будем знать. Не подстрекай на раздоры. Я учёный.

Сермест: У меня больше нет слов к тебе.

Хадиджа: Ты замолчи, невестка (*Сделав паузу*). Образумься, сын. Как цветы, дети; честная, пристойная жена.

Не бесись от жиру.

Шербет: Ради Бога, меньше хвали (*Сделав паузу*). Сидел, сидел и — посмотри, — кого встретил.

Сермест: Спасибо, Шербет!

Хадиджа: Благодарю Бога, сын. Мир изменился, люди не знают, что делают. Запомни, я тоже женщина. Есть женщины: в доме мужа совершают тысячи поступков, а муж не может ничего поперёк сказать.

Шербет: Я не из таких мужчин, я учёный.

Хадиджа: Послушай, есть женщины, думающие о муже, детях, твоя жена добропорядочная, тебе запрещаю так грубо разговаривать с ней, не прощу тебя ввек, понял.

Шербет: В развалину приходиться не хочется: та кончает, эта начинается, эта...

Сермест: Чай остывает, мать.

Хадиджа: Нет, не хочу. Дай Бог ему долгой жизни, опять испортил настроение. Не хочется ни есть ни пить.

Шербет: Что говоришь, мать; то есть и спать домой не приходиться?

Хадиджа: Твоё дело, сын. Сегодня утром вижу: обувь детей прохудилась. Невестка, чтоб не было раздоров дома, ничего тебе не говорит. И не думай, что она ничего не видит. Ну и что, что учёный, детей же тоже надо обеспечить.

Сермест уходит в соседнюю комнату.

Шербет: Зарплату приношу домой, пусть экономит.

Хадиджа: Не обманывай. Не думай, что не знаю. Невестки здесь нет, заставляешь, поэтому говорю. Я хорошо знаю, куда идёт зарплата, на что живёт семья, об этом не говори, образумься.

Шербет: Если я домой зарплату не приношу, на что тогда живёт семья?

Хадиджа: Немного моя пенсия и зарплата невестки.

Шербет: А то, что я приношу?

Хадиджа: Это тебе самому не хватает. Жена не противоречит тебе. Если так будет продолжаться, распадётся семья — ты пожалеешь.

Шербет: Лучше будет, если семья распадётся. Меня оценивайте как учёного.

Хадиджа: Кто эта женщина, которая каждый день звонит сюда? И каждый раз, когда она звонит, ты уходишь из дому. И на улице разговариваешь то из автомата, то по мобильному телефону. И не кичись учёностью. Рогоносец тоже много говорит о чести.

Шербет: Спасибо тебе, мать. Этому языку научилась у Сермест? Если хочешь знать, скажу: мне звонит сотрудница Тукяз ханум.

Хадиджа: Не волнуйся, и о ней много знаю.

Пауза

Шербет: Значит, вместе с Сермест меня преследуете?

Хадиджа: Сермест многое не знает.

Шербет: Знайте, я люблю Тукяз.

Хадиджа: Что? Ты болен. А твои дети? А её муж, дети?

Шербет: Ну и пусть!

Хадиджа: Беспечный сын. Ты должен уйти отсюда. Открой, уши, слушай: дом принадлежит невестке и внукам.

Шербет (крича): Хватит! Презираю всё: и дом, и детей, и жену, и...

На шум из другой комнаты приходит Сермест.

Хадиджа (сыну): Негодяй, замолчи, вставай, уходи отсюда!

Шербет выходит из комнаты. Хадиджа уходит в свою комнату. Сермест остаётся одна.

Сермест: Попали в странное положение. Уж сколько времени не считается с семьёй, детьми! Родную мать не уважает. Почему? Ему в этом доме кто-нибудь слово поперёк говорит?

Сермест, взяв стакан с блюдцем, выходит из комнаты. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хадиджа и Шербет сидят. Сермест приносит сладкий чай.

Шербет: Мать, дорогая моя, сколько может быть разговоров?!

Хадиджа: Глупый человек, так говоришь, будто причиной этих разговоров являемся мы. Но в чем мы виноваты?

Сермест: Не нервничай, мать, пусть как хочет, так и живёт.

Хадиджа (сыну): Знаешь, что семью ведёшь к катастрофе?

Шербет: Что повторяешь: семья, семья? Хочет, пусть сидит дома, не хочет, пусть забирает детей и убирается в отцовский дом.

Сермест (раздражённо): Я из отцовского дома не приводила детей, чтоб их отвести обратно.

Хадиджа: Хоть ростом и вышел, сын мой, но внутри пуст. Ведь я не так воспитывала. Жалею свой труд. Услышавшие, узнавшие не скажут, какого сына вырастила. Когда думаю об этом, стыжусь. Боюсь, завтра и внуки будут презирать меня. Может, ты сам скажешь, что заставило тебя выбрать этот путь?

Шербет: Ах, мать, мать! Что ты хочешь от меня?

Хадиджа: Чего хочу, Шербет, сам хорошо знаешь... С твоим покойным отцом постоянно думали: будет у нас хранитель очага. Если б отец всё это видел...

Сермест: Наверняка, сейчас покойник в могиле переворачивается.

Шербет (*обратившись к жене*): Хватит, мало болтай.

Сермест: Что я сказала? Говорю, покойный был хорошим мужчиной.

Шербет: И я его сын, может, неправду говорю, мать?

Хадиджа: Нет, правду говоришь. Но как мужчина не похож на него. Отец твой ценил и заботился о семье, детях, очень любил их.

Сермест: Сейчас не любить ему.

Хадиджа: Я мать, Шербет. На свете есть одна святая любовь — родительская. Я не знаю более величественной любви. Перед этой любовью и ангелы преклоняют колени. Знаешь ли, степень предательства?

Сермест: Мать, когда ты говоришь, сердце переполняется радостью.

Шербет: А то как твоя мать!

Сермест: А какова моя мать?

Хадиджа: Тукяз я не знаю. В любом случае она изменила мужу, детям. Это ей нельзя простить. Она, украв твоё сердце, топчет под грязными ногами. А что касается матери Сермест, она тоже мать, сын мой. Она достойная женщина, воспитала честных детей. Возьмём, к примеру, твою жену. Язык отсохнет, если я что-нибудь лишнее скажу о ней.

Шербет: Хорошо, увидим.

Хадиджа (*обратившись к Сермест*): Вставай, поменяй чай и дай возможность излить душу.

Сермест, взяв стаканы, уходит в другую комнату.

Шербет: Сидишь и всё перебиваешь, перебиваешь.

Хадиджа: Говорю то, что есть. А относительно твоей красавицы скажу: сегодня предавшая семью, завтра и тебя бросит к ногам. Ты не ребёнок. Демоническая женщина принесёт тебе несчастье. Побойся Бога, образумься, уйди с этой дороги; и я проживаю последние годы... мечта — увидеть свадьбу внуков.

Шербет: Почему не ценишь мои чувства, мать?

Хадиджа: Есть такие чувства, которые следует заглушить, погасить.

Шербет: Откуда в тебе такая жестокость?

Хадиджа: Негодный сын! Мать никогда не может быть жестокой, немилосердной. Одно запомни: человек, даже если не будет признавать Бога, будет отрицать его могущественную силу, не имеет права бросать детей и родителей.

Шербет: Я своих детей не бросаю.

Хадиджа: Что ты подразумеваешь под словом «бросать»? Думаю и неоднократно упрекаю себя, как получилось, что не заметила изначально твою безнравственность? Так получается: не выполнила долг перед Всевышним и человечеством.

Шербет: От этих укоров, упреков остаётся у меня один выход — убить себя.

Хадиджа: Это не мужество, не отвага. Мужество — это, поняв и признав свою ошибку, уйти с неверного пути, смело и честно смыть пятно.

Сермест приносит каждому чай и садится на стул.

Шербет: Эх, ... мать, мать!

Хадиджа: Сын, нас женщин, вы мужчины, знаете не так уж хорошо. Есть женщины, являясь коварным участником неблагоприятных происшествий, подстрекая к трагедии,

несчастьям, показывают себя ангелами. А есть и такие, которые наивно и простодушно верят каждому слову мужа, не понимая их коварства, бросают себя в огонь, адские муки, как твоя жена.

Сермест: А есть такие, слова и действия которых, как розы, благоухают. Внешне имея облик человеческий, — ангелы. Вот, как мать.

Шербет: Па... Посмотрите на неё... Молчи.

Сермест: Правду говорю да.

Пауза

Хадиджа: Подобно волку, разрывающему и раскидывающему больных и увечных из своей породы, действительная мать способна задушить своими руками ребёнка, который приносит бедствия роду, племени, народу. Не забывай, Шербет, отстраняясь от тягостей и воспитания детей, ты выступаешь против народа, к которому принадлежишь. Этого тебе и Бог не простит.

Шербет: В тот день и сестра дала знать, что отвернётся от меня.

Сермест: Отвернётся: не ценишь ни мать, ни жену, ни детей.

Шербет: Когда ты разговариваешь, нервничаю.

Хадиджа: Да буду жертвой Бога, который дал сестру. Уж сколько лет, оставшись с одним ребёнком, вдовствует твоя сестра и никогда не замышляла о втором замужестве.

Сермест: По совести, многие просили её руки.

Хадиджа: Правильно. Свою молодость, всё своё существо она посвятила ребёнку. Мы же бессовестно ведём разговор о твоих грязных любовных играх.

Шербет: Может, сестра не умеет любить.

Сермест: Женское сердце чувствительнее, нежнее, нежнее мужское и в то же время сильнее и стойче. И сестра, и жена твоя выше тебя. Можешь опровергнуть мои слова, но запомни одно: женщина, изменившая мужу, — демон,

сатана.

Шербет: Но в чём её вина?

Хадиджа: И вправду, ты в такой степени слеп, непонятлив? Канальи с волчьими повадками во мраке совершают преступления. Проклятие вашей уснувшей совести. Пока не поздно, успокойся, вернись с этого пути.

Сермест: Эх, какое покаяние Шербету. Привыкший.

Шербет: Что за покаяние? Не пустословьте.

Звонит телефон. Шербет берёт трубку.

Сермест: Она, ведьма... Опять зовёт.

Шербет: Здравствуйте... Да... Узнал... Хорошо... Да, хорошо... *(Кладёт трубку на место. Потом, обратившись к матери).* Я пошёл. Пока.

Хадиджа: Эх... Недостойный сын. От твоих выходок схожу с ума *(обратившись к снохе)*. Дети сейчас придут, наверное, голодные. Ты приготовь еду, а я пойду отдохну.

ЯВЛЕНИЕ VII

Дом. Шербет, раздражённый, стоит перед окном. Сермест гладит.

Шербет: Сермест, мы не сможем жить вместе.

Сермест: Тебе силой никто не заставляет жить в этом доме.

Шербет: Жизнь с тобой приносит мне страдание.

Сермест: И мне не даёт покоя.

Шербет *(рассердясь):* Тогда убирайся в развалюху отца.

Сермест: Во-первых, советую успокоиться, потому что криком ничего не добьёшься, во-вторых, не имеешь права

называть дом моего отца развалиной, в-третьих, я из этого дома никуда не уйду.

Шербет: Пойдёшь, как говорят, коза, лакая, пьёт воду.

Сермест: Не выходи из себя. Шлюха так вскружила тебе голову, что не знаешь, что говоришь.

Шербет: То есть как?

Сермест: Не признаёшь ни мать, ни семью, ни детей.

Шербет: У меня нет ни жены, ни детей.

Сермест: Прекрасный мужчина!

Шербет: Я сделал тебя своей женой, ты же...

Сермест: Что? Может, очернишь меня?

Шербет: Будь проклят день, когда я соединился с тобой.

Сермест: Бесчестный муж, бессовестный отец, подлый сын – таков ты в итоге.

Шербет: Меня не серди, зарежу тебя.

Сермест (*протянув руку в сторону окна*): Возможно, и то кладбище ты заложил.

Шербет, приблизившись к Сермест, ударяет её сзади, утюг, выскользнув из рук, падает на пол. Не удержавшись под напором, Сермест падает на диван. На шум из соседней комнаты приходит Хадиджа. Шербет хочет кинуться на Сермест, Хадиджа удерживает сына сзади. Шербет старается вырваться из рук матери. Сермест плача, встаёт.

Хадиджа (*крича*): Что за выходки? Что ты хочешь от невестки? Чем недоволен? Зачем выставляешь нас на посмешище соседям?

Шербет! Хватит! В этом доме должен жить или я, или она.

Хадиджа: Она будет жить.

Сермест: До сих пор ничего поперёк не говорила, не

указывала на твои пороки, не стыдила. Достаточно страдать без вины.

Шербет: Убирайся из дома, а то...

Хадиджа (сыну): Шербет, мало болтай.

Шербет: Что? Безбожная, ты породила меня или её?

Сермест: Подлый, разве можно обзывать мать? (*Обращаясь к свекрови*) Прекрати разговоры, мать, он и тебе не будет сыном.

Шербет (жене): Дождёшься, язык отрежу.

Хадиджа: Зачем заставляешь вызывать в дом полицию?

Шербет: Что? Полицию?

Хадиджа: Да, ты не стал мне сыном.

Сермест: Если сын называет мать безбожной, он не имеет права ни называться мужчиной, ни жить среди людей.

Шербет: Насущным хлебом обеспечиваю вас.

Сермест: Как сказал? Подлый, ты не смог оценить мать, которая вынашивала тебя в утробе, кормила, поила, как сможешь оценить нас? Не верю, чтоб в глубине души, хоть малость, не дремали человеческие чувства. Когда эти чувства проснутся, придёшь в себя, постесняешься своих поступков, но будет поздно...

Пауза

Хадиджа (качая головой, обращается к Сермест): Встань, умойся, приди в себя. Говорят: гнев убивает разум.

Сермест, встав, выходит из комнаты.

Шербет: В таком положении говорят: «Из короба не лезет, в коробе не едет и короба не отдает».

Хадиджа: У меня больше нет слов к тебе.

Шербет: Слава Богу! Наконец меня понял.

Хадиджа: Если не можешь сохранить хладнокровную позицию, необходимо отказаться от гнева, недовольства. К

чему каждый день, придираясь к чему-либо, устраивать в семье скандалы, конфликтовать с женой? Должен или убраться к своей любовнице, или, попросив прощения у жены, помириться.

Шербет: Мать, мало учи вежливости и учтивости. Всё сказанное тобою читал, ещё будучи школьником, из книг. Да к тому же я мужчина.

Хадиджа: Не каждый, кто надевает папаху, мужчина, сын. А что касается урока учтивости, не сомневаюсь, что читал из книг, но ничего не воспринял.

Шербет: В семье есть своё место и для жены, и для детей, и даже для тебя, мать, но не дам возможность, чтоб, переходя все грани, растоптали моё достоинство. Это должны понять раз и навсегда.

Раздражённый, он выходит из комнаты.

Хадиджа (вслед Шербету): Не зазнавайся. Брак — единственная зависимость твоей жены от тебя. И без тебя она может вырастить и воспитать детей.

Приходит умывшаяся, немного успокоившаяся Сермест и садится на диван.

Сермест: Больше не могу терпеть.

Хадиджа: Знаю, тебя рассердил Шербет. Мужчины все такие, дочь. Вернётся, когда головой стукнется о камень. Поклонится тебе в ноги, попросит прощения. Правильно отцы говорят: «Вино потемнеет — свою посуду разобьёт». Этот дом и всё, что есть, принадлежит внукам.

Сермест: Есть ты, мать, есть дети, считаю, что мир принадлежит мне. Умоляю, не обижайся на меня. Надоели оскорбления, упрёки Шербета. Не жалею о его уходе.

Пауза

Хадиджа: Возьми себя в руки, дочь, наберись терпения. Посмотрим, что будет дальше.

Хадиджа уходит в другую комнату. Сермест о чём-то размышляет.

Сермест (про себя): Иди, Шербет, иди. Ты для меня больше не существуешь. Я тебя не знала хорошо. Обманулась на сладкие слова. В девичестве наобещал мне многое. Жаль! Очень жаль! Жизнь пошла под откос, сгублена.

ДЕЙСТВИЕ III ЯВЛЕНИЕ VIII

Дом Тукяз. Муж Черкез сидит на стуле, обняв голову руками. Через некоторое время Черкез поднимает голову и ударяет руками о колена, потом, встав, ходит по комнате. В это время открывается дверь, входит Тукяз.

Черкез: Выходит, не суждено мне вовремя видеть тебя дома.

Тукяз: Не морочь мне голову. Что на душе, говори открыто. Может, будешь и следить за мною?

Дверь открывается. Входит Мясма ханум, мать Тукяз. Здравуются. Мясма ханум садится на диван.

Тукяз: Мать, хорошо, что пришла, собиралась уходить.

Мясма: Куда?

Черкез: На собрание.

Мясма: Что за собрание?

Тукяз: Не обращай внимание. Слово сорвалось с языка.

Мясма: Родная моя, слово, конечно, может сорваться с

языка, а ещё откуда может?

Черкез: Это спроси у дочери.

Мясма: Не разговаривайте со мною двусмысленно, я не ребёнок для вас.

Тукяз: Нет покоя, мать. Меня родила несчастной, за это и тебя укоряю и себя.

Черкез: Тут нет никакой вины матери, ты сама себя делаешь несчастной.

Мясма: Опять что случилось, насуплены, мрачные.

Черкез (*старается поменять разговор*): Просто... Семья да... всякое бывает.

Тукяз: Почему прячешь, не говоришь, что есть.

Черкез: А что говорить?

Тукяз: Поздравляю, мать, зять твой начал надоедать пустыми разговорами: почему поздно пришёл, куда пошла, откуда пришла?

Черкез: Кончай разговор. В другое время поговорим. Мать пришла в гости, посмотри, чем можно угостить.

Тукяз: Уже накормил нас.

Мясма: И ела, и пила (*обратясь к дочери*), не беспокойся. Ваши раздоры убили меня. Я же тебе говорила: не будет он хорошим мужем, а сейчас осталась с двумя детьми. Смотришь вниз — борода, смотришь вверх — усы, не знаешь, на что плевать.

Черкез: А что, борода, усы для того, чтобы на них плевать?

Тукяз: Видишь да, сидит дома и пререкается. Не работает, не трудится. По его словам, выходит так, будто я того...

Мясма: Что значит того?..

Тукяз: Об этом спрашивай у зятя своего.

Черкез: Кончай пустые разговоры. С мужем так не разговаривают.

Тукяз: Что? Муж? Посмотри на мужа, Ха... ха... ха...

Живёт на иждивении жены.

Пауза

Мясма: Услышь, тот, кто не содержит жену, детей — не мужчина. Не произноси это слово. От всякого, кто носит брюки, от каждого пройдохи не выйдет мужчина. Вот да (*показывая брюки*) и я надела брюки. Так что придержи язык...

Черкез: Что за разговоры, тётя Мясма?

Мясма: Что? Тётя? Во-первых, тётя твоя мать, сестра, твои любимые. Во-вторых, я хорошо знаю, что говорю. Тебе отдала такую девушку, как вата, кругленькая, привлекательная. Вместо того чтобы молиться Богу, ухаживать за нею, кусаешь ей руки, ноги.

Это Тукяз тебя терпит, клянусь, я бы в течение двух дней тебя отравила бы.

Тукяз (*улыбаясь*): Не встретил такого человека. Ничего, когда-нибудь и моё терпение кончится. И мне скажут: дочь Гочали.

Мясма: Там, где я, кто такие Гочали, Мочали.

Тукяз: Думаешь, люди из мешка вышли. Несчастный, иди сначала найди себе работу, потом разговаривай.

Черкез: У меня больше нет слов. Раз без работы, должен убить себя?

Тукяз: Без работы, так сиди и молчи в тряпочку, не докучай. Если так пойдёт...

Мясма: Беспольный сын никуда не годится, тем более безработный зять.

Черкез (*обратившись к свекрови*): Девушке такие советы не дают, ханум.

Тукяз: Убирайся! Необузданный!

Мясма: Бешеный!

Тукяз: Сидишь без дела дома, руки не отсохнут, если вымоешь унитаз, протерёшь полы, постираешь бельё, что в ванне, и повесишь.

Черкез: Я?

Мясма: Нет, я. Мужчина должен быть помощником жены. Не будем же звать соседей вместо тебя. Каналья, как ты можешь позволить, чтоб твою работу выполнял другой.

Черкез: У меня больше нет слов.

Тукяз: Бедняга, ты с ума сошёл. Постель твою выкинули на улицу.

Мясма: Залез под крыло жены, зависишь от неё.

Черкез (*обратившись к свекрови*): Не вмешивайся в дела нашей семьи. Сами будем знать, что делать, о чём разговаривать.

Мясма: Собака сорок дней находится в бешенстве (*Обратившись к дочери*). Всегда говорила и сейчас говорю: пройдоха не будет тебе мужем.

Черкез: Если так пойдёт, мою законную семью ты разрушишь.

Мясма: Мне не качай законы, рогоносец (*Обратившись к дочери*). У мужчин так принято: болтают, болтают, а потом сядут на место. Не беспокойся. Будет рыпаться — погрузи в горе судьбы.

Тукяз: Что такое горе судьбы?

Мясма: Сдай полиции.

Черкез: Да... Спасибо, свекровь.

Мясма: Видишь, не образумился — позвони в сумасшедший дом, пусть забирают. Сделают один укол — превратится в пятидесятилетнего сумасшедшего.

Черкез: У такой матери, как ты, будет и такая дочь. Часто звонят, спрашивают её.

Мясма: Каналья, человеку позвонят да.

Тукяз: Кто звонил?

Черкез: Шербет муаллим.

Тукяз: Может, меня ревнуешь к нему? Стыдно. Постесняйся. Он большой учёный.

Мясма (*чтоб раздражить, громко*): Он тебе не пара.

Черкез: Откуда ты узнала, ханум?

Тукяз: Шербет очень помог мне в выборе темы диссертации, в составлении плана, подготовке работы и сдаче миксимумов.

Черкез: Верю, даже твою диссертацию он написал. Предполагаю, вместо тебя поднимется на кафедру. Если так пойдёт, сделает тебя знаменитым человеком.

Пауза

Мясма: Дай Бог ему долгих лет жизни, здоровья. Не все мужчины такие верные. Многих испытала, и все оказались тухлыми.

Тукяз: Шербет многим создал условия. Открывает глаза таким людям, как я, многим объясняет жизнь.

Черкез: Говорю же.

Мясма: Мужчина должен быть таким, не то...

Тукяз: Всю жизнь мечтала о таком муже.

Черкез (*раздражённо*): И сейчас не поздно.

Мясма: Образуься, мало болтай, иди лучше зарабатывать.

Черкез: Меня мало оскорбляйте, надоело до смерти.

Мясма: Пахо... Хох! Испугались.

Тукяз: Что сделаешь? Превратились в нищих.

Мясма: Папаху надел да...

Черкез (*ударив по столу, кричит*): Не сводите с ума!

Мясма: Много не болтай, мартышка. Что говорит жена, то и делай. Клянусь твоей жизнью, привяжу тебя к кровати, лишу света божьего.

Черкез: Спасибо тебе, свекровь.

Тукяз: Не можешь найти работу в городе, как другие, уезжай в Россию. Зарабатывай и посылай деньги детям. В таком случае и сам будешь жить в довольстве и мы.

Черкез: Вот этого не увидишь.

Мясма: Тогда забирай брюки и уходи.

Тукяз: Надоел и мне, и детям, и свекрови.

Черкез: Не выводите меня из терпения. Злые люди доброго человека в чужие клетки поймали.

Тукяз (хохоча): Посмотри на терпение... На благородного, достойного. Не смейся. (*Обращаясь к матери*) Мать, не стоит с ним разговаривать. У меня в городе есть дела. Опаздываю.

Мясма: Я тоже ухожу. Ничего хорошего в твоём муже не вижу. Он бездарен.

Черкез: Идите, идите. Бог вначале отнимает разум, потом душу. Я, несчастный, попался в ваши сети.

Тукяз: Я заберу детей из детского сада, а вечером буду у матери. Хочешь, иди к своей сладкой матери. Посмотрим, какой урок тебе преподадут.

Тукяз с Мясмой выходят. Черкез в нервном состоянии ходит по комнате.

Черкез (про себя): О, что за беда! О Боже, что мне делать? Тукяз перешла границы. Сколько времени вертит мною, как хочет. Между нами образовалась пропасть. Развестись? А как дети? А их воспитание? Повзрослев, они не скажут: мать, отец, почему вы так поступили? Откуда эта глупость, недоразумение? Ах... Шербет, подлец, ты разрушаешь и свою, и мою семью.

В тот день женщина по телефону сообщила мне: жена с Шербетом играет в кошки-мышки. Стали Лейли и Меджунуном. Жаль детей.

Черкез, взяв костюм, выходит из комнаты. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ IX

Черкез сидит на стуле и просматривает газеты. Тукяз перед зеркалом приводит себя в порядок. Черкез встаёт и хладнокровно начинает разговор.

Черкез: Звонила жена Шербета, тебя спрашивала.

Тукяз: Что говорила?

Черкез: Сказала, что я сводник.

Тукяз (*громко хохоча*): Откуда она узнала, что ты сводник. Звонит мне, а тебя обзывает сводником, это похоже на шахматную игру. Хорошо, а что ещё сказала?

Черкез: Сказала, жена твоя уводит моего мужа, приberi к рукам шлюху.

Тукяз: Сказала, что я шлюха, а ты промолчал. Сводничающему так и скажут, что он сводник.

Черкез: Да так хладнокровно сказала.

Тукяз: Надо было сказать: правильно поступила. Хвала тому, кто может.

Черкез: Да... Опять позвонит, как нужно, сама скажешь.

Тукяз: Хорошо, я сама отвечу. Кто не может удерживать мужа, пусть и замуж не выходит. Жена, собачья дочь, должна обладать умением, держать мужа, кобеля, в руках. На её язык посмотри, ничего я покажу, кто я такая.

Черкез: Твоё самоуправство разрушит нашу семью.

Тукяз: Какое самоуправство? Может, и впрямь поверил её словам? За это время ты меня ещё не узнал? Не знаешь, что я, как мужчина. От зависти, что хочешь, могут сказать. Если прислушиваться ко всяким сплетням, тогда не жить нам вместе. Если поверить таким людям, выходит, нет порядочных, чистых людей.

Черкез: Нет дыма без огня.

Тукяз: И ты хочешь сказать, что я беспутная. Бесчест-

ный, как пришло тебе в голову такая мысль!

Черкез: Ничего, поживём — увидим.

Тукяз: Что? Может, пойдёшь спросишь: эй, люди, моя жена гуляющая?

В это время раздаётся телефонный звонок. Черкез берёт трубку. Некоторое время слушает. Сердито кладёт трубку на место.

Тукяз: Кто звонил?

Черкез: Кто может быть? Жена Шербета.

Тукяз: Что ещё болтает?

Черкез: Говорит, почему потаскуху не прибираешь к рукам? Одного мужика мало, зачем ей мой муж, приду схвачу за волосы и растопчу...

Тукяз (робко): Что говорит она? Нет, нет, Черкез. У меня муж, дети. Что хочет сказать, пусть говорит по телефону (*некоторое время молчит, потом бормочет про себя*). Пепел на голову такой жене. Хох! Испугала.

Черкез: Только этого не хватало. Позор, срам.

Тукяз: Взрослый мужчина. Чужие жёны вытворяют тысячу дел, никто им ничего не говорит. Испугался пустых угроз. Будь мужчиной...

Черкез: Что делаешь, сама не знаешь.

Тукяз: Пусть приходит, изрублю на куски. (*Сделав паузу*) Допустим, и было, совершила ошибку. Нет безгрешных людей, и пророки совершали ошибку.

Черкез: Это не ошибка, а предательство: разрушая семью, обрекаешь детей на сиротство.

Тукяз: Это тебе так кажется, мы, люди — странные создания.

Черкез: Что значит странные создания?

Тукяз: Из мухи делаем слона, и никто не говорит: это не геройство. Герой — тот, кто из слона делает муху.

Ведь верно гласит пословица: «Если одна рука — огонь, другая должна быть водою».

Черкез: Ты меня сделала сводником.

Тукяз: Почему я, может, Бог сделал?

Черкез: У Бога нет других дел?

Пауза

Тукяз: Да... Так скажи... у чернушки есть причина: червь изнутри вышел наружу. Молчу — думаешь, неосведомлена, чужих подстрекаешь, чтоб мне звонили. Порочишь моё чистое имя. А ещё мужчиной называешь себя. Потерять бы мне такого мужа, как ты, и не найти.

Черкез: Проклятие предкам того, кто говорит неправду. Таким умом, сколько ни ищи счастье, найдёшь несчастье.

Тукяз: Не заботься обо мне.

Черкез: Мне жалко виновато улыбающегося сына и дочь-брюнетку. Сокрушаюсь, когда думаю о горькой их судьбе. Эгоистичная, кокетливая женщина! ... Ты сгоришь и растаешь в огне иллюзий, а я от стыда и позора не нахожу себе места.

Тукяз: Сладкая твоя мать и назойливые сёстры сплетнями испортили отношение между нами.

Черкез: Ты эгоистичная, порочная женщина. Интриганка, клеветница, готова оклеветать и ангелов. Женщина, страсти которой одержали вверх над разумом, естественно бросается в объятия другого мужчины.

Тукяз: Хорошо делаю. Дурной мужчина, если ты, как муж, не можешь оценить мои чувства, удовлетворить страсти, что я должна делать?

Черкез: И поэтому превратилась в покорную и верную любовницу Шекера. Не боишься даже укоризненных взглядов знакомых.

Тукяз (громко): Несчастный, запомни, если женщина не боится мужа, не робеет перед тем, что дети останутся

сиротами, бредни, что ты рассказываешь, сквернословие не имеют значения.

Черкез: А честь?

Тукяз: Это дрянные выдумки мужчин, чтоб держать в повиновении женщин. Ты во всём виноват. А мог бы завоевать моё сердце, но так не получилось: свою работу поставил выше меня, этим потерял уважение. И теперь я не боюсь ни твоего гнева, ни твоей ненависти.

Забота, услуги твои кажутся смешными. Мне нужна любовь, ублажающая мои чувства. Хочешь правду знать: удары, которые ты получаешь, являются результатом твоей хладнокровности, равнодушия.

Черкез: Зачем жаловаться, роптать? Брак с коварной, лукавой женщиной, не почитающей родных, не сулит счастье мужчине. Бесплезно ждать от такой женщины, как ты, верности. Знаю, готова растерзать меня за эти слова.

Тукяз: Не в такой степени, Черкез. Вправду, в моих глазах ты кажешься слабым, жалким. Хотела бы, на пороге расставания показал решительность и мужество, как подбаивает мужчине, не жаловался на судьбу, как человек, теряющий счастье.

Черкез: Нет, ты ошибаешься, Тукяз. Я никогда не считал себя счастливым, что создал семью. Просто хотел привыкнуть к тебе. А каков результат? Из-за ослеплённых глаз, угасших чувств, ограниченности мировоззрения превратился в несчастнейшего из несчастных.

Пауза

Тукяз: Что хочешь этим сказать?

Черкез: Доверие к тебе, моё молчание, видя твои безнравственные поступки, нехватка смелости сказать тебе слово лишили меня решимости, мужества. Не только в твоих, но в глазах друзей, знакомых превратили меня в беззащитное, бесстыдное, не имеющее самолюбия, инертное, жалкое создание. Теперь я хозяин развратницы.

Не муж! За это проклял бы судьбу. Сам с собой вражду за то, что не смог разорвать цепи, связывающие нас, жил ожиданиями чистых чувств. Вот в этом моя беда.

Тукяз: Годами накопившийся осадок хочешь растворить в один миг. Нет! Не утруждай себя понапрасну. Создав с тобой семью, и я не обрела счастье, наоборот, жаловалась на горькую судьбу. Задыхалась в объятиях утомительных, надоедливых, болезненных ощущений. От гнева, ярости, не сумев взять себя в руки, порой плакала. Отдаляясь от тебя, приближалась к Шербету. Признаюсь, нравственную пустоту каждый день заполнял Шербет.

Черкез: Ясно.

Тукяз: Что?

Черкез: В твоих объятиях сдеру кожу с этого подлеца.

Тукяз: Не посмеешь. Если б в тебе была хоть капля мужества, или меня потопил бы в крови, или себя убил бы.

Не забывай, его мог заменить кто-нибудь другой. Всё, что ты сейчас говоришь, вызывает во мне горькую усмешку, потому что всё сказанное исходит от опустошения души, бессилия.

Если хочешь знать правду, я не вижу никакой разницы между покорным, бессильным перед женой мужем и домашней собакой. Оба — пылающие угли.

Разгневанный Черкез, утратив самообладание бросается на Тукяз, подняв руку, хочет ударить её. Тукяз отодвигается назад. Черкез сдерживает себя, не ударяет её.

Черкез: Замолчи! Не выводи меня из терпения. Сплю дом.

Тукяз (смеясь с издёвкой): Ты это не сможешь, жалкий, духу не хватит, хорошо знаю твою решимость.

Черкез: Будь проклята!

Тукяз: Рогоносец, сводник, меня бьёшь, обзываешь. Хочешь убить меня, наркоман? Сто раз говорила тебе: не приходи домой, выкурив змеиный яд.

Пауза

Черкез: Что она говорит? Я наркоман? Только осталось оклеветать меня.

Тукяз: Убирайся из дома, чтоб духу твоего здесь не было. И одного дня не проживу с тобой. Если не уйдёшь...

Черкез: Меня с позором выгоняешь, чтоб привести рогоносца в дом. Я отомщу и тебе и ему.

Тукяз: Убирайся! Убирайся, говорю тебе.

Увидев напряжённость ситуации опечаленный Черкез, взяв костюм, выходит из дома. Тукяз остаётся в доме одна. Подходит к телефону, набирает номер.

Тукяз: Алло... Алло... Это я... Здравствуй, Шербет. Ситуация сложилась так, как мы рассчитывали. Только сейчас. А что знал? Душа моя! Мой родной! Ошибаешься... Да что это, твоя сиротинушка звонила, оскорбляла меня. Хорошо, хорошо, не петушишься. Целую (*хохоча*). Пока.

Тукяз кладёт трубку на место. Взяв сумку, выходит из комнаты.

ЯВЛЕНИЕ X

Дом Тукяз. Шербет, положив ногу на ногу, сидит на диване. Тукяз приносит чай и сама садится на стул.

Тукяз: Пей чай, скоро и еда будет готова.

Шербет: Ещё не голоден, попозже.

Тукяз: Очень жестокий человек.

Шербет: Кто?

Тукяз: О Шалале говорю да. Учёный, профессор, но бестия, не имеет ни жалости, ни доброты.

Шербет: Мужа нет, детей нет. Что взбредёт на ум, то и делает. Между нами, мужчины милосерднее женщин.

Тукяз: Эх... в тот день мне читала лекцию о семье, детях. Постеснялась сказать, что ты понимаешь в любви. Была бы хорошей женщиной — взяли б замуж.

Шербет: Сама, как мужчина, такую женщину мужчина не потерпит. Жестокая, не отступится от своего слова, даже если и отец придёт.

Тукяз: И я попала под сердитую руку безбожной. Если мне не найдём работу — пропали.

Шербет: Не расстраивайся, в соседнем учреждении найдём тебе и получше работу.

Тукяз: Что за закон, я не знаю, обманывает людей: исследовательская работа слаба, нет обоснований, не работаете; не читаете, то ..., то... Всего этого мало, вмешивается в чужую жизнь. Посмотри, что говорит: «Предательство!». «Преступление!». «Общественное мнение!»... и тому подобное.

Шербет: Не волнуйся, не произошло убийство. Пусть пройдёт время. Вопрос о твоей диссертации тоже улажу, лишь бы были живы и здоровы.

Тукяз: Спасибо, Шербет, потому тебя и люблю.

Шербет: В жизни никогда не был так счастлив, как с тобой.

Тукяз: Я такая да. Шалала не оценила меня.

Шербет: Откуда она знает такие вещи; не отведала гусиные лапки...

Тукяз (*громко смеясь; разнеживается*): Да, о чём думаешь? Выходит так, что я гусыня.

Шербет: Ты моя и гусыня, и утка, и, вдобавок, косуля.

Далее перечислять?

Туяз: Не всё перечислил.

Шербет: Чего не сказал?

Туяз: Курочка, козочка.

Шербет (*громко смеясь*): Хорошо, а кто я для тебя?

Туяз: Не знаю. Как себе представляешь?

Шербет: Нет, ты сама скажи.

Туяз: Ты моя жизнь, моя душа.

Шербет: Да... да... потом.

Туяз: Бычок, барашек.

Шербет (*хохоча*): Остановись, остановись.

Шербет встаёт, обняв Туяз, целует её. В комнату входит Черкез. Увидев, как целуются Шербет и Туяз, останавливается... Не сумев сдержать свой гнев, кричит.

Черкез: Подлецы, бесчестные!

Шербет и Туяз, содрогнувшись от неожиданности, расходятся в волнении.

Черкез: Гражданин Шербет!

Шербет: Да!...да...да.

Черкез: Не приличествует культурному человеку, тем более такому учёному, как вы.

Шербет: Правильно... правильно...

Черкез: Было бы хорошо, если каждый, потрудившись, занимался б своей женой. Средь бела дня быть с чужой женой – бесчестно.

Шербет (*дрожащим голосом*): Хорошо, Черкез муаллим. Да, ей Богу, нет у меня плохих намерений.

Черкез: И это понимаю. Раз обращаешься ко мне со словом «муаллим», почему не понимаешь, есть родствен-

ники, соседи, увидят, нехорошо. У меня есть дети.

Приведя себя в порядок, приходит Тукяз.

Тукяз: Что говоришь а, беспечный. Убирайся, не мешай.

Черкез: Вы оба ответите перед законом.

Шербет (*испугавшись*): Извините, больше... больше...

Тукяз: Кажется, в штаны наложил от угроз каналы. Сейчас же выкинь его на улицу! Не то и тебя...

Шербет (*испугавшись, робко*): Не торопись, Тукяз. Ведь мы...

Черкез: Без закона чужую жену...

Шербет: Я... я...

Тукяз (*Шербету*): Чего блеешь? Может, и ты ему пара.

Шербет (*осмелившись*): Да... да...

Черкез: А закон?

Тукяз: Дурак, законы пишем мы, и мы же стираем.

Шербет: Тукяз правду говорит.

Тукяз (*Черкезу*): Убирайся отсюда. Если ещё раз произнесёшь моё имя, считай себя убитым (*потом обернувшись к Шербету, ударяет ногой о пол*). Говорю, выбрось его на улицу.

Шербет, взяв за руку Черкеза, хочет вывести из комнаты. Черкез, взяв со стола нож, набрасывается на Шербета. Тукяз, взяв утюг, ударяет сзади по голове Черкеза. Черкез, потеряв сознание, падает. Тукяз наносит второй, третий удар. От нанесённых ударов Черкез умирает. Шербет оказывается в безвыходном положении.

Шербет (*в страхе, волнуясь*): Что ты сделала? Он же умер. Почему убила его?

Тукяз тоже в большом волнении. Бросает утюг в сторону, бежит к окну, двери. Потом проверяет, действительно ли умер Черкез. На его тело стелет халат

Тукяз (*боясь и волнуясь*): Да... Умер... Теперь что делать?

Шербет: Меня бросила в огонь. Камень упал на мою голову. Дети остались сиротами.

Тукяз: Взрослый мужчина. От страха еле живой. Что тут такого? Спрячем концы в воду и всё.

Шербет: Как можно спрятать концы в воду?

Тукяз: Будь проклят давший тебе диплом. Пойми: Черкеза убили мы вдвоём...

Шербет: Но я...

Тукяз: Кончили! А то скажу, что Черкеза убил ты.

Шербет: Как? Как?

Тукяз: Да! Да! Пришёл как гость. Воспользовавшись тем, что мужа не было дома, хотел меня изнасиловать. Случайно муж, придя, увидел, как обхватив меня, бросил на диван. Он бросился на тебя, а ты, взяв утюг, бросил на него, ну и он умер. Как для тебя, Шербет муаллим?

Шербет: Тукяз!

Тукяз: Что Тукяз? Умер да. Свершилось дело.

Шербет: А что делать?

Тукяз: Подождём, когда стемнеет, труп положим в мешок, взвали на спину, брось в море.

Шербет: Но...

Тукяз: Что но? Разве не мужчина?

Шербет: Мужчина я, но никогда не совершал такого...

Тукяз: Это должен был знать, когда к чужой жене бегал, Шербет муаллим!

Шербет (*растерявшись*): В тот день камень упал бы...

Тукяз: Не болтай попусту, таких дел будет много у нас.

Шербет: Что?

Тукяз: Не удивляйся.

Шербет: Но что делать с этим мусором?

Тукяз: Как сказала; никто не узнает, и рыбы — гоп! — проглотят его — ни приметы, ни следа.

Шербет: Боюсь...

Тукяз: Кого?

Шербет: Полиции. Вдруг спросят, что это.

Пауза

Тукяз: Скажешь, мусор (*в сторону*). Проклятие отцу того, кто называет тебя учёным. А думала: толковый мужчина.

Шербет: Можно?

Тукяз: Конечно, можно.

Шербет: Дорогая, боюсь Бога.

Тукяз: Не болтай попусту. Знаю такие тайны Бога, если раскрою, кровь прольётся. Иди делай то, что тебе говорю. Черкеза нет и не будет. Ты заменишь его, говорю заранее. Если не хватит ума, и моим умом воспользуйся.

Шербет: Да...

Тукяз: А что?

Шербет (*сам с собой разговаривает*): Камень упал бы на мою голову в тот день, когда я встретил тебя.

Звонит неумолчно звонок. Тукяз и Шербет удивлённо смотрят друг на друга. Не имея иной возможности, Тукяз вынуждена открыть дверь. Входят двое полицейских.

Первый полицейский: Кто дома? Подняв шум, зачем беспокоите соседей? И они, позвонив, сообщили нам, приходите скорее, убивают друг друга.

Тукяз: Ничего... Никто... Сами...

Второй полицейский (*обратившись к Шербету*): Кто

это?

Шербет: Чер... Чер... Чер-кез.

Первый полицейский: Умер?

Шербет: Да... да... да...

Второй полицейский: Вы убили?

Тукяз (заикаясь): Зна... зна... ете...

Второй полицейский: Вот почему такой шум-крик.
(*Обратившись к Шербету*). Кто убитый?

Шербет: Муж Тукяз.

Первый полицейский: А ты любовник Тукяз?

Шербет: Да... Нет... Да... Нет.

Тукяз: Мой... мой второй муж.

Первый полицейский: Да... Вы арестованы.

Второй полицейский надевает наручники на руки Шербета и Тукяз. Первый полицейский передаёт по радиации сообщение в отделение полиции. На место происшествия приходят следователи, врачи. Полицейские уводят Шербета и Тукяз.

ЯВЛЕНИЕ XI

Зал суда. За решёткой стоят слева Тукяз, справа Шербет. Мясма, Хадиджа, Шалала, Сермест находятся в зале. Им предоставляется последнее слово.

Мясма (проливая слёзы): Я мать девушки. Вместо того чтобы своротить тебя с грязной дороги, воспаляла твои чувства, не думая о последствиях и всё время повторяя: «Какой из Черкеза тебе муж», настроила против него. В результате ты стала распущенной и превратилась в жестокую, свирепую женщину. Под влиянием гнусных, гадких чувств ты убила невинного мужа, растоптала детей под погаными ногами и сама стала жертвой вожделения. Зная,

не отговорила тебя свернуть с непристойной дороги, а сейчас обречена остаться с твоими детьми.

Думаю, что делать, кому рассказать о горе, у кого просить помощи. Хоть и поздно, ошибки свои поняла. Как мать в душе терзаюсь, страдания раздирают на мелкие части. Знаю: своими действиями совершила преступление по отношению к Богу, человечеству, и к тебе, и к себе. Совершившего преступление ждёт одно наказание — терпеть муки ада и быть уничтоженным!

Матери, услышьте: мать — виновница безнравственности дочери.

Хадиджа: Подлый сын, ты никогда не слышал, не понимал меня. В итоге причинил мне тяжкое, неизгладимое горе, в этом возрасте вдоль и поперёк нанёс глубокую обиду. Разрушил чистую семью, детей лишил радости, оставив их с поникшей головой. Всю жизнь будешь страдать. Дети, услышав твоё имя, будут стыдиться. В этом твоя забота, твой долг перед ними? Верная собака, кот, привязанный к дому, лучше безнравственного, бесславного отца, мужа-рогоносца.

Я — мать, выдержу и плохое, и хорошее. В этом возрасте и я осталась без сына. Не суждено мне отправиться в вечный мир на плечах сына. Мы больше не встретимся, не ощутим дыхание друг друга. Не услышишь назидания и наставления с уст моих.

Даже если дети и примут тебя, всю жизнь будешь иметь короткий язык. Не хотела бы, чтоб сын был подвергнут такому горю. Всегда повторял: «Я учёный», — и гордился учёностью. И ни разу язык не повернулся сказать: «Я человек». Здесь есть и моя вина, Шербет. Жаль, тысячу раз жаль, хотя и была матерью учёного, не смогла стать матерью человека. Моя жизнь уже на закате. Знаю одно: цена — копейка учёному, потерявшему чувство милосердия, даже если сделал большие открытия. Верблюд, кото-

рый носит соль из Нахчывана в Баку, лучше учёного, открывшего разрушительный для мира атом. Оба сходны в том, что носят тяжести. Таково будущее безнравственного учёного.

Сермест: Я всей душой поверила и привязалась к тебе. А что ты сделал? Растоптал чувства, потерял доверие, обидел детей. В этот переходный, кризисный период я смогу их вырастить, дать образование, но не смогу передать им отцовскую любовь, отцовское дыхание.

Жаль, очень жаль! Твоё узкое сознание лишило детей отцовского благодеяния, отцовской заботы. Меня это печалит. Может, вы сами скажете: в чём вина детей, что обречены на сиротство, почему не побоялись Бога, не проснулись в вас совесть.

Кто посягает на честь других, того ждёт такое будущее. Отцы правильно сказали, Шербет: «Сначала Бог отнимает у человека разум, потом душу», «Что посеешь, то и пожнёшь». Прощай, моя слепая любовь!

Шалаля (качая головой): Главная наша цель — породить на свет ребёнка, воспитать его, вырастить достойным гражданином, но, жаль, очень часто превращаемся в рабов своих низменных чувств. Некоторые из нас бросаются в объятия ложных авторитетов. В итоге вынуждены сами себя судить. Это трагедия человечества.

Только ли матери виноваты в воспитании детей? А отцы? А далёкие от нравственности и морали подлецы и дьяволы, считающие себя способным проглотить роскошь неба и земли. А большое общество?

Печалюсь, когда вижу несчастных детей, брошенных в омут жизни руками невежественных родителей, когда думаю об их горькой судьбе, когда представляю, что их детские желания и мечты не сбылись, что их ожидает встреча с болезнью, опасностью смерти...

Не знаю, откуда у людей ханжество, откуда невежест-

во, как рождается безобразие, переходящее моральные и нравственные границы.

Вспомните прошлое, посмотрите на сегодняшний день, загляните в завтрашний день. Тогда поймёте, что делаете, откуда и куда идёте, в противном случае будет горькой и ваша будущая судьба и судьба ваших детей.

Все медленно покидают сцену. Гаснет свет.

2001 год

Мать солдата

(пьеса, в одиннадцати явлениях)

Действующие лица:

Мелек — мать шехида, погибшего в бою солдата, 60 лет.

Шубай — старший сын Мелек, муж Наргиз, 30 лет.

Наргиз — жена Шубая.

Ширзад — младший сын Мелек, 20 лет.

Шекар — средний сын Мелек, 26 лет.

Ялгыз — любовница Шекара, 25 – 26 лет

Сугра — мать Ялгыз.

Керим — сосед, 40-45 лет.

Прокурор.

Председатель суда.

Сулейманлы.

Первый военный.

Второй военный.

Солдат.

ЯВЛЕНИЕ I

Воинская часть. Мелек, Керим, Ширзад сидят в воинской части, ждут прихода командира. Мелек обеспокоена. Ширзад с Керимом стараются отвлечь её. Вокруг расхаживают военные.

Керим: Как подумаешь, тётя Мелек, голову чуть не теряешь.

Мелек: Почему, сынок?

Керим: На народ ни с того ни с сего обрушилось несчастье. Люди не знают, зарабатывать себе кусок хлеба или биться с армянскими бандитами. Разве на чужую землю можно зариться? Почему не осознают: чужая земля хлеб растит, нельзя её, съев, переварить.

Мелек: Эх, сынок, если бы сознавали это, пошли бы на такие преступления? Удел идущих на провокацию, пляшущих под чужую дудку — кровь, нечистоты. Жаль прекрасных наших сыновей. Ушли из жизни, не насладившись жизнью, подверглись суховету. Чёрная земля, как чудовище, раскрыв пасть, поглотила их, жаль молодых.

Ширзад: Война должна идти на государственном уровне, должна быть создана дисциплинированная армия. Фронт должен иметь богатый арсенал. А то неопытные люди вышли вперёд, и у каждого своё желание, своё намерение. Результат налицо: гибнут невинные люди, а земли теряем по частям.

Мелек: Когда об этом я думаю, сердце болит... Что, командир не пришёл? Если так пойдёт, весь день проведём здесь.

Керим: Не торопись, видно поглощены работой. На фронте всегда трудная работа (*Мелек останавливает проходившего мимо военного*).

Мелек: Сынок, ты здесь служишь?

Военный: Да, мать.

Мелек: Может, знаешь Шубая? Год, как ушёл на фронт.

Военный: Я здесь недавно, поэтому многих солдат не знаю, мать.

Мелек: Да... Хорошо, не задерживайся. Да бережёт вас Аллах.

Военный: Спасибо, мать.

*Военный уходит. Ширзад сидит, обняв голову
руками.*

Керим: О чём думаешь, Ширзад? Как прекрасна здесь природа! Мы не ценим, брат, свой Азербайджан.

Мелек: У всех взоры устремлены на Азербайджан. А мы...

Керим: Вот это для нас самая большая трагедия.

Ширзад: Ни в одной стране, как в нашей, не может быть столько наземных и подземных полезных ископаемых и ресурсов. А что мы делаем? Как только создаётся возможность — разоряем. Будет конец этому или нет?

Мелек: Странные, все мы думаем только о себе. Армяне же захватывают наши земли.

Ширзад: Мать, пойдём посиди в машине. Постарайся закрыть глаза, уснуть, устала. Видно, командир опаздывает.

Мелек: Разве смогу спать?.. Душа осталась при детях.

Ширзад: Не волнуйся... Наргиз не ребёнок ведь. Сама всё наставит на путь.

Пауза

Мелек: Наргиз — понимающее дитя. Сколько лет вместе живём, не обиделась на неё. Ширзад, сынок, Наргиз люблю не меньше вас.

Керим: Вчера мать тоже говорила: «У Мелек сноха из благородных. Пусть будет счастлива».

Мелек: Мать твоя верно говорит. Есть невестка — дом построит, есть невестка — дом разрушит, семью разрушит. Со снохой мне повезло.

Ширзад: Не верю, чтоб сыскалась лучше нашей невестки-сестры.

Мелек: Есть, сынок, есть, не будь недоверчивым, ненадёжным по отношению к людям. Ноги ноют, не могу терпеть, пойду посижу немного в машине.

Мелек, волоча ноги, уходит. Ширзад, крадучись, смотрит ей вслед

Внутренний голос Ширзада: Бедная мать! Даже, закрыв глаза, не можешь спать. Знаю, в каком состоянии ты окажешься, встретившись с командиром. Устоишь ли, услышав весть о смерти или пропаже Шубая без вестии. Даже мужчины не могут быть спокойны, выдержаны, как ты. Сила твоя, мощь меня удивляет. Ты на всё способна, мать. Если скажут: нет Шубая, эту мощь сможешь сохранить в себе, мать.

*Мелек в тревожном состоянии возвращается.
Смотрит по сторонам.*

Ширзад: Зачем пришла, мать, отдохнула бы. Когда командир придёт, сам позову.

Мелек: Обеспокоена, сынок, опоздание командира...

Керим: Тётя Мелек, командир не осведомлён о нашем приходе. Пока вынуждены ждать (*намеренно меняет тему разговора*). А завтра сосед справляет свадьбу сына.

Мелек: Да, слышала, осведомлена. Пусть будут счастливы.

Ширзад: Странно: на одной стороне война, на другой — свадьба, веселье.

Мелек: Свадьба и поминки — пара, близнецы. И то должно быть и другое, нельзя умирать с умершим.

Керим: На фронте идёт война, проливается кровь. Земля уходит из-под рук, родина раздробляется. В городе этого не видать. Люди ведут бойкую торговлю. Молодёжь в барах, ресторанах до утра устраивает свистопляску, веселится. Любимые сыновья в казино играют в карты, развлекаются с женщинами лёгкого поведения. Разве такие не стесняются духа шехидов?

Пауза

Мелек (*вспомнив свадьбу Шубая*): Как будто свадьба Шубая была вчера. Тогда сколько радовалась, сколько гордилась! Считала себя самой счастливой на свете. Думала, что солнце, посылающее лучи на меня, никогда не погаснет... Ошибалась... Сейчас чёрные дни твои наступили, Мелек, терпи, посмотрю, как вытерпишь. Разыскивай роденького по селениям. Эх, неверный мир. Не различают ни хорошее, ни плохое...

Неожиданно во фронтовой части начинается перестрелка. Вокруг грохот, шум танков, автоматов, пулемётов. Наконец, командир Сулейманлы приходит. Он здоровается с Мелек и с пришедшими вместе с ней.

Сулейманлы: Мелек ханум, сейчас мы вам никаких сведений не можем дать. Солдаты в окопе. С двух сторон есть потери. Много раненых.

Мелек: Может, мы тоже сможем помочь раненым, командир.

Сулейманлы: Нет, прошу вас, нам не мешайте. Шубай тоже участвовал в перестрелке, в данный момент о нём тоже нет у меня сведений. Прошу, не обижайтесь на меня.

Ширзад: Но мы не можем оставить вас в таком положении.

Сулейманлы: Кто шофёр?

Керим: Я, командир.

Сулейманлы: Прошу срочно уведите отсюда Мелек ханум. Могут случиться непредвиденные несчастья.

Керим: Хорошо, командир.

Мелек и пришедшие с ней по настоянию командира оставляют боевую часть.

ЯВЛЕНИЕ II

Дом Мелек. Мелек входит в комнату. Взволнована, стоя смотрит на висевшую на стене фотографию старшего сына Шубая. Потом слышен её внутренний голос.

Внутренний голос Мелек: Что за несчастье, Аллах, на нас обрушилось? В чём наша вина, почему вероломный враг вторгся в наши земли? Было время: ели наш хлеб, пили нашу воду; сейчас, направив на нас автоматы, пулемёты, с танками, артиллерией движутся на нас. Говорят, уходите из построенных собственными руками домов, насиженных гнёзд. Что за несправедливость? Неужели не думают эти взболтанные умы? Ах, ты, сердечный, ах, ты, родненький, разве можно зариться на чужую землю? Разве не скажут: глупцы, образумьтесь, эти земли вам не дадут? Нет... Умрёте — своего не добьётесь. Земля принадлежит не только тем, кто сегодня на ней сидит, её засевают, она принадлежит будущим поколениям. Предавших её не простят не только рабы божьи, но и сам Бог...

Вот уже неделю в пограничной зоне ищу сына Шубая. Не отыскивается. Как будто такого человека и в помине не было... Потеря чада — какое большое горе! Горю, и ночами как будто на постель сыпятся искры (*на глазах Мелек, сверкая, слёзы катятся по лицу. Покачав головой, она ударяет руками о колена*). Сердце готово разорваться; потеряешь одну курицу — не знаешь, что делать. Как Бог дозволил подобному горе парню пропасть без вести, ничто не знать о его судьбе.

Как теперь сказать Наргиз, что не смогла увидеть её мужа, как сказать детям, не слышен голос отца. Как посмотрю в их глаза, устремлённые на меня, что отвечу на их вопросы? Где ты остался, Ширзад?

Ширзад отвечает с веранды.

Ширзад: Иду.

Мелек: Что сказать о Шубае Наргиз, детям?

Ширзад: Как есть, мать, так и сказать.

Мелек: Нет, не имея точных сведений, не можем сказать: «Ворона, у меня есть орех». Не будем печалить детей, к тому же неуместный шум-гам может привести к раскаянию. Может, брат жив-здоров, подумаем немного.

Ширзад: Невестка наша очень чуткая. Она не поверит сказанному.

Мелек: Необходимо, чтоб поверила.

Приходит Наргиз. Обрадовавшись приходу Мелек, спрашивает.

Наргиз: Как хорошо, что пришли, беспокоилась очень.

Мелек: Почему беспокоишься, дочка? В пограничной части идут ожесточённые бои. Много бывает диверсий, поэтому нас не пустили в пограничную зону. Посоветовали дня через два-три с ними связаться.

Пауза

Наргиз: Значит, беспокоилась не зря, боюсь...

Мелек: Не бойся, дочка, Шубай не единственный сражается на войне. Да хранит всех Аллах.

Наргиз: Шубай всё время перед глазами.

Мелек: Дочка, не забывай, что я мать, Шубая я родила, он часть моего тела, в жилах его течёт моя кровь.

Ширзад: Зачем беспокоишься, сестра, если что случится, не дай Бог, и мать и я...

Наргиз: Клянусь Богом, это не зависит от меня.

Мелек (улыбаясь): Что скрывать, Наргиз, я всегда завидовала матерям, имеющим дочь. Дай Бог тебе долгой жизни. Ты для меня была и дочерью и снохой.

Наргиз: Я тоже довольна тобой. Ушли во фронтовую часть, дома одна.

Наргиз уходит в другую комнату.

Ширзад: Как смотреть в глаза детям, не знаю. Такое чувство, будто виноват я.

Мелек: Ты не ребёнок, сынок, имей терпение. Эти два дня возьми себя в руки, потерпи. В назначенное капитаном время пойдём, думаю к тому времени добудут сведения. Об этом, думаю, лучше не вести разговор, невестка усомнится...

(Приходит Наргиз, Мелек меняет направление разговора). Шекар вас не беспокоил?

Пауза

Наргиз: Вечером пришёл выпивши, подрался с дядей Камалом.

Мелек: Почему? Шекар с ума сошёл? Камал не ребёнок ведь, почтенный, ценящий себя человек.

Наргиз: Пустое, мать, дядя Камал не обратил внимания на сказанное Шекаром. Повернувшись, ушёл. Мать, ещё хочу кое-что сказать: кроме выпивки, Шекар курит анашу.

Ширзад: Откуда узнала?

Мелек: Вчера, сидя на лестнице, высыпал на ладони табак из папиросы, растирая, примешивал к нему анашу. Потом, снова табаком наполнив папиросу, стал курить. С такой жадностью затягивался папиросой... Глаза краснели, что говорил, сам не знал. Потом, позвав дядю Кямала, устроил шумиху.

Мелек: Только этого не доставало. Откуда научился?

Ширзад: От бездельников.

Наргиз: Когда вас не бывает дома, мать, я боюсь Шекара. Вдруг навредит детям.

Ширзад: Не бойся.

Мелек: Где Шекар?

Наргиз: Сейчас придёт.

Слышан голос Шекара на веранде.

Шекар: Кто дома? Наверное, все померли.

Наргиз: Пришёл, опять не в себе.

Открывается дверь, в комнату входит Шекар.

Шекар: О-о-о... И мать пришла? (*обнимая, целует мать*). Да буду я жертвой твоей, мать. Если не увижу тебя хоть день, сердце чуть не разрывается (*обращаясь к брату*). Как ты, Ширзад?

Ширзад: Так да...

Мелек: Что это? Опять не в себе?

Шекар взяв стул, садится напротив матери.

Шекар: Да... мать, немножко. Чтоб поднять настроение.

Ширзад: Если не выпьешь, настроение не поднимается?

Шекар: Конечно, не поднимается. Сам знаешь да?

Ширзад: Что?

Шекар: Есть враги, друзья. Пятеро нас любят, а пятнадцать нет. А я пью, курю, чтоб выколоть глаза этим пятнадцати. Пусть враг страшится.

Пауза

Ширзад: Что сказал? Куришь, чтоб врага утратить? Ты о матери...

Шекар (*старается исправить ошибку*): Что? Я сказал курю? Нет... Ты ошибаешься, брат. Я курю только папиросы (*он, вытащив коробку папирос и спички из кармана,*

кладёт на стол, Мелек раздражённо смотрит на него).
Переходите к основной теме. Видели Шубая?

Мелек: Нет, через два дня пойдём на встречу.

Шекар: А почему не встретились?

Ширзад: Они были в бою.

Шекар: Кто сказал?

Мелек: Командиры.

Шекар: Пустое дело.

Ширзад: Как это пустое дело? Зачем нас будут обманывать?

Шекар: Людям так говорят да. Значит, Шубай или умер, или взят в плен.

И Наргиз, и Мелек резко поднимаются.

Ширзад: Что ты такое говоришь?

Шекар: Что я говорю? Ушёл на войну. На войне свадьбы-то не справляют. Война — смерть, пропажа.

Пауза

Мелек: Подлец! Как язык повернулся сказать о брате такое?!

Шекар: Хорошо, я — пас. В этот раз пойдёте, узнаете правду.

Мелек: Твои ровесники на фронте, днём и ночью сражаются, в окопах защищают земли от врагов?

Шекар: Ха-ха-ха... Шекар не дурак, чтобы, взяв оружие, пошёл землю защищать, встать перед пулей, а кутилы здесь будут развлекаться, занимать посты, собирать взятки.

Мелек: Земля — родина, честь.

Шекар: Эти красивые слова для бедных. Не надо болтовни, во фронтовой зоне вы встретили хоть одного сынка обеспеченных родителей?

Ширзад: Больше нет у меня к тебе слов.

Шекар: Какие могут быть слова? Может неправду го-

ворю?

Наргиз, раздражённая, уходит в свою комнату.

Мелек: Родного брата Шубая постыдился бы. Он по своей воле ушёл на войну. Помнишь, что сказал, уходя?

Шекар: Нет.

Мелек: Сказал, пока идёт война за землю нашу, не смогу отсидеться дома.

Пауза

Шекар: Мать, давай признаемся, мой брат, твой сын (*обратившись в сторону Наргиз*) и её муж — фанатик, да, фанатик. Но почему вслед за братом не пошли на фронт сыновья шишек?

Ширзад: Многие сражающиеся на фронте, как Шубай, пошли по своей воле.

Шекар: Дети шишек не идут на фронт. На фронте сражаются бедные. Если родина для всех, почему не освобождают земли? Вдобавок, каждый день по деревне отдают. Если не могут сражаться с врагом, пусть отходят в сторону. Я даю вам слово, как мужчина, двести человек соберу вокруг себя, пойду на фронт. Все земли освобожу за месяц.

Мелек: Выпив и закулив?

Шекар: Если не выпить и закурить, можно под этакой тяжестью устоять?

Ширзад (*улыбаясь*): Жаль, на фронте не разрешают пить и курить.

Шекар: И поэтому полстраны дезертиров. Умные люди никогда не пойдут. Не слышите, каждый день по телевизору что говорят?

Мелек: Что говорят?

Шекар: В армянской армии алкаши, наркоманы. У нас есть хорошая пословица, мать, ты её хорошо знаешь.

Мелек: Какая?

Шекар: Клин клином вышибают.

Мелек: Bravo! Убирайся с моих глаз. И в тот день пожилого Камала оскорбил. Как я посмотрю ему в глаза, не знаю. Не стыдно?

Шекар: Ради Бога, мать, не вмешивайся в мои дела. В тот день с дядей Камалом перебрался, сегодня помирился.

Ширзад: Значит, завтра с дядей Камалом опять повздоришь, на следующий день помиришься?

Шекар: Да.

Ширзад: Пусть Бог бережёт от последующего позора.

Шекар уходит, Мелек и Ширзад остаются в комнате.

Мелек: Ширзад, дитя, твой глупый брат что говорит, сам не знает. Ты сегодня же поговори с соседом Камалом, чтоб снова нас повёз во фронттовую часть. Посмотрим, что сможем узнать о Шубае.

Ширзад: Поговорю.

Пауза

Мелек: Не нахожу себе места, горю. Вырасти такого сына, а потом начинай дымить. Думаешь: жив или нет.

Мать и сын выходят из комнаты. Сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ III

Дом Ялгыз. Слышна музыка. Шекар танцует с Ялгыз. Он, обняв Ялгыз, целует её.

Ялгыз (кокетничая): Что ты делаешь? Не смотри, что

с тобой танцую. Я не из таких. Если услышат отец и братья, знаешь, что сделают?

Шекар: Что сделают?

Ялгыз: Тебя продырявят. Такие несерьёзные вещи они не принимают.

Шекар: Почему?

Ялгыз: Откуда я знаю?

Шекар: Что тут такого, дорогая?

Они подходят к окну. Во дворе появляется сосед Алигасан. Ялгыз быстро отходит назад.

Ялгыз: Сосед Алигасан пришёл. Болтун. Часто ко мне пристаёт.

Шекар: Что говорит?

Ялгыз: Что в голову взбредёт... Ты мне нравишься... Если не вижу тебя, я не в себе.

Шекар: Он не женат?

Ялгыз: Откуда я знаю? Говорит: разведусь с женой. Каждый день...

Шекар: Что каждый день?

Ялгыз: Говорит: ночью, когда все уснут...

Шекар: Что?

Ялгыз: Выходи к изгороди.

Шекар, вытаскивая из кармана раскладной нож.

Шекар: Сейчас распорю его.

Ялгыз: Не надо. Убийца собак ты? Ну и пусть говорит. Да разве я выйду за женатого? Дурная, что ли?

Шекар: Нет, я тоже не верю, но сукин сын мне тоже не нравится. Хочешь, его навсегда уберу?

Ялгыз: Хватит, не окунай меня в кровь. Скажут, Ялгыз подучила. Сам знаешь полицейских...

Шекар: Нет. Что они говорят?

Ялгыз: Айши, ничего, молят Бога, чтоб такое приключилось.

Шекар: Что сделают?

Ялгыз: Ищут предлога, чтоб что-то сделать.

Шекар: Не понял, говори открыто.

Ялгыз: Из нечешущегося места кровь извлекают. Прошлым вечером из полиции один пришёл.

Шекар (*раздражённо*): Кто?

Ялгыз: Майор Мамед.

Шекар: Что хочет от тебя? Клянусь Богом, его разорву?

Ялгыз: Не от меня.

Шекар: От кого?

Ялгыз: От тёти.

Шекар: И тётя...

Ялгыз: Айши, нет. Да опозорит тебя Бог. Тётя услышит — обидится, она не из таких.

Шекар: А из каких?

Ялгыз: Не из каких. Правда, она три раза была замужем. Не смотри, с честью, достоинством сидит дома. Говорит, кого люблю, за того и выйду.

Шекар: Молодая?

Ялгыз: Пятьдесят будет. Не сглазить, выглядит хорошо. Лишь мигнёт, за нею сотни пойдут. Иногда стучатся к ней. Скольких мать выгнала: не понравились тёте.

Шекар: Отлично! Да здравствуют такие честные, достойные люди!

Ялгыз: Мы по роду такие. Не понравившимся не открываем дверь. Есть ожидающие до утра. Думаешь, не бывает. Чем хочешь, поклянусь.

Шекар: Мне такой род и нужен. Ведь есть же пословица: «Каково семя, таково и племя». От неимеющих рода-племени ничего не выйдет.

Ялгыз: Даже если выйдет, не по тебе будет.

Шекар: Я тоже так думаю... Ялгыз!

Ялгыз: Что?

Шекар: Я тебя люблю.

Ялгыз (*громко смеясь*): Что? Ты с ума сошёл?

Шекар: Почему?

Ялгыз: Что значит почему? Не знаешь, я три раза замужем была.

Шекар: Очень хорошо. Дорогая, похожа на тетю да. Что здесь плохого? А я буду четвёртым.

Ялгыз: Не говори попусту. От страха перед матерью твоей, женой брата я боюсь поставить ногу на крыльцо вашего дома.

Шекар: Не поставишь на крыльцо (*указав рукой на грудь*), поставишь на сердце моё.

Пауза

Ялгыз (*приняв строгий вид*): Правду говоришь?

Шекар: А что? Думаешь, обманываю? Я похож на обманщика?

Ялгыз (*нежным голосом*): Нет, но Шекар...

Шекар: Что но?

Ялгыз: Впереди есть проблема с матерью.

Шекар (*удивляясь*): Не понимаю, она тоже ищет?

Ялгыз (*хохоча*): Нет, я говорю о разрешении матери.

Шекар (*выпятив грудь*): Не волнуйся, это дело лёгкое.

Ялгыз: Нет, нет, это трудная задача.

Шекар: Сам поговорю с матерью. Сговорюсь с нею да и с тётей твоей. Сыграю для тебя такую свадьбу: с зурной-балабаном, бубном-барабаном, хончой. Увидишь. Потом будет много детей (*играя руками*), будем забавлять их. Вырастут — они тоже будут похожи на нас.

Ялгыз (*кокетливо*): Не смущай меня, остановись.

Шекар: Чего останавливаться? Все скажут: сын Шекара идёт, дочь Ялгыз уходит. Прекрасно. Смотри, то ли ещё

будет впереди.

Ялгыз: Не торопись, сначала реши основную задачу, потом посмотрим.

Шекар (*протянув руки к ремню брюк*): Да, сейчас, я тоже думал об этом.

Ялгыз (*громко смеясь*): Не так, остановись.

Шекар: Тогда в чём заключается основная задача?

Ялгыз: Я не смогу войти невестой в тот дом, где живут жена твоего брата, её дети, понял?

Шекар: Понял, дорогая. Когда ты придёшь, они уйдут из дома.

Ялгыз: Почему когда я приду? Заранее выставь, руки развяжутся. А потом Бог даст.

Шекар (*раздумывает*): А вдруг тебя не выдадут за меня?

Ялгыз: Это легко. Выдадут.

Шекар: Дорогая, мать твоя — женщина, нет у неё Бога, а вдруг дело не сладится, что я буду делать?

Ялгыз: Не думай об этом, не выдаст — убегу с тобой. Что об этом говорить? Ты займись их вытурением. Время возвращения матери, давай провожу тебя. Иди, об остальном потом поговорим.

Шекар и Ялгыз, смеясь, выходят из дома.

ЯВЛЕНИЕ IV

Дом Мелек. Наргиз гладит бельё. Мелек, обняв голову руками, сидит на диване. Входит Шекар, шатаясь на ногах. Поёт.

Пауза

Мелек: Беспечный сын, откуда знать тебе, что я чувствую.

Ширзад: Шекар!

Шекар: Что говоришь, а?

Ширзад: Хватит...

Шекар (поёт): Любовь твоя дороже жизни. Приходи, жизнь отдам тебе, любимая.

Наргиз: Хватит, брат.

Шекар: Клянусь, Наргиз, нет таких, как ты. Мать думает, что я Шубая мало люблю. Нет... Дал себе слово, пойду, найду его и приведу в дом.

Ширзад: Когда братец выпивает, с небом бьётся.

Шекар: Откуда вы знаете цену выпивки?

Мелек: Ради выпивки готов...

Шекар: Не ел гусяного мяса, не знаешь вкуса.

Ширзад: Эту семью опозорил. Не можем выйти к людям. Твои ровесники... До каких пор мать будет стыдиться за тебя. Заработанные деньги бросаешь на ветер.

Шекар: Посмотри, кто учит меня! Если б лысый знал лекарство, намазал бы на свою голову. Что, ты зарабатываешь, каналья?

Наргиз: Тебе пора стать хозяином дома, но...

Шекар: Что но? Муж, тебя, детей бросив, ушёл. Я должен вас содержать?

Мелек: Замолчи. Наргиз член этой семьи. Ни она, ни дети не нуждаются в тебе.

Шекар: Наргиз хорошо сказала, мать.

Мелек: Что?

Шекар (обратившись в сторону): Не раскрывши рот, говорят: Что? Что? Айши, не сказала время обзавестись семьёй, детьми. И я хочу жениться. Хочу, чтоб были жена, дети. Я, работая, не обязан вас кормить.

Пауза

Ширзад: Значит, братец что-то замышляет.

Мелек: Будь достойным одобрения. Мы о чём, ты о чём? Коза о жизни, а мясник о жире.

Шекар: Что мне? Каждый ответчик за себя. Шубай, написав заявление, не пошёл бы на войну. Погиб или взят в плен, меня не касается. Я не должен жениться?

Ширзад: Не раздражай меня, Шекар.

Шекар: Стой! Стой! Посмотри сюда, эй, цыплёнок, что за приём оказываешь мне? Клянусь, голову оторву, ночью в постели же на куски разрежу. Не кукарекай, как петушок.

Мелек: Что сказал, подлец? Тебя этими руками, отравив, убью. Образумься, гнусный.

Шекар: Хватит, Ширзада ты подучила, а то, кто он такой, чтобы со мной разговаривал.

Наргиз: Ты виноват, Шекар. Нельзя так разговаривать с матерью. Иди шапку положи перед собой, хорошо подумай.

Мелек: Сдурел, не знаешь, что говоришь, что делаешь. Для тебя безразличны мать, брат, друг, враг. Раньше ты не был таким.

Шекар: Меня не учите уму-разуму. Я хочу жениться.

Ширзад: Хочешь, иди женись.

Шекар: Язык отрезать тебе будет моим долгом.

Мелек: Шекар!!! *(потом обратившись к Наргиз):* Иди займись своим делом, не обращай внимания.

Наргиз выходит из комнаты. Ширзад, положив голову на стол, думает.

Внутренний голос Ширзада: Что делать? Разве человек может быть ненавистником своих родных? Как можно назвать действия Шекара? Бедная мать, на сердце груз, подобный горе, и вдобавок сын наносит ей неизлечимые раны. Богу это не понравится. Нет... Братец Шекар, так не пойдёт.

Мелек сидит на диване. Положив голову на заднюю часть дивана, думает.

Внутренний голос Мелек: Почему Шекар стал таким? Роди сына, доведи до совершеннолетия, и тебя не будет считать за человека. Не думает о неизвестной судьбе брата. В чём наша вина? Вместо тебя, дитя, уж лучше б камень родила. Если был жив отец Шадман, не вытерпел бы.

Жаль, от такого отца такой сын. Правду говорят: «От огня останется пепел». Шекар стал пеплом (у Мелек стекают слёзы по щекам). Посмотрим, что ждёт нас впереди.

Мелек успокаивается. Она в грёзах встречается с Шубаем. В тревоге поднимается на ноги.

Шубай: Здравствуй, мать.

Мелек: Сынок, это ты?

Шубай: Да, мать, это я, пришёл посмотреть на твоё красивое лицо, с тобой поговорить.

Мелек: Не верю глазам. Да буду жертвой твоей.

Шубай: И тело моё и душа моя — ты, мать.

Мелек: Знаю, сынок, да буду жертвой твоей чести.

Шубай: Печальной и обиженной кажешься, мать.

Мелек: Я мать, а для матери сыновнее горе, сыновняя печаль в невообразимой степени тяжелы.

Шубай: Знаю, доставил тебе большое страдание. Ты сильная, могучая и вытерпишь страдания. Знаю, скучаешь по мне.

Мелек: Да, сынок, мои дни и ночи — ты. И мечты и сны — ты.

Шубай: Не торопись, мать, скоро встретимся.

Мелек (растерявшись): Когда? Где?

Шубай: Когда кончится война, утихнет пальба, когда цветы покроют кумачом освободившиеся земли, когда прекрасное пение соловьёв заменит вопли матерей.

Мелек: Говори, сынок, говори. Когда слышу твой голос, слушаю тебя, мне кажется, я только родилась, хочу

жить.

Шубай: Мать, пришёл сказать, что Наргиз, сына и дочь поручаю тебе. Наргиз молода, дети маленькие. Не смог осчастливить их. Слёзы Наргиз печалят душу.

Мелек: Не печалься, сынок, есть я.

Шубай: Мать, я ухожу.

Мелек: Куда?

Шубай: В вечный мир. Там тебя буду ждать.

Мелек: Дорогое дитя, больше не встретимся?

Шубай: Нет, мать.

Мелек (в панике ходит). Наргиз входит в комнату. Мелек, удручённая, охваченная тоской, выходит из комнаты. Наргиз садится на стул. Печальна. Шубай появляется в грёзах.

Наргиз: Эх... Шубай, как хорошо, что пришёл. Сколько времени не слышала голос твой, не видела тебя! Думала...

Пауза

Шубай: Не мучайся. Пришёл увидеть тебя, с тобой поговорить.

Наргиз: Хорошо сделал. В душе моей тебе всегда есть место.

Шубай: Дорогая, если бы ты знала, как соскучился по тебе. Как бы далеко от тебя ни был, душа твоя с моей душой, перед глазами лик твой.

Наргиз: Я тоже соскучилась. Не могу отвечать на вопросы сына, дочери, спрашивают, когда придёшь. Каждый день жду тебя.

Шубай: Не торопись, терпи. Сыну и дочери скажи, всё будет хорошо.

Наргиз: Знаю (*готова расплакаться*), ум твой и достоинства мне знакомы.

Шубай: Нет жизни без родины, земли.

Наргиз: Почему все не думают, как ты.

Шубай: Каждый отвечает за свои поступки.

Наргиз: А быть ответственным?

Шубай: Каждый будет сидеть за столом своей совести, дорогая.

Наргиз: Из сказанного тобой ничего не понимаю, Шубай. В больном обществе рождаются больные дети. Открой глаза, хорошо посмотри на мир.

Шубай: Хорошо, не мучь себя. Пришёл сказать: позаботься о детях. Опять приду. И с матерью встретился, она выглядела измученной, озлобленной, озабоченной. В этом возрасте ей...

Наргиз: И мать и дети соскучились по тебе, Шубай.

Шубай: Знаю, дорогая, знаю. Им тоже скажи о нашей встрече. Душой я с вами. Если будет возможность, опять навещу вас.

Наргиз: Когда?

Шубай: Когда освободятся земли, выпрямится согнутый стан родины. Сердца будут радоваться. На глазах заблестит гордость.

Наргиз: Буду ждать. Буду ждать тебя, Шубай.

Шубай исчезает. Наргиз, придя в себя, смотрит по сторонам, потом начинает плакать. Гаснет свет.

ЯВЛЕНИЕ V

Дом Ялгыз. Шекар и Ялгыз беседуют.

Ялгыз: Ну, что? Наргиз уходит из дома?

Шекар: Сказал, пусть попробуют не сделают, что я им говорю. Их ножом знаешь, что сделаю?

Ялгыз (*приняв строгое выражение лица*): У тебя голова испорчена.

Шекар: Вправду?

Ялгыз: Немного голова работала бы. И в тот день соседскому сыну угрожал. Их зарежешь — тебя поймут, дом останется жене брата, и мы не сможем пожениться.

Шекар (*опомнившись, потом*): Да, верно говоришь. Это мне на ум не приходило.

Ялгыз: Нет ума, потому и не приходило.

Шекар: Ведь имеется же изречение: «Иногда прислушивайся и к словам жены».

Ялгыз: Во-первых, я ещё не твоя жена, и потом, если муж не понимает, жена должна понять.

Шекар: Айши, и мать странный человек. Не знаю, что нашла в Наргиз.

Ялгыз: Видно, Наргиз во время устрашила свекровь.

Шекар: Нет, в это не верю, они всегда были, как мать и дочь. Если б боялась, я знал бы.

Ялгыз (*улыбаясь*): Ослонившиеся бывают, как Наргиз.

Шекар (*удивлённо*): А что это такое?

Ялгыз (*играя руками*): Многознающие.

Шекар: Да... Ялгыз ханум, объясни мне, пожалуйста.

Ялгыз: Тебе трудно понять. Всё время твердишь: того убью, этому живот распорю.

Шекар: Да! Твержу. Думаешь, я не мужчина или сил не хватит. Клянусь твоей жизнью, убью и десять лет отсижу. И выйду таким, каким видишь. Ни один сводник не сможет гарцевать на коне передо мной. Его мать...

Ялгыз: Что?

Шекар: Заставлю плакать.

Ялгыз: Сегодня не пил?

Шекар: Пил или не пил, для меня без разницы.

Ялгыз: Сколько раз говорила — бесполезно. Ты, чтоб выгнать жену брата, не можешь сговориться с матерью, на-

чинаешь: собака так пришла, волк так ушёл. Скажи правду, ты поговорил с матерью об уходе Наргиз из дома?

Шекар: Вот тому хотел научиться у тебя. Прервала меня, не дала договорить. У вас, женщин, нет терпения выслушать.

Ялгыз: Сказала же, я пока не твоя жена.

Шекар: Айши, не договорились? Сейчас не жена, но скоро будешь.

Ялгыз: Нет, сказала, выставь, потом.

Шекар: Тянешь-тянешь, не спрашиваешь (*радостно*). Да, вспомнил.

Ялгыз: Слава Богу! Побыстрой, а то опять забудешь.

Шекар: Если нет сына, откуда невестка?

Ялгыз: Откуда я знаю? Иди об этом поговори с матерью.

Шекар: Поговорил.

Ялгыз: Что сказала?

Шекар: Сказала, с ума сошёл.

Ялгыз (*громко смеясь*): Сказала то, что я говорила.

Шекар (*раздумывает, потом*): Айши, совсем голову потерял. «В саду были абрикосы — здоровались, в саду кончились абрикосы — здороваться перестали». Человеку скажут: твоё — у тебя, моё — у меня, возьми пожитки, уходи. Правду говорю, Ялгыз?

Ялгыз (*громко смеясь*): Дорогой, ты не философ?

Шекар: Что хочешь сказать?

Ялгыз: Говоришь, как философ.

Шекар: (*став спесивым*): Не философ, но буду им, с ними год-два общался.

Ялгыз: Так не пойдёт, Шекар, наше дело растянется. Каждый день приходят сваты. В тот день двое приезжали из района.

Шекар: Зачем?

Ялгыз: Девушка не баранина, чтоб оставалась на чаше

весов. Боюсь, домашние без моего ведома дадут согласие.

Шекар: Ба, и такое может быть?

Ялгыз: Почему не может быть?

Шекар (*думает*): В тот день мать чуть не дала согласие живущей в городе дочери дяди моего дяди. Я категорически отказался. Мать, сколь ни рвала на себе волосы, не заговорил, не сказал ни да, ни нет. Женщина очень рассердилась.

Ялгыз: А что говорила мать твоя?

Шекар: Что скажет? Женщина; то, что думает.

Ялгыз (*волнуясь*): Скорей, не разрывай сердце, скажи, что говорила.

Шекар: Говорила, кругла, как яичко, бела, как хлопок, девушка имеет дом и хозяйство.

Ялгыз: А ты что думаешь?

Шекар: Ничего.

Ялгыз: Дорогой, скажи мне своё окончательное слово.

Шекар: Знаешь, о чём думаю?

Ялгыз: Нет.

Шекар: Думаю, ну и что, что родственница. Не видел её. Женюсь — выйдет плохая: язвительная, голова дурная, кривые ноги, слепая. Всякое может быть, и она человек. Кто её исправит? Уж лучше ты: знаю тебя, твоё положение, известны твои пороки и достоинства. Думаю, ты не будешь колебаться.

Ялгыз (*готова расплакаться*): Не буду (*сомневается*). Меня пугаешь?

Шекар: Нет.

Ялгыз: Может, испытываешь?

Шекар: Нет, дорогая, нет. Я похож на такого человека?

Ялгыз: Правду говори, и сегодня курил?

Шекар: Чем угодно поклянусь, дорогая.

Ялгыз: Но глаза же покраснели.

Шекар: Ночью не спал, до утра думал о тебе.

Ялгыз: Что думал?

Шекар: Размышлял, если не женюсь на тебе, а на той, которую предлагает мать, как будешь?

Ялгыз: Тогда убью себя. Пролью кровь на мать и Наргиз, узнают, кто я.

Шекар (*смотря по сторонам*): Разреши, дорогая, тебя только раз...

Ялгыз: Что?

Шекар: (*робко*): Поцелую.

Ялгыз: Тебя сейчас испортит. Кончай с Наргиз и матерью, потом.

Ялгыз убегает от Шекара в другую комнату.

Шекар (*кричит*): Полселу можно, а мне нет?!

И Шекар уходит вслед за Ялгыз. Сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ VI

Воинская часть. Приходят Мелек, Керим, Ширзад. Солдат с автоматом в руке приближается к ним.

Солдат: Вход посторонним сюда запрещён.

Мелек: Знаю, сынок. И в тот день приходили. Мы родня рядового солдата Шубая. И командир Сулейманлы нас знает, хотим его увидеть.

Солдат по рации связывается с командиром, сообщает о приходе Мелек.

Солдат: Да... Командир дал согласие, ждите, сам придёт.

Мелек: Спасибо, сынок.

Солдат: Не стоит.

Приходит Сулейманлы. Здравуются. Он отводит Мелек и пришедших вместе с ней на край двора. Мелек и Ширзад в страхе и смятении смотрят на командира.

Сулейманлы: Извините, здесь немного неаккуратно. Два часа тому назад вернулись с боя.

Мелек: Терпение иссякло, командир, сообщите о Шубае.

Пауза

Сулейманлы: Мать, Шубай в последнем бою отважно сражался: вывел из строя один вражеский танк, уничтожил несколько бандитов. В последнем бою, кроме него, ещё трое солдат получили ранение. Мы старались вывести их из поля боя, но не смогли.

Сулейманлы, остановившись, глубоко вздыхает, потом тяжело продолжает речь.

И с нашей стороны тоже было много потерь. Разбойники вместе с Шубаем четверых взяли в плен. Сейчас стараемся обменять их на попавших к нам армянских пленных.

Мелек: *(обратясь к Ширзаду):* Хребет сломался наш. Мать твоя пусть умрёт, дитя... Лучше я умерла б, не видела б этот день *(женщина плачет, вынув платок из кармана, вытирает слёзы).*

Керим: Мелек хала, знаю, горе ваше большое. Нет выхода, кроме терпения. Милостивый Бог сам укажет выход. Кому мы причинили зло, что...

Сулейманлы: Такие случаи бывают. В таком положении мы идём на переговоры с врагом, обмениваемся пленными, будьте терпеливы, мать. Молитесь Богу. Бог услышит вас.

Керим: До сих пор столько было обменов. Дай Бог, и для Шубая откроются двери.

Мелек, качая головой, всхлипывая, тяжело поднимается со своего места. Опечаленный, Ширзад берёт под руку мать. Солдаты тоже грустно смотрят на Мелек и Ширзада. Мелек, не удержавшись, внезапно падает на колени. Ширзад, сняв платок с головы матери, обмахивает им маты. После некоторого времени Мелек приходит в себя и обращается к Ширзаду.

Мелек: Принесённые корзины отнесите в комнату командира. Дадут солдатам.

Сулейманлы: Не утруждайтесь.

Мелек: Что за труд, сынок? Каждый из вас для меня — Шубай.

Сулейманлы: Вы тоже наша мать, тётя Мелек. Все эти ребята (*указывает рукой на солдат*) товарищи Шубая. Плечом к плечу сражались... Поверьте мне, мы во что бы то ни стало вернём обратно попавших в плен товарищей.

Мелек: Да сжалится над вами Бог.

Керим и Ширзад приносят корзины в кабинет командира, возвращаются обратно.

Керим (*взяв под руку Ширзада, тихо шепчет*): Возьми себя в руки, Ширзад, большой парень. Не оставляй мать в плохом положении.

Сулейманлы: Вы здесь долго не задерживайтесь, мать. Разбойники иногда стреляют и сюда, может произойти несчастный случай.

Мелек: Чернее чёрного цвета, командир?

Сулейманлы: Знаете...

Ширзад: Мать, командир прав. Вы идите (*мать в тревоге смотрит на сына*), я останусь здесь.

Мелек: Ширзад, что ты говоришь, сынок, я не смогу оставить тебя в огне.

Ширзад: Зачем в огне, мать, они тоже, как мы, сыновья, и у каждого есть мать. И земля принадлежит всем нам.

Сулейманлы: Нет, Ширзад, для тебя ещё рано. Придёт время — и тебя отправят на фронт, тогда придёшь, будешь сражаться...

Керим: Ширзад, ты должен возвратиться.

Мелек: Нет, Ширзад, тебя оставив здесь, не смогу уйти. Мало удара от Шубая, и ты с другой стороны... Сынок, дорогой, пожалей меня. Будь милосердным, а то *(мать, плача, обнимает сына, целует)* убью себя. *(У матери сжимается сердце... через некоторое время приходит в себя, волнуясь, говорит)*. Клянусь Богом, мир перевернётся, не отпущу тебя. Надежда, опора ты, сынок, пожалей мать *(подняв руки к небу)*. На склоне лет что за несчастье обрушилось на меня? Ширзад, и без того душа разрывается. Вместо того, чтоб успокоить меня, «Иду на фронт» говоришь. Думаешь ли о состоянии матери?! Ведь я тоже человек! И у меня есть душа. Я тоже в последний путь хочу отправиться на плечах потомков, понимаешь меня или нет? Нет, умру, тебя не отпущу, дитя *(мать рыдает)*.

Ширзад: Мать, пришло время отомстить врагу. Больше не могу выносить печальные взгляды Наргиз, Севды, Джыхана. Умоляю тебя, разреши и ещё благослови меня *(обратившись к командиру)*. Командир, прошу вас и меня возьмите в часть...

Мелек: Шубай, не иди, дитя, не оставляй меня одну... *(мгновенная тишина)*. Знала, будет так... Благословляю тебя. Пусть бережёт вас Бог. Дитя, верю, дух отца Шадмана всегда будет над вами. Пощадит вас Бог.

Сулейманлы: Раз мать дала разрешение, я тоже не отказываю вам, Ширзад *(обратившись к Мелек)*. Не волнуйтесь, мать, с этого времени Ширзад тоже наш брат. Мы вместе отомстим за Шубая.

Мелек и Ширзад, обнимаясь, целуются. Потом командир и Ширзад прощаются с Керимом. Они уходят.

Мелек: Керим, я, бросив ребёнка в огонь, ухожу. Без Шубая, Ширзада смогу ли выстоять? Знаю характер Ширзада с детства. Слово не скажет, а скажет... Мир перевернётся — будет упорствовать. Братолюбивый. Любит детей брата. Пристрастен к своей земле. Всевышний, сам пожалей его. Сама не знаю, что скажу снохе, детям.

Керим: Не теряй надежду, тётя Мелек, надейся на Бога.

Мелек: Да услышит Бог из уст твоих... По совести, и командир не похож на плохого человека.

Керим: Жалею солдат. В чём их вина?.. Разъярённый враг не знает, что делает. Сколько будет продолжаться эта война?

Мелек: Ай Керим, горе моё не уместится ни на земле, ни на небе. В этом возрасте трудно будет для Наргиз остаться без главы семьи, даже про двух детей, тоскующих по отцу, не говорю. И на свадьбе и на праздниках желание детей иметь отца будет для неё большим горем. Даже не знаю, что скажу ей, её детям. Что отвечу?

Керим: Не принимай близко к сердцу, будь терпелива, тётя Мелек. Слышала, что сказал командир. Сказал, стараемся обменять армянских пленных на наших солдат, попавших в плен. Бог милостив, будь терпелива.

Мелек: До конца жизни буду ждать возвращения сына. Самое ужасное — томиться в ожидании, жить в ожидании.

Керим: Пойдём, тётя Мелек, снова начнётся стрельба; не сможем выйти отсюда.

Идут. Сцена темнеет

ЯВЛЕНИЕ VII

Дом Мелек. Мелек входит в комнату. Наргиз удивляется. Мьяляк раздражена. Наргиз недоуменно смотрит на неё.

Наргиз: Как быстро вернулась, мать! А где Ширзад?

Мелек: Мне стакан воды (*Наргиз, быстро встав, приносит воды. Мелек, сделав глоток, кладёт стакан на стол*). Иди, садись, надобно тебе кое-что сказать.

Наргиз садится, в страхе устремляет взгляд в глаза Мелек.

Наргиз: Слушаю, мать.

Мелек: Дочь, я мать, мне немало лет, и многое повидала в жизни. Чему быть, того не миновать.

Наргиз: Или Шубай...

Мелек: Нет! Дочь моя, это судьба...

Наргиз: Мать, да буду я жертвой твоей, говори скорее. Что случилось?

Мелек: В одном из боёв Шубай получил ранение.

Наргиз: Он в больнице?

Мелек: Четверо наших солдат взяты в плен врагом, и Шубай среди них, дочь моя.

Наргиз: Что за несчастье на нас обрушилось, боже?! (*плачет*)

Мелек (*вытирая слёзы*): Успокойся, такова война, дочь, приносит людям бедствие, заставляет проливать кровь, слёзы.

Наргиз: Но, мать, теперь я...

Мьяляк: Тихо разговаривай; дети спят, проснутся. Если услышат сказанное, перепугаются. Такова наша судьба...

Наргиз: А что сказать детям?

Мелек: Что скажешь? Несчастье обрушилось не только на нашу голову. Пока Шубай не вернулся, мы будем ждать его, будем жить надеждой, что он вернётся. Нет другого выхода. Слезами горю не поможешь, дочь. Постарайся утешить детей...

Наргиз, всхлипывая, плачет. Слезы Мелек стекают по щекам. Шатаясь, входит Шекар. Видит плачущими мать и Наргиз.

Шекар: А-а-а.. Мать пришла. Как хорошо! Какие новости от Шубая? Кажется, дела плохи. В тот день дал знать, что такое война. За то, что сказал правду, чуть глаза не выкололи. Керим говорит, что и Ширзад остался там. И брат сошёл с ума. Он не взял пример с Шубая?

Мелек: Ты иди займись своим делом.

Шекар: Что говорю. Сами добровольно ушли. Отцы мудро сказали: «Упавший сам — не плачет». Вот и получили по заслугам... Хочу с тобой поговорить?

Мелек: Что за разговор?

Шекар: Мать, так не годится, ты всегда со мной разговариваешь раздражённо.

Мелек: Говоришь ерунду, поэтому, когда ты разговариваешь, раздражаюсь.

Шекар: Очень напрасно. Разве я виноват в том, что Шубай и Ширзад отправились на фронт добровольно. Не пошли бы.

Мелек: Не произноси имена детей: ты не достоин их.

Шекар: Почему?

Мелек: Каждодневная выпивка и курение испортили тебя, лишили мужества, бросай их. Ни с кем не считаешься, у всех на нервах играешь.

Приходит Наргиз.

Шекар: Удовольствие жизни — в выпивке и курении. Я говорил тебе, мать, что женюсь.

Мелек: Замолчи, только этого не доставало. На дворе заиграют на зурне и бубне, народ соберётся, а сама, выйдя в круг, попляшу с удовольствием.

Шекар: Айши, не говори попусту.

Наргиз: Как ты обращаешься с матерью?

Шекар: Спасибо, Наргиз, кажется, сделалась разговорчивой. Клянусь, язык твой отрежу.

Мелек: Замолчи, негодный, с семьёй брата так не разговаривают.

Шекар: Шубая я отдал в плен? Какое имеет отношение его пленение ко мне?

Наргиз: Касательно Шубая тут нет ничего. Говорю, не оскорбляй мать.

Шекар: Пахо... Да нет... Кто меня учит? Назло вам, умрёте или останетесь, я женюсь. Мать, готовься, завтра пойдёшь свататься к дочери Фатуллаха, Ялгыз.

Мелек: Что? Во-первых, я не в состоянии идти, во-вторых, знающий тебя не выдаст за тебя девушку, в-третьих, ты плохо знаешь Ялгыз...

Шекар: Знаю, и с ней и с её матерью поговорил. На все условия согласны.

Мелек: Ялгыз по народному обычаю три раза выходила замуж. Значит, готовится в четвёртый раз?

Шекар: Так хорошо.

Наргиз: Почему?

Шекар: Будет без трудностей, тягот.

Наргиз: Мужчина, а как разговариваешь с женой брата и с матерью.

Мелек: Беспечный. Потерял честь, совесть. С ним разговаривать бесполезно. У меня был сын по имени Шекар, а сейчас...

Шекар: Почему, неверующая, грешница от меня отре-

каешься? Потому что женюсь?

Наргиз: Замолчи, подлый. Тьфу на тебя.

Шекар: Плюнь в лицо мужу: тебя бросил и ушёл.

Мелек: Убирайся отсюда, чтоб глаза мои не видели тебя.

Шекар: Мать, ты сошла с ума. Если б не было так, не продала б меня Наргиз.

Наргиз: Постесняйся, Шекар!..

Увидев, что разговор не состоялся, Шекар выходит из комнаты.

Мелек: Иди, подлый сын. Коза о своей жизни, а мясник ищет жир. Дочь моя, не принимай близко к сердцу слова этого негодяя. Бог милосерден, всё наставит на свой путь.

Наргиз: Шекар меня тоже рассердил. Голова болит.

Мелек: Иди в свою комнату, приляг, боль пройдёт.

Наргиз: Хорошо.

Наргиз уходит. Мелек остаётся в комнате одна. В нервном состоянии ходит по комнате. Начинаются галлюцинации, разговаривает сама с собой.

Мелек: Нет, не верю, люди не могут быть убийцами в такой степени. Попавшего в плен человека бить, надругаться над ним, подвергать телесному наказанию — бесчеловечно. Имеющий Бога не может быть немилосерден.

На заднем плане показывают, как армяне рано утром производят расправу над Шубаем. На переднем плане в грёзах матери оживляется этот эпизод.

Голоса: Сколько солдат в вашей воинской части?

Шубай: Не знаю.

Голоса: Где хранятся боеприпасы?

Шубай: Не знаю.

Голоса: Отрезать уши!

Шубай: Умрётте, не скажу.

Голоса: Пригвоздить к дереву!

Шубай: Не предам!

Голоса: Обезглавить!

Мать падает на колени. Хватается руками за голову. Мгновенная тишина. Медленно поднимает голову. Вдруг поднимается крик:

Мелек: Боже мой! Что вы делаете? Остановитесь! Имейте совесть. Не отрезайте ему голову! Не виноват мой сын. Несправедливо пролитая кровь не останется на земле. Убийцы! Подлецы! Враги Бога, когда-нибудь получите наказание!

На голос приходит Наргиз. Взяв за руку, поднимает Мелек. Дает ей успокоительные пилюли и уводит в другую комнату. Женщина ложится и засыпает. Приходит Шекар.

Шекар: Иди садись, Наргиз. Давай поговорим откровенно.

Наргиз (садится): Слушаю.

Пауза

Шекар: Шубай — твой муж, мой брат. Я его люблю не меньше, чем ты. Говорят, он попал в плен. А на войне попасть в плен — значит погибнуть, его давно расстреляли. Даже если вернётся, от него, как от мужа, никакого проку.

Наргиз: Мерзавец ты, Шекар.

Шекар: Ты препятствуешь моей женитьбе.

Наргиз: Почему?

Шекар: Знаешь, что, если я приведу сюда невесту, ты должна, забрав детей, уйти в родительский дом.

Наргиз: Ошибаешься, я из отцовского дома не приводила детей, чтоб вернула их туда. Запомни, этот дом матери, Мелек. А мои дети — её внуки.

Шекар: Ты не беспокойся о моей матери.

Пауза

Наргиз: Слушай, не прерывай. После матери дом принадлежит Шубаю, Шубай же защищает родину. Если я возьму детей и уйду отсюда, мать не выдержит, разорвётся сердце. И Шубай мне этого не простит.

Шекар: Не говори о матери.

Наргиз: Ты неправ. Ты давно потерял сыновнюю честь. Тебе уже не быть сыном матери.

Шекар: Даю тебе неделю срок. Если хочешь, чтоб голова была цела, забирай вещи, что принесла из отцовского дома, и детей, и уходи.

Наргиз: Я пришла в этот дом как невеста. И только труп мой вынесут из этого дома. Мой уход отсюда и матери, и Шубаю, и детям будет предательством. До конца жизни буду ждать Шубая в этом доме. Раскрой уши и хорошенько услышь. Нет других слов?

Шекар: Я сказал своё слово, даю одну неделю.

*Шекар выходит из комнаты. Приходит
обессиленная мать.*

Мелек: Дай Бог счастья твоим детям, если б не ты, горе меня убило бы. Иногда чуть с ума не схожу. Что-то выглядишь раздражённой.

Наргиз: Шекар всё ворчит.

Мелек: Что говорит?

Наргиз: Говорит, уходи из дома.

Мелек: Ты не беспокойся, а сказанное им пропусти

мимо ушей. Как-нибудь наставим на путь. Он не думает ни о матери, ни о детях. Эх, чёрные дни впереди. Видела во сне Ширзада. Больше месяца и от него нет вестей.

Наргиз: Да будет Бог опорой Ширзаду.

Мелек: В последнее время сердце побаливает. Хотя хожу на ногах...

Наргиз: Мать, надо отдохнуть, полечиться. Не будь тебя, клянусь, мы окажемся в плохом положении. Пойдём, немного погуляем на дворе, подышим свежим воздухом...

Они выходят из комнаты. Сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Дом семьи Ялгыз. Шекар и Сугра, мать Ялгыз, сидят за столом. Ялгыз приносит чай на стол и сама садится.

Ялгыз (*недовольно обращаясь к Шекару*). Ты не похож на человека, который хочет жениться.

Шекар: Почему, Ялгыз ханум? Потерпи да.

Ялгыз: Иди женись на родственнице матери. Живут в городе, как следует не могут разговаривать на родном языке. Бог отнял у них разум, выставили себя напоказ.

Сугра: Дочь моя, этот, бедный, если захотел, женился б на другой. Что говорит Шекар? Говорит: мать посоветовала, я не захотел. Если на то пошло, сколько таких, кто стучится в нашу дверь.

Ялгыз: Сто!

Сугра: Верно. Мы говорим: идите, вашей собаки у нас нет. Они, попрощавшись, уходят.

Шекар: Сугра ханум, нет претензий к стану, красоте твоей дочери. Красивая. Говорю, потерпи, кому говоришь, как слепой не отпускает схваченное, так и она своё гово-

рит.

Сугра: Нет, дитя, мою дочь не сравнивай со слепой, хромой. Ну и что, что была три раза замужем; женщина должна выходить замуж. Если б она была плохой, трое мужчин взяли б её в жёны?

Ялгыз: Я знаю, он ревнует меня к прежним мужьям. Да, я с ними...

Шекар: Что?

Ялгыз: Я поссорюсь с тобой, никогда не буду разговаривать, даже если мать заставит.

Сугра: Не совершай оплошность. Шекар и мне нравится. Я знаю людей, дочь, Шекар похож на хорошего семьянина.

Ялгыз: Не видишь, мать его, что на языке, то и говорит. Я умерла что ли, что для Шекара ищут девушку? Посмотри на дело, и меня не зря Ялгыз зовут.

Шекар: Не сердись, дорогая, да буду жертвой твоей, и жертвой твоей матери.

Пауза

Сугра: Большое спасибо. Честь и место. Если не будет дружелюбия, никто никого не будет слушаться. Нет счастья там, где раздоры. Одна девушка принадлежит одному парню. Если хочешь, я отдаю тебе дочь, но у вас же должен быть свой приют, свой дом, где жить. Без дома не может быть семьи.

Шекар: Нам нужно сначала понять друг друга.

Ялгыз: Голос хорош, если будешь Коран читать.

Сугра: Хорошо, не прерывай мужчину.

Шекар: Да буду я жертвой своего языка, что произносит слово мужчина.

Сугра: Не дай бог.

Ялгыз: Это он, увидев тебя, льстит, заискивает, а в тот день бесстыдно просил у меня поцелуя.

Сугра: Хватит, стыдно, назойливая. Большое дело!

Ялгыз: Почему назойливая?

Шекар (*рассердившись*): Потом не обидишься на меня? Женюсь, клянусь могилой отца.

Сугра (*удивленно*): Что?

Шекар: Не посмотрю налево, направо. Будешь испытывать горечь от обиды.

Ялгыз: Па... Умер Ханкиши...

Сугра: Не знаю Ханкиши, Манкиши. Кончай разговор.

Шекар: Ханум, ты понимающий человек, и даёшь хорошие советы. И здесь наш дом и там. Захотим — здесь останемся, не захотим — там. Верно говорю?

Ялгыз: Я знаю, что ты хочешь сказать. Бесполезно. Я войду невесткой в ваш дом. Наргиз оттуда должна уйти.

Сугра: Я пойду делать покупки, а вы беседуйте.

Сугра уходит. Шекар нажимает на кнопку магнитофона. Раздаётся танцевальная музыка. Шекар, взяв за руку Ялгыз, поднимает со стула. Они танцуют. Устав, Ялгыз падает, с трудом дыша, в объятия Шекара. Шекар её целует. Ялгыз, выйдя из его объятий, подходит к зеркалу и выражает недовольство.

Ялгыз (*жестанясь*): Будь опозорен Богом, на лице останутся следы. А характер братьев — очень тяжёлый, как будто не из мира сего.

Шекар: Не бойся, ведь жена моя.

Ялгыз: Мне не нравится слово «жена».

Шекар: А что тебе сказать?

Ялгыз: «Дорогая», «ненаглядная», «цветочек мой».

Шекар: «Ягнёнок», «зайка», «кошечка».

Ялгыз: Нет, нет, не произноси имена животных. Да... Не сердись, ещё одну вещь скажу.

Шекар: Что?

Ялгыз: Хочу с твоей матерью сама поговорить.

Шекар: Что скажешь?

Ялгыз: Скажу, что я Шекара ягнёнок, кошечка... Как посоветуешь, так и скажу. И ещё скажу, что будто жду ребёнка.

Шекар: *(раздумывает)*: А не скажет, где ребёнок?

Ялгыз: Скажу *(руками поглаживает живот)*, вот же.

Пауза

Шекар: Не будем лгать, ягнёнок мой. Давай создадим ребёнка, потом скажем. Факт — сильная вещь, укорачивает длинный язык. Потом, оказавшись в безвыходном положении, мать скажет: возьми ребёнка, приходи домой. Невестку, ребёнка не держи в чужом доме.

Ялгыз: Айши, откуда она узнает, что лгу.

Шекар: Ты её не знаешь, видит, что впереди, что сзади, а тем более, что в животе.

Ялгыз: Скажи, мать — замечательная аферистка.

Шекар: Все женщины таковы. Если было бы по-другому, могилы женщин не рыли глубже мужчин.

Ялгыз: Если мы так начали... в скором времени и ребёнок будет.

Шекар: Точно знаешь?

Ялгыз: А что?

Шекар: И двойня может быть?

Ялгыз: Меня опозорил. Это будет зависеть от нас. Срочно надо подумать о жилье.

Шекар: Да, это мне на ум не приходило.

Ялгыз: Всё я должна сказать? Как мужчина никогда сам не подумаешь.

Шекар: Постараемся дать детям хорошее образование, хорошее воспитание.

Ялгыз: Интересно, наши дети какие посты займут.

Шекар: Я верю, займут хорошие.

Ялгыз: Муниципалитет.

Шекар: Что за муниципалитет? Ради этого не стоит

лить пот.

Ялгыз: Начальник полиции или прокурор?

Шекар: Айши, стыдно. Ну, что это?

Ялгыз: А что?

Шекар: Говоришь, не будут даже министрами?

Ялгыз: Что сказать, ей богу.

Шекар: Не беспокойся, из моих детей выйдут дипломаты.

Ялгыз: Из твоих уст да мёд пить. Ну и муж должен быть мужем, уже лучше состариться в хибарке отца, чем с каким-нибудь холопом укладываться на ложе. Когда с тобой разговариваю, клянусь, хочу иметь крылья, чтоб лететь, поднимается настроение.

Шекар настраивает магнитофон на другую музыку. Танцуют. Ялгыз, танцуя, уводит Шекара к дивану. Сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ IX

Дом Мелек. Стучат в дверь. Наргиз открывает дверь. Двое военных входят в комнату, здороваются. Шекар косо смотрит на них.

Первый военный: Вы мать Шубая и Ширзада?

Мелек: Да, сынок, я их мать.

Второй военный: Командир и сам хотел с вами встретиться, но не нашёл возможность.

Внутренний голос Мелек: Боже мой, а сейчас какие вести? Военные просто так не придут... Может, и с Ширзадом приключилась беда.

Первый военный: Тётя Мелек, мы с Ширзадом из одного части.

Мелек: Очень хорошо, сын мой. Да буду жертвой Шир-

зада и вашей.

Второй военный: Большое спасибо.

Мелек: Как Ширзад?

Военные, растерявшись, смотрят друг на друга.

Шекар: Что случилось? Бойтесь разговаривать?

Мелек: Хватит, дай возможность, пусть выскажутся.

Первый военный: Знаете...

Мелек (*в тревоге*): Что? Скажи своё слово... Или он тоже...

Первый военный: Это произошло три дня тому назад. Рано утром враг перешёл в наступление.

Шекар: Потом что случилось?

Второй военный: Неожиданно вражеские танки пошли на нас.

Мелек: Ну, потом.

Первый военный: С двух сторон были большие потери.

Мелек: Опять?!

Шекар: Хочешь сказать, что Ширзад погиб от вражеской пули?

Второй военный: Нет!..

Наргиз: А что случилось?

Шекар: Что могло случиться? Не знаете?

Мелек: Говорите, сынок, не робейте. Видно, Бог наказал меня.

Первый военный: Ширзад внезапно вышел, начал косить из пулемёта врагов. А в это время один танк направился к нему. Тогда он, вытащив гранату, бросил под гусеницы танка. Танк взорвался в одно мгновение.

Шекар: (*сердится*): Вы взрослые мужчины, чем сто раз говорить мыс-мыс, скажите сразу, что и Ширзад погиб.

Мелек (*нервничая*): Ты молчи...

Шекар: У такого военного враг...

Мелек: Молчи... Хватит....

Шекар: Язык не поворачивается...

Второй военный: Из-за близкого расстояния от осколков брошенной гранаты сам Ширзад тоже погиб.

Мелек: Вай, дитя, вай...

Мелек теряет сознание. Шекар её тотчас же обнимает. Вскоре она приходит в себя.

Шекар: Значит так...

Мелек: А где труп моего дитя?

Первый военный: Похоронили на вершине высокой горы.

Мелек: Если пойдём, сможем найти могилу?

Первый военный: Нет, мать.

Мелек: Почему, сынок?

Первый военный: В прошлую ночь и эта точка оккупирована врагом.

Шекар: Не верю в это.

Первый военный: Почему?

Шекар: Может, сзади свои убили.

Второй военный: Что говоришь, разве такое может быть?

Шекар: Разве каждый день об этом по телевизору не говорят, в газетах не пишут?

Наргиз: Земли уходят из-под рук, а сколько деревень переходят в руки врага.

Пауза

Мелек: Значит, Шубай сам, а Ширзада могила попала в плен. Уж лучше б я тоже умерла, не видела эти горести...

Шекар: Мать, я говорил, что у братьев дурная голова, фанатики они. Покинув родной угол, оба ушли на фронт. Тебе надо было всё это?

Военные: Мы сочувствуем вам, тётя Мелек. Как утешить вас, не знаем.

Мелек: О Боже, в чём моя вина, что оказалась в таком положении. Двух сыновей вырастила, чтоб отдать суховею? А в чём вина Шубая, его детей? Ширзада? За что такие муки? Как же ты, о Боже, позволил?! И мне пошли смерть, Аллах. Убей меня, избавь от этих мук, страданий!

Военные, попрощавшись, уходят. Сцена темнеет.

ЯВЛЕНИЕ X

Дом. Мелек и Шекар беседуют.

Шекар: Дорогая, не нервничай... Когда смотрю на тебя, сердце болит.

Мелек: Говори открыто, не томи сердце.

Шекар: Ты уже в возрасте. Не время содержать сноху, внуков.

Мелек: Да, тебя понимаю.

Шекар: Наргиз молода, когда-нибудь найдёт себе человека. Нас опозорит среди людей.

Мелек: Замолчи, сейчас своими руками задушу тебя. Убирайся из дома.

Шекар уходит из дома. Приходит Наргиз.

Наргиз: Что за шум, мать?

Мелек: Ничего. Сын соседки Халимы погиб на фронте. У бедной был один единственный сын, и того убили армяне. Пойду выражу соболезнование женщине.

Наргиз: Иди, жаль умерших. Бедные не успели пожить.

Мелек: Скоро вернусь.

Мелек уходит. Наргиз остаётся дома одна.

Внутренний голос Наргиз: Шубай, Шубай! Дорогой, ты был рядом, думала, сильнее меня и счастливее нет на свете. Ты был лучом, светом в моих очей. На всё смотрела твоими глазами, твоей мечтой. Дорогой, мы были одной мечтой, одним желанием в двух телах. Когда ты ушёл на войну, показалось, сердце расколосось, на меня гора свалилась. Представляешь? Не могу смотреть в пронизательные, влажные глаза детям. Теряюсь, в жилах застывает кровь. Полагаю, дом, стены обрушиваются на меня, задыхаюсь. Кроме, как лить слёзы, не нахожу выхода. Тоскую по тем дням. Теперь те счастливые мгновения вижу во сне. В мечтах оживляю тебя. Знаешь, у того, кто любит, Бог в душе. Ты вечно со мной, в моей душе. Куда ни пойду, вижу тебя, слышу твой голос, Шубай. Говорят, душа мучается, но не умирает. Нет тела твоего, но душа со мной. Теперь я живу твоей душой, твоей любовью, Шубай.

Пауза

Знаешь, дорогой, не выдержав твоего отсутствия, печальных взглядов матери, тобою любимый Ширзад ушёл на войну отомстить за тебя. Хотя Ширзад и был младшим, но всё понимал. Он любил мать, тебя, меня, детей больше своей жизни. Он был для меня духовной опорой, защитником моих детей. Жаль, и его Бог забрал. Он тоже ушёл в вечность. Погас огонь этого дома, и никогда не загорится. Изменилась жизнь моя, умерла надежда, вера. Уж лучше б я умерла, не видела б эти грустные, скорбные дни, Шубай.

Приходит Шекар.

Шекар: А где мать, дети?

Наргиз: Дети ушли к моим родителям, а мать к тёте Халиме.

Шекар (*улыбаясь*): Наргиз, имеешь представление о себе?

Наргиз: А что такое?

Шекар: Похорошела, эй. Когда вижу тебя, сердце трепыхается.

Наргиз (*раздражается*): Образуясь, Шекар, постыдился б души брата, его детей, так развязно...

Шекар: Почему развязно? Что поделать — когда вижу тебя, становлюсь сам не свой.

Наргиз: Совершаешь ошибку.

Шекар: Лучше было б...

Шекар, встав со стула, направляется к Наргиз. Наргиз отступает назад. Шекар набрасывается на неё. Начинается схватка. Наргиз, вырвавшись из рук Шекара, хватается за стакан.

Наргиз: Бесстыжий. Не подходи. Подойдёшь — разобью стакан о твою голову.

Шекар: Будь благоразумна, Наргиз, не кривляйся, до рога. Всё равно Шубай не вернётся... Я не уверен, что ты с другим...

Наргиз плюет в лицо Шекару. Шекар ещё раз хватается Наргиз. Вырвавшись из рук Шекара, Наргиз бросает в него стакан. Стакан не попадает в него. Шекар вынимает нож из кармана. Наргиз поднимает крик.

Наргиз: Сказала, убирайся отсюда...

Шекар: Не согласишься — и тебя и детей зарежу. Не поднимай крик.

Мелек входит в дверь.

Наргиз: Бесчестный, не подходи.

Шекар ещё раз набрасывается на Наргиз. Она старается вырваться из рук Шекара, отталкивает его. Тот спотыкается. Мелек, поняв в чём дело, бежит в другую комнату, сняв со стены ружьё, быстро возвращается назад, стреляет в спину сыну. Шекар, пошатнувшись, падает. Наргиз, испугавшись, кричит и падает на колени на пол. Мелек перешагивает через труп сына, взяв за руку Наргиз, поднимает её.

Наргиз: Что ты сделала, мать.

Мелек: Это должно было случиться. Шекар не служил Богу. Не считающий мать за мать, брат за брата, сможет ли оценить тебя. Я ещё во дворе услышала его слова — волосы встали дыбом. И дома увиденное увидела. Это нам всем позор, пятно на человечестве. Кто посягает на честь, того ждёт такое будущее.

Наргиз (плача): Мать, умоляю тебя, убей своими руками и меня. Если вовремя, взяв своих детей, ушла бы из этого дома, такое не случилось бы. Я виновница этого преступления.

Мелек: Нет, Наргиз.

Наргиз: Мать, я сделала тебя убийцей сына.

Мелек (натянутым голосом): Убила я, убит Шекар, свидетель — ты. Есть одна к тебе просьба.

Наргиз: Какая просьба?

Мелек: Дочь моя, никому не сообщай о поступке Шекара. Бросили честь собаке — та не съела. У тебя есть дочь, есть сын. В противном случае, тебе придётся говорить с прокурором, со следователем о совершенном преступлении. Что нам скажут? Не пожелаю запятнанное имя своей снохе. Да с другой стороны, что скажешь, как ответишь на поставленные вопросы. Нет, дочь моя, нет. Молю, подумай о судьбе дочери Севды, сына Джахана, подумай о муже Шубае. Я совершила преступление, я же должна нес-

ти наказание. Береги честь, дочь моя, не допускай, чтоб разрушился наш дом.

Наргиз: Мать, почему так случилось?

Мелек (*раздражаясь*): Накрой труп белым полотном. Время прихода детей, увидев, испугаются. Виновником этого убийства явился сам Шекар, дочь. Жалею, что в преклонном возрасте стала убийцей чада. Руки оказались в крови родного чада.

Наргиз приносит белое полотно и накрывает труп Шекара. Приходят полицейские, следователь берёт показания.

Следователь: Мелек ханум, скажите, каким образом совершилось происшествие?

Мелек: Убиралась дома. Висевшее на стене охотничье ружьё хотела перенести в другую комнату. Нечаянно тронула курок — ружьё выстрелило, пуля попала в родного сына. В одно мгновение сделалась убийцей сына.

Следователь: Есть свидетели?

Мелек: Какой свидетель, господин следователь. В собственном доме своими руками родного сына убила. Кто мог видеть?

Следователь: Во время происшествия кто был дома?

Мелек: Сноха. Она, отправив детей к своим родителям, занималась работой во дворе.

Следователь: Значит, нет свидетелей.

Мелек: Да.

Полицейские уводят Мелек. Наргиз и следователь тоже уходят вслед за ними. Свет гаснет.

ЯВЛЕНИЕ XI

Зал суда. Люди заходят в зал. Прокурор, адвокат на своих местах. Председатель, два народных заседателя входят в зал. Государственный обвинитель садится на своё место. Секретарь суда объявляет: «Встаньте, суд идёт». Все встают. По указанию председателя люди садятся. Двое полицейских ведут Мелек в наручниках и усаживают за решётку. Глаза Мелек устремляются на сидящую в зале Наргиз. Слёзы катятся по щекам Наргиз... Председатель окидывает беглым взглядом зал.

Председатель: Судебное заседание объявляю открытым. Подсудимая Мелек Афган гызы Самедзаде обвиняется в убийстве собственного сына Шекара Шадман оглы Самедзаде. Подсудимая Мелек Афган гызы Самедзаде, встаньте (*Подсудимая встаёт*). Считаете себя виновной?

Мелек (*придя в себя*): Да!.. Виновна.

Председатель: Хотите иметь адвоката для защиты?

Мелек: Нет. Какой адвокат?! Убийца — родная мать, а убит сын. Признаю вину. Как думаете, господин прокурор, быть убийцей сына для матери разве не более тяжкое наказание, нежели быть арестованной?

Председатель: В связи с обвинением Мелек Афган гызы Самедзаде слово предоставляется государственному обвинителю Гурбату Гасанли для огласки решения прокурора.

Прокурор: За непреднамеренное убийство родного сына Шекара Шадман оглы Самедзаде охотничьим ружьём Мелек Афган гызы Самедзаде осуждается на 5 лет.

Председатель: Предоставляется последнее слово подсудимой.

Пауза

Мелек (*встаёт*): Я несчастная женщина. Не ела, не пи-

ла, с большим трудом вырастила трёх сирот. Подули чёрные ветры, поднялась буря. Старший сын стал жертвой плена, от осколков брошенной под вражеский танк гранаты погиб младший сын Ширзад. Чёрная земля, открыв пасть, как дракон, и его проглотила.

Этого оказалось мало, и Шекара своими руками я убила. Господин прокурор осудил меня на 5 лет (*смеётся, находясь в состоянии психического расстройства*). Ха-ха-ха (*во взгляде всех ощущается сочувствие к матери*). Уважаемый председатель! Может, вы найдёте в себе силы и приговорите меня к смертной казни. Смерть!!! Чтоб освободиться от нравственных мучений и страданий. Знаю, и в другом мире не смогу обрести спокойствие. И в могиле душа будет гореть.

Мелек рыдает, ухватившись за железную решётку, падает на колени. Наргиз тревожится.

Председатель: Суд удаляется на совещание.

Суд и заседание выходят из зала. Люди подавлены. Сцена на мгновение темнеет, потом снова освещается. Зал суда. Процесс продолжается.

Председатель: Дамы и господа! По закону независимо от личности и характера совершенного преступления преступник должен быть наказан. Скажу открыто: сегодня существуют пробелы в законах. Обратите внимание. Мать нечаянно убивает своего сына из заряженного ружья. Сама раскалывает своё сердце. Мы же вместо того, чтобы утешить мать, разделить с нею горе, выдвигаем обвинение. Спрашиваю, кто больше матери пожалеет дитя. Мать всё равно всю жизнь будет гореть, будет проливать слёзы. Мы вдобавок наказываем её. Это справедливо?! Правильно?

Гуманно? Нет?! Хорошо, кому нужен закон, далёкий от гуманизма, справедливости? На весы закона вместе с правами на том же статусе должны быть положены самые высокие человеческие чувства, гуманистические принципы, и из этого положения выносить приговор. Поэтому, принимая во внимание пленение армянами старшего сына подсудимой, Шубая, шехидство младшего сына Ширзада, двух несовершеннолетних внуков, находящихся на её попечении, возраст и неумышленное убийство родного сына суд постановляет: простить вину Мелек Афган гызы Самедзаде и освободить из зала суда. Постановление окончательное и обжалованию не подлежит.

На лицах людей появляется улыбка, в глазах светится радость. Мелек выходит из-за решётки. Ухудшается самочувствие, Наргиз усаживает её на стул.

Мелек (с трудом): Дочь моя, чувствую холод внутри. Этот холод — предвестник смерти. Что видела, то видела. Слушай мои наставления. Если случится, твой муж вернётся, о причине смерти Шекар больше того, что здесь говорилось, ни слова ни говори. Если услышит о несчастье, которое обрушилось на нашу голову, потеряет веру в людей. Это равно смерти... Давай прощаемся... Иссякло моё время. Я ухожу... Мир обманчив, мир жесток...

*Мелек, потеряв сознание, падает. Наргиз кричит.
Гаснет свет.*

2003 год

Десантный батальон дамы

(пьеса в двух действиях, шести явлениях)

Действующие лица:

Афиджан — директор, 60-65 лет, профессор.

Атая — научная сотрудница, 40-45 лет.

Катя — секретарша.

Мирфырылдагов — заведующий отделом, профессор.

Хосузаде — заведующий отделом, профессор.

Гаджибала — научный сотрудник.

Макирли — заместитель Афиджана.

Халима — жена Афиджана.

Рюсаля — дочь Афиджана.

Сарраф — муж Рюсали.

Гюлюш — научная сотрудница, 30 лет.

Зюлюш — научная сотрудница, 30-35 лет.

Гызбаджи — научная сотрудница, 30-32 лет.

Алагафанлы — научный сотрудник.

Баязханум — женщина, 30-32 лет.

Гюляндам — женщина, 35 лет.

Мужчина — муж Гюляндам, 40 лет.

ДЕЙСТВИЕ 1 ЯВЛЕНИЕ I

Просторный светлый кабинет. На левой стороне стола книги, сложенные друг на друга, телефонный аппарат. Директор Афиджан сидит в мягком кресле. Раздражён, просматривает газету.

Открывается дверь, входит, поздоровавшись, Атая. Афиджан откладывает газету в сторону.

Афиджан: Да... Заходи, садись.

Атая садится.

Атая: Вызывали меня? Выглядите раздражённым. Кто опять испортил настроение?

Афиджан: Да... чтоб разрушился дом зловредных, причиняющих неприятности.

Поздравляю, говорят каждый день разводят сплетни обо мне. Что скажешь таким?..

Атая: Вай... Только этого не хватало. Тогда Афиджан...

Афиджан: Не торопись. А я Афиджан. Всех измучу, оставлю голодными, сделаю нищими, разрушу...

Атая: В чём вина тех, кто тебя любит? Уволь всех, кто о тебе судачит, — и голова успокоится.

Афиджан: Легко сказать, кого увольняю, бегут в суды. А суды, знаешь, взяв сколько надо, отправляют снова ко мне.

Атая: Приклей такую статью, чтоб не могли пикнуть.

Афиджан: Оклеветать? Не скажут, что это такое.

Атая: Зачем клеветать? Это самозащита... Телега едет, от скрипа его голова болит.

Афиджан: Умный ты человек.

Атая выпячивает грудь.

Атая: Вам нужны спокойные разведчики, чтоб обнаружили и вывели на чистую воду тех, кто работает против вас. Вы должны знать, кто кидает в вас камни, и в чём замысел подлецов.

Афиджан: Разведчики? Эх, не надо, будут склонять нас.

Атая: Не чуждайтесь моих слов. Все такие, Афиджан

(пауза), и в министерстве так. У министров во всех ведомствах и отделах есть представители разведывательной группы. В противном случае в начальниках долго не усидите. Внезапно отберут кресло — будете кусать локти.

Афиджан уходит в раздумье. Через некоторое время смотрит на Атая и пожимает плечами.

Афиджан: А как?

Атая: Очень просто. В каждый отдел возьмите на работу человека, который поддерживал бы вас. Они, тайно собрав нужную информацию, со всеми подробностями передадут вам. Тогда узнаете, откуда дует суховей. В век компьютерной информации по-другому работать трудно: везде и всюду электронные средства. Типун на язык, а что сделаете, если эти сплетни, разговоры поместят в интернете. Тогда, взяв шапку, должны бежать. Как ни бегите, заверяя: не имею сведений, не поверят; будут насмеяться над вами в чёрной прессе.

Афиджан: А можно создать?

Атая: Почему нельзя?.. В разведку берите только женщин.

Афиджан: Почему только женщин?

Атая: К вопросу подходите с соответствующей точки зрения. Во-первых, в этом деле необходимо строго блюсти тайну. Знаете, мужчины в отношениях нестойки, болтливы, не умеют хранить тайну. Во-вторых, многие алкаши, нет времени, будут сидеть в закусочной, есть хаш или хинкали, устроят потасовку и раскроют свои, чужие — без разницы — тайны. В-третьих, будут предьявлять надоедливые претензии.

Афиджан: То есть какие?

Атая: Будут претендовать на пост директора. Если поймут, создадут информационный поток о тебе, подозревая

друг друга, будут драться. А далее всё это получит освещение в газетах, телевизионных каналах, судах. В таком случае не перенесёте позора, Афиджан. Не забывайте, мужчины не смогут воевать с женщинами. Дамы в любом месте, в любое время могут взорвать бомбу, даже, если захотят, и в вашем кабинете...

Афиджан с удивлением смотрит на Атая. Дыхание сужается, встав, подходит к окну. Окинув взглядом двор, возвращается.

Афиджан: Меня с ума свела... Это запутанное дело.

Атая: Тут нет ничего такого, что свело бы с ума или запутало бы. Говорят, опора государства — народ. Сразу скажу вам: ложь, пустые слова, я не верю в это. Опора государства — безукоризненно созданная, системная и постоянно ведущая работу тайная разведка. Если сильна разведка — и государство могущественно. Снова повторяю: в настоящее время необходим приём дам в группу десанта.

Пауза

Афиджан: Двадцать семь отделов и отделений... Откуда мне взять двадцать семь штатов?

Атая: В отделах и отделениях привлечите на свою сторону лаборанток, а также дам, недовольных заведующими. Подыскав несколько наглых женщин, оформите их в качестве научных сотрудников в отделы. Если не будет поддержки, вас рано или поздно «гоп» проглотят.

Афиджан: Создать группу — трудная задача.

Атая: Поручите мне, за короткий срок создам группу. Даю слово, будет хорошей и надёжной поддержкой.

Афиджан: А-а... Значит, двоевластие! А мне не скажут, что ты затеял.

Атая хохочет. Афиджан растерянно смотрит на неё.

Атая: А кому должны давать отчёт? Всё останется между нами, Афиджан. Все в отдельности будут знать и получать задание от меня, друг о друге же не будут иметь сведений.

Афиджан: Что-то слова «разведка», «десант» мне не нравятся. Боюсь последствий.

Атая: Последствия — моё дело. Волков бояться — в лес не ходить. Помните, США операцию наступления на Ирак назвали «Буря в пустыне», а когда вторглись в Афганистан — «Ураган в горах».

Афиджан (*торопливо*): Эх, это США, а кто я?... Нет... Ханум, не хватайся за большое, пусть будет среднего уровня. Услышат, и тебя, и меня ночью доведут до состояния слез.

Атая: Правильно я поняла вас: говорите на среднем уровне и немного втайне? Эх, орешек здесь, фундук здесь, в любое время можем разбить: хи... хи... хи...

Афиджан: Откуда пришло тебе в голову это мероприятие?

Атая: Дорогой, человек живёт умом.

Афиджан меняет направление разговора.

Афиджан: Знаешь, через три месяца выборы директора. Профессора Мирфырылдагов и Хосузаде — мне альтернатива.

Атая: О-о-о... Посмотрите на претензии... собака чтоб ваша взбесилась.

Афиджан садится в своё кресло.

Афиджан: Нет... Я так не сказал бы. Оба — плохо, хорошо — учёные. По-моему, было бы хорошо, если б занялись наукой.

Атая: Старайтесь быстрее избавиться от тех, кем недовольны. Срочно создадим группу десантной разведки. Группа будет состоять из двадцати семи членов, а если каждый привлечёт на свою сторону одного человека, тогда вы получите примерно сорок семь — сорок девять процентов, ещё три-четыре процента получите от своих друзей. Опасность минует вас.

Афиджан: Боюсь своих. Когда видят — облизывают лицо, как соль, поют дифирамбы, а как только, повернувшись, отойдут на два шага, сзади бьют кнутом, пишут анонимные письма в вышестоящие инстанции.

Атая: Видите, каковы мужчины?

Афиджан: Устал от них, Атая, устал.

Атая: Если нет надежды на три — четыре процента...

Афиджан: Тогда придётся сдать кабинет?

Атая: Да, нет!.. Зачем сдавать? Наоборот, укрепить подгруппу.

Внезапно открывается дверь. Входит Гаджибала. Выглядит раздражённым. Не поздоровавшись, обращается к Атае.

Гаджибала: Взрослая женщина. Имей совесть, каждый день приходишь, садишься и болтаешь. Афиджан же, увидев женщину, тает, болтает часами. (*Обращаясь к Афиджану*). Ну, будешь принимать людей или нет?

Атая: Айя, убирайся к чёрту. Почему не понимаешь, мы не болтаем попусту, обсуждаем важный вопрос.

Гаджибала: Будем сидеть и ждать, когда улетит твоя птица, ты уйдёшь, а мы выложим своё горе.

Атая: Клянусь, Гаджибала, сыграю с тобой такую шутку, забудешь, откуда пришёл.

Гаджибала: Я учёный, не какой-нибудь там... проходимец. Я остался за дверью, а ты, вдовушка, здесь точишь

лясы.

Афиджан: Что за разговоры? Не умеешь разговаривать с ханум?

Гаджибала: Эх, мало произноси «ханум, ханум». Мозоль на языке набил, каждую мимо проходящую называешь ханум.

Афиджан: Не кичись учёностью. Взрослый мужчина, веди себя прилично. Видали твою учёность. Нет у тебя даже в размере фундука, как его название?

Атая: Учтивость?

Афиджан: Да, да. Выйди, закончу с дамой, потом с тобой поговорю.

Гаджибала: Эх, удовольствие какое! (*сам себе*): Как будто женщин не видал, бестия.

Атая: Не заставляй меня подняться, Гаджибала. Такие, как ты, довели Афиджана до собачьей жизни.

Пауза

Афиджан (*громко*): Ты не преувеличивай. Так не говори, стыдно.

Гаджибала (*Атае*): Атаманишь?... Эй, люди! ... Эй, люди!... Помогите, Атая меня...

Атая и Афиджан недоуменно смотрят на Гаджибалу.

Атая: Камень на твою голову, как медведь ревет. Молчу, не разговариваю, что разорался?

(Атая встает, толкая, выводит Гаджибалу за дверь). Подлец, людям язык развязываешь? Если войдут, будут издеваться над Афиджаном, что ответишь?... (*обратившись к секретарше Кате*). Из этого придурка не выйдет хорошего мужа.

Катя: Не кидай мне. Я не жена ему.

Атая: Эх, он взял, осталось тебе выйти за него.

Атая закрывает дверь. Афиджан и Атая садятся и продолжают разговор.

Атая: Где остановились?

Афиджан: Выборы. Вопрос о подруге.

Атая: Глупое дело — выборы. Порой самого человека вымывает.

Афиджан: Как это вымывает?

Атая: Чутьочку опустите ресницы, прикроете глаза, проявите халатность, знайте: проиграли, противник — победитель. Знаете, я из тех, кто даёт жизнь на городских и парламентских выборах. Была председателем двух избирательных комиссий. Понимаете, что это?

Афиджан: Думаю, опытная, поэтому хочу воспользоваться твоей помощью.

Атая уходит в раздумье. Подняв голову, смотрит в окно, что-то бормочет.

Атая (улыбается): Председателем должен быть человек, умело фальсифицирующий и прошедший проверку. В противном случае — проиграете.

Ну и противники ваши, нет слов, наглые. Сражаться с ними...

Пауза

Афиджан: Ночью сон пропадает, не могу закрыть глаза: чернота появляется перед глазами, вздрогнув, подпрыгиваю. И жену свёл с ума.

Афиджан боится, лицо бледнеет, качает головой. Атая улыбается.

Атая: Не мучьте себя. Если я взялась за дело — задуманное сбудется. Пойду, есть дела, потом поговорим.

Атая уходит. Афиджан о чём-то задумывается. Потом и он уходит. Свет гаснет.

ЯВЛЕНИЕ II

Кабинет. Афиджан ходит по комнате. Входит Атая.

Афиджан: Меня интересует организация, которую намерены создать. Раскрой её механизм, технологию, методику, что это такое.

Атая: Так сложно говорите, я вас не понимаю, попроще...

Афиджан: Проклятая должность. Столько думаю о ней, надоело...

Атая: Не унывайте. В руках — должность, печать, машина, секретарша, хоть и с дурной головой, не говорю даже о любителе птиц, вашем заместителе, которого вы всё время ругаете, глупом учёном секретаре.

Афиджан: Что случилось, не кидай с размаху.

Атая: Если будем служить одной вере, ваш кулак должен быть сильным, подавшему голос (*выдвинув кулак вперед*) — прямо в рот.

Афиджан: Что вы говорите, ханум, это очаг, науки не поле боя.

Атая: Под кулаком имею в виду клевету, шантаж, а не кидание с размаху.

Дверь открывается, входит Катя.

Катя: Матлаб Лянкарани и Мадат Зянгилани пришли на встречу с вами.

Атая сердится.

Атая: Попали в клин (*обращаясь к Кате*). Слепая, не видишь, важное дело, как его (*обращаясь к Афиджану*), вы скажите да...

Афиджан: Может, Матлаба Лянкарани и Мадата Зянги-лани...

Атая: Нет, пусть подождут, к чёрту, что пришли ... как только уйдут, придёт Фазил Маштагалы... Хватит заходить в кабинет, выходить.

Катя: А-а-а. Я выполняю свои обязанности.

Атая (*повышает голос*): Глупая... А мы что делаем? Пусть освобожусь от работы...

Секретарша, обиженная, уходит.

Афиджан: Не сердись... Переходи к основному вопросу...

Атая: Да, вы спросили, какова технология.

Афиджан: Механизм, методика, средства...

Атая: Есть двадцать семь точек, в каждую из них направим один десант.

Афиджан: Что, десант?

Атая: Себя не топите.

Афиджан: Меня не пугайте.

Афиджан, закрыв глаза, раздумывает.

Атая: Против тебя ведётся пропаганда. До выборов необходимо провести работу.

Афиджан: Только этого не доставало. Но что говорят?

Пауза

Атая: То, что говорят о Мирфырылдагове и Хосузаде. Кому можно закрыть рот? Создадим десантную разведыва-

тельную группу. Если будут говорить по-другому, по одному позвав, разорву пасть. Афиджан, вам нужна рыба или голова?

Афиджан: И то и другое.

Атая: С тремя дамами поговорила. У двери дожидаются, хваткие, за словом в карман не лезут; слово хватают на лету, коня на скаку останавливают да всадника сбрасывают с коня.

Афиджан (*раздумывает*): Аха... А вдруг члены десанта возьмутся за меня?

Атая: Нет... Что вы говорите? Будут ждать моих указаний. Не запаздывай, дай приказ, размести в отделах. На днях ещё двух приведу. С ними буду проводить занятия на дому.

Афиджан: Демократия: ха...ха...ха...

Пауза

Атая: Жизнь с головы до ног сплошь обман. Имеете хитрость — всё ваше. Скажу открыто, если я буду председателем комиссии, а приведённые дамы — членами, кто что хочет, пусть бросает, девяносто восемь целых пять десятых процентов из ящика выйдете вы. Ни один человек не сможет пикнуть. Пусть Мирфырылдаговы, Хосузаде чешут животы.

Афиджан: Скандала, интриги, писанины не будет?

Атая (*качая головой*): Смотрите сами, есть две дороги: или, не дожидаясь выборов, должны оставить пост, или мешать кастрюлю. Выберите первый путь — назовут мямлей, второй — мошенником. Что лучше? Мямля или мошенник?! Не забывайте, Афиджан, живём в таком хаотическом обществе, в котором все мошенники, как говорят, «мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет». Всё достигается путём махинации. Успех, удача в нашем слепом обществе принимаются за победу, Афиджан.

Афиджан: Говоришь, выбрать второй путь?

Атая: Другого пути нет. Не выберите — на бульваре будете или играть в домино, или смотреть на прохожих.

Смеются.

Афиджан: Не раскрыла ведь технологию, механизм выборов.

Атая: Не морочьте мне голову такими терминами. Брошенные в отделы десанты усыпят бдительность.

Афиджан: Как?

Атая: Во-первых, у кандидатов проснётся вера в объективность комиссии; как рыба приближается к червячку, надетому на удочку, так и кандидаты, приняв за своих, приблизятся к десантам, раскроют душу и будут просить у них помощи. Естественно, дамы в лицо будут говорить «да», «да», а за глаза «убирайся». Было желание — и Бог исполнил.

Афиджан: Как тебя отблагодарить?

Атая: Как? Увеличьте жалованье, вот и всё.

Афиджан (*приложив руку к глазам*): С удовольствием.

Атая: Не разрешайте жене и дочери посещать это учреждение. Пусть сидят у себя дома и не болтают попусту. Слово мгновенно доходит до хозяина. Их приход, вмешательство в чужие дела может породить к вам ненависть у работников. Боюсь, усилия пойдут насмарку.

Пауза

Афиджан: Привыкшие. Не совладаю с ними.

Атая: Выкиньте эти слова из головы. Скажут, если не может справиться с женой, дочерью, какой из него директор.

Афиджан: Правильно говоришь насчёт жены, несчастлив я.

Атая: Должность такова.

Афиджан: Да... Всем слуга, и каждый зло насмехается

над тобой.

Атая уходит, приходит Катя.

Катя: Ждать Матлабу Лянкарани и Мадату Зянгилани или уходить? Есть и другие.

Афиджан: Скажи, меня вызвали. Приём будет завтра.

Дверь открывается, входит Гызбаджи. Катя старается помешать ей.

Гызбаджи: Если не примете меня, разрушу, подожгу...

Афиджан: Опаздываю. Вызвали наверх, в министерство... в другое время...

Гызбаджи: Нет. Пришла, меня должны выслушать да вежливо.

Афиджан: Почему?

Гызбаджи: Вы директор, я сотрудница. Если меня не будет, вас сюда не назначат руководителем. Раз поставили, вам долг — выслушать меня.

Афиджан: Попал в неприятную историю.

Гызбаджи: Если не нужна была б помощь, не пришла б к вам и не требовала бы: «Выслушайте меня!».

Афиджан задыхается, тянет галстук. Галстук развязывается. Рассердившись, Афиджан бросает его на пол.

Афиджан: Плевать на нутро.

Гызбаджи: И мне плевать.

Афиджан: Что за разговоры? Взрослая женщина. Ты с ума сошла? Разве не имею права плевать на свой галстук?

Гызбаджи: Раз вы говорите это слово при мне, значит плюёте не на галстук, а на меня. Если хотите плевать, для

этого есть дом. Дома хоть плевок облизывайте. За такие поступки потому и судачат о вас.

Афиджан: Что хотели сказать? Слушаю.

Гызбаджи: Хи... хи... хи... Ради денег куда только не суёте нос. Почему мне не даёте премию? Всем даёте.

Афиджан (*недолго думая*): Каков рот?

Гызбаджи (*в неудомении*): Каков у вас, таков и у меня.

Афиджан: Можешь хранить тайну?

Гызбаджи: Если надо, да.

Афиджан: Скоро выборы. Мне немного, пять-шесть голосов можешь организовать?

Гызбаджи: Душу вытрясу.

Афиджан: Тогда ты мне, я тебе.

Гызбаджи: Да?

Афиджан: Договорились?

Гызбаджи: Да...

Афиджан: Тогда иди, не беспокойся.

Гызбаджи уходит. Афиджан приводит в порядок стол, тихими шагами выходит из кабинета. Гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ III

Сотрудники собрались в зале, на встречу с Мирфырылдаговым и Хосузаде. Входят и садятся Афиджан, Макирли, Мирфырылдагов. Макирли встаёт.

Макирли: Дорогие коллеги! Это собрание посвящается встрече с кандидатами на пост директора. Хотел бы, чтобы кандидаты рассказали о своей платформе. Слово предоставляется кандидату на пост директора профессору Мирфырылдагову.

Мирфырылдагов (*встаёт*): Какую необычную плат-

форму можем выдвинуть? Давайте оставим завирательство, будем вести реальные разговоры. Если буду избран, укреплю дисциплину, повышу качество исследования, усилю контроль за качеством исследования, улучшу материальное благосостояние сотрудников...

Пауза

Атая: Разве уважаемый директор, профессор Афиджан до сих пор не старался ради перечисленных тобой пунктов? Ты вместо сотрудников будешь проводить исследования, чтобы повысить качество?

Мирфырылдагов: Нет... Если нет дисциплины, не может быть разговоров о качестве работы. Сотрудники месяцами не приходят на работу. Разве это неправда?

Гюлюш: А чем заняты эти люди? Не клевети на Афиджана. Он так тебя лягнёт, клянусь Всевышним, не сможешь убежать. Иди, ищи себе работу.

Мирфырылдагов: Что за разговоры, ааз? Хвала Всевышнему! Кто дал тебе право?... Афиджан?

Гызбаджи: Афиджан тут ни при чём.

Мирфырылдагов: Тогда вы из какой банды? Вас сюда бросили, чтоб командовали нами?

Гюлюш: Каждый пришёл сюда, чтоб заработать для детей кусок хлеба. И этого вы хотите лишить?

Атая: Какая банда? Думай, что говоришь. Скажу тебе такое слово, что незрелые плоды с тебя упадут. Умная жена не будет жить с тобой под одной крышей.

Афиджан: Кто, что хочет, пусть говорит, не мешайте. Демократия, плюрализм — всё должно быть в рамках приличия.

Зюлюш: Мирфырылдагов, сколько времени говоришь, молчим. До каких пор афёрой будешь заниматься? Ведь ты носитель идеи «без kota мышам масленица». Наверное, думаешь, что тебя не знают. Сними свою кандидатуру, не позорь себя.

Мирфырылдагов: Ханум, ты не беспокойся. Сто раз измерив, один раз отрезав, выдвинул свою кандидатуру (*смеясь*). Волков бояться — в лес не ходить.

Атая: Не смейся. Катя готова, ждёт намёка, раскроет сундук, разоблачит твои неблагоприятные дела.

Мирфырылдагов (*сердится*): Кто такая Катя? Что за сундук? Что за тайна?

Гызбаджи: Не тужься. Без беды не будешь рабом...

Атая: Нас не разыгрывай, Мирфырылдагов, услышь: у нас один голос, и он принадлежит Афиджану.

Гюлюш: Не спорь, профессор. Специально не называю имя дамы, взявшей у тебя три тысячи. Узнал да, о ком речь? Взяла, не сможешь отрицать. Скажи правду, взяла? Взяла! Факт...

Пауза

Была с тобой в доме знакомых? Была! Есть свидетели. Тебя шантажировала? Шантажировала!

Пауза

Доказательства перед глазами. Голого, как соловья, в различных позах фотографировала? Фотографировала. Неопровержимых улик достаточно. За тобой поехала в санаторий? Поехала. Живы свидетели. И там с тебя содрала три тысячи? Содрала. Видели.

Атая (*рассержанная*): Айя, какой беспечный человек!

Мирфырылдагов: Всё ложь... Выдумка. Тебя отдам под суд. Покажите эти фотографии.

Зюлюш: Какой суд? Сказанное Гюлюш записано и передано на телефоны сотрудников (*обращаясь к сидящим в зале*). Передано? (*Все утверждают*) Голос твой записан на диктофон? Записан. Можешь послушать. Собранные о тебе факты есть в интернете? Есть. Можешь почитать. Что на всё это скажешь?

Пауза

Атая: Факты... Доказательства... Улики... Свидете-

ли... Голос... Не петушись. Если посмотреть в глаза твои...

Мирфырылдагов: Что?

Гызбаджи: Рогоносец, дудка. Хочешь, открою телефон, снова всем продемонстрирую.

Мирфырылдагов: Убери телефон. Если я пороюсь в твоём мусоре, многое всплывёт наружу. Вдова такая да, что хочет, то и говорит.

Гюлюш: Меня не заставляй подняться на ноги. Если встану...

Атая (*двумя руками обхватив лицо*): Бесстыжее лицо. Кончайте безобразия!

Мирфырылдагов: Попал в клин.

Пауза

Гызбаджи: Попал, да ещё в самый большой.

Атая: Что в силах — делай. Не можешь — не делай, не будь жвачкой во рту у всех. После этого выбравшего тебя...

Мирфырылдагов: Излили душу?

Зюлюш: Тот, кто не может сберечь себя, другим может обещать хорошее житьё. Ему поверят? Сиди, Мирфырылдагов, на месте, не живи пустыми мечтами.

Смех в зале. Макирли встаёт.

Макирли: А сейчас слово предоставляется Хосузаде.

Хосузаде: Сразу скажу, между моей платформой и платформой Мирфырылдагова нет резкой разницы. Дополнительно скажу: уделю большое внимание культурно-массовым мероприятиям, организую частые экскурсии на природу, создам условия для обзаведения молодёжи семьёй, решу квартирный вопрос.

Атая: Аяя, не завирайся. Каким образом всё это делаешь? Ты выбираешься президентом страны или директо-

ром института? Хоть один раз в жизни на сломанный палец... Когда ты говоришь, еле себя сдерживаем от смеха. Не думаешь, все над тобой будут насмехаться. Молчи в тряпочку, чтоб голоса твоего не слышно было.

Хосузаде: Атая, ты не сможешь меня опозорить. Тебя ночью... с руками, да с ногами...

Гюлюш (*качая головой*): Потерял гнездо, стал бродягой. Ни стыда, ни совести; не осталось щели, куда не совал бы нос.

Зюлюш: Не сможешь стать ни человеком, ни учёным, ни директором. Хосузаде, учёные бывают двух разрядов: действительные и фиктивные. Мирфырылдагов и ты из фиктивных.

Хосузаде: Ага... ну, хорошо, Зюлюш.

Атая: Никогда никем не будете, оставьте притязания. Не можете отделить зло от добра, да к тому же нахальны.

Макирли встаёт с места.

Макирли: Мужчины, народ не хочет вас. Силой нельзя баллотироваться. Идите ищите себе работу.

Мирфырылдагов: Спасибо, Макирли. На стороне с нами приятель, а здесь разговариваешь по-другому. Не ты ли подстрекал на эти выборы?

Макирли: Нет, я вас не подстрекал. У меня одно лицо.

Пауза

Хосузаде: Макирли, ты шайба, подкладываемая под любую гайку. Перед этим сплетничал об этих дамах, а сейчас рассказываешь неуместное. Постеснялся бы и молчал.

Зюлюш: Какой из него мужчина?! После выборов и на него посмотрим.

Макирли: Что на меня смотреть. Моё дело — натягивать на вас одеяло, надоело.

В зале начинают переиёптываться. Афиджан встает.

Афиджан: Тихо... Тихо... Не углубляйтесь. Не смешивайте товары, говорите по очереди.

Хосузаде: Где взрастил этих атаманов, Афиджан?

Афиджан: Будь проклят отец взрастившего атаманов.

Атая: Осталось нас оклеветать... (*обращаясь к Макирли*). И ты хорош...

Гюлюш: Эх... и он один из нас.

Зюлюш: Недоставало совы.

Атая: Мужчины, вы несерьёзные люди. Не доводите сотрудников до отчаяния: переполнится чаша терпения.

Зюлюш (*обращаясь к Макирли*): Видно, и ты одного поля с Мирфырылдаговым и Хосузаде ягода. Каналья, исподтишка бросаешь удочку на Афиджана. Не разговариваем, молчим, думаешь: несведущие.

Гюлюш: Хоть сто раз Хосузаде и Мирфырылдагов выставляют свою кандидатуру, поверьте, проиграют. Давайте кончим это представление.

Люди, встав, покидают зал.

ДЕЙСТВИЕ II ЯВЛЕНИЕ IV

Зал заседаний полон сотрудниками. Входят представитель министерства Мейдулла, Афиджан и его заместитель Макирли. Садятся за специально отведённый для них стол. Афиджан приветствует сотрудников и предоставляет слово для выступления Мейдулле.

Мейдулла: Дорогие коллеги, около десяти лет я с вами

работаю в одной системе. Ваша деятельность меня вдохновляла. Ваш передовой опыт всеми поощрялся. И сейчас научный потенциал коллектива велик. Скажу открыто, в отличие от прошлых лет, в последнее время в вашей деятельности чувствуется серьёзное отставание.

Зюлюш: Нет, коллектив работает в полную силу. Правда, порой один-два случайных холопа тормозят работу, но в скором времени и этих холопов предадим огню.

Пауза

Гюлюш: Господин Мейдулла, в коллективе есть люди, которые сеют раздоры и директора втягивают в интриги. Желания этих людей мы пресечём в корне.

Мейдулла: Я не закончил своё слово. Дайте возможность разделить своё мнение с вами.

Афиджан, подняв руку, даёт знак залу «успокоиться». Зал постепенно смолкает.

Афиджан: Пожалуйста, господин Мейдулла.

Мейдулла: Вы говорите: всё хорошо. Люди искренни. На миг и я поверю вам. Спрашиваю, кто пишет, приведя конкретные факты, о коллективе, директоре, некачественных исследованиях в вышестоящие инстанции.

Пауза

Профессор Мирфырылдагов здесь?

Мирфырылдагов встаёт.

Мирфырылдагов: Да, здесь.

Мейдулла (*показывая заявление*): Это заявление написано вами?

Мирфырылдагов: Всё написанное подтверждаю на сто процентов.

Мейдулла: Дополнительно что скажете?

Пауза

Мирфырылдагов (*прочищая горло*): Дополнительно скажу: в этой организации установилось двоевластие. Чтобы выполнить какую-либо работу, надо пройти сначала под флагом Атая, потом директора. Кто такая Атая? Какие даны ей полномочия? Раз пришли, выясните, что это за двоевластие. Если не противоречит закону, мы подчинимся. Если не по закону, тогда пусть господин директор разъяснит отношения между собой и Атаёй.

Мейдулла: Ага... Наверное, краски сгущаются.

Мейдулла, повернувшись назад, смотрит сначала на Афиджана, потом на Макирли. Макирли просит слово. Мейдулла предоставляет ему слово.

Макирли: Не могу сказать, на каком основании профессор Мирфырылдагов выдвинул вопрос о двоевластии. Атая — член директорского комитета. В обсуждении вопросов учитывает демократию. Правда, немного жёсткая, не идёт на уступки, но оклеветать Атаю и уважаемого директора Мирфырылдагов не имеет права.

Профессор Хосузаде, подняв руку, просит слова.

Хосузаде (*раздражённо*): Девяносто процентов сидящих в этом зале были недовольны деятельностью директора. Скажите, почему сейчас не подаёте голоса? Может, не хватает смелости?

Атая: Профессор, ты хотя бы молчал. Хорошо знаем, как получил диплом профессора.

В тот день в своём десятиминутном выступлении сто семьдесят восемь раз использовал выражение: «так сказать», шестьдесят два раза — «как его там», сорок четыре раза — «ну». Раз директор требует у тебя качественного

исследования, его необходимо шантажировать? Запомни, неграмотному учёному, как ты, среди нас нет места. Было бы хорошо, сам, написав заявление, уйдёшь. Очень прошу вас, господин Мейдулла, предоставьте слово его лаборантке Зюлюш. Правду она скажет.

Зюлюш (*сначала робко, потом разгорячась*): Правда, я не готова говорить. Раз заставляете, в двух-трёх предложениях и я выскажу своё мнение. Во-первых, Хосузаде, не стесняясь, не краснея, что хочет, говорит. Стыдно за него: ведь неприлично, непозволительно при женщинах так разговаривать. Раза два хотела мужу сказать, чтоб ему, когда выйдет отсюда, нададал хорошенько. Атая ханум попросила не говорить мужу, может, исправится. Он с рождения горбат, неисправим. Работать с таким мужчиной в одном отделе считаю оскорблением. А что касается профессора Мирфырылдагова, о нём говорить считаю для себя недостойным. Чего ждать от заведующего отделом, который роется в сумках сотрудников и собирает пожертвование. Пусть сначала займётся своим воспитанием, потом говорит о других.

Мирфырылдагов: Что она говорит?

Хосузаде: Айя, она ведь не такой была, кто её сбил с пути?

Слово предоставляется Гюлюш.

Гюлюш: Этой организации нужен был директор, и коллектив демократическим путём выбрал его. Вот мы и работаем с этим директором, что, другие будут лучше Афиджана. Нет...

Из Мирфырылдагова и Хосузаде не получится директора: каждый день приходят на работу в пьяном состоянии. Я предлагаю обоих профессоров удалить из коллектива. Мы, дамы, пришли к единому мнению: если они будут работать здесь, то мы уйдём с работы...

Шум нарастает, никто никого не слушает. Мейдулла, чувствуя, что может произойти драка, садится на место.

Мейдулла: Профессор Макирли, управляйте собранием.

Макирли встаёт.

Макирли: Выдвинуты серьёзные обвинения против профессоров Мирфырылдагова и Хосузаде. Если эти обвинения выдвинули бы мужчины, можно было бы не обращать внимания, но на мнение женщин мы не можем смотреть сквозь пальцев.

Хосузаде и Мирфырылдагов создали союз. Можете сказать, что за союз? Не секрет, что три месяца назад на объективно проведённых выборах они проиграли. Вместо того чтобы, как мужчины, принять положение, посмотрите, какой путь выбрали эти люди. Запятнать коллектив, унижить директора на глазах сотрудников, оклеветать чистых людей... Это подлость. Так нельзя.

Пауза

Атая: Дорогие мужчины — я имею в виду не всех — могут на миг закрыть глаза на деяния Мирфырылдагова и Хосузаде, ибо они мужчины. Женщины-праведницы не могут и не хотят работать с распущенными и аморальными мужчинами. А раз женщины не хотят, как руководство может проявить милость к этим профессорам. Я прошу дайте возможность высказаться всем желающим женщинам.

Гызбаджи: Ай киши, если эти люди хотят отомстить Афиджану — их дело. Какое имеет отношение месть к коллективу? Каждый день, преграждая дорогу, угрожают нам за то, что не проголосовали за них. Иной раз ведут с нами интимные разговоры. Придёт муж...

Мирфырылдагов (не выдержав): Будь проклят отец того, кто говорит неправду. Айя, Хосузаде, эти ведьмы совсем опозорили нас. Айя, какую ошибку совершили, что взяли в руки карандаш. Люди, разве Хосузаде, как вы утверждаете, такой ловелас? Он, бедный, от застенчивости, подняв голову, посмотрел на людей? Что нам делать? Чтобы скрыть преступления, посмотрите, какие способы используете?!

Баязханум: Какова цель ваша, что на Афиджана Мераджлы клеветаете?! Чтобы унижить коллектив? Нет, это вам не удастся. Говорю вам заранее, слушайте, коса нашла на камень.

Пауза

Катя: Взрослые мужчины. Имеете звание профессора, а сами афёрой занимаетесь. А раз не разглашаем, думаете, языка не имеем, или немые?! Так закричу, уши оглохнут. Занимаетесь киллерством, разного профиля фотографии, вульгарные слова, шутовство, диверсии и тому подобное. Не стесняетесь содеянного? Что хотите от коллектива?

Голоса с мест: Спасибо, Катя... Молодец! Отлично!... Вот так...

Афиджан (с места): Остановись. Это дело было раз и прошло.

Катя: Я говорю правду, что есть на самом деле.

Макирли: На этом собрании речь идёт не о нём. Сколько повторять, говори о выборах.

Хосузаде: На этом собрании дураку напоминаете о камне. Бросили два ореха в котомку и, побрякивая, ходите по кругу. Специально отдаляете народ от основного вопроса. Мы не пойдём на уступки ни тебе, Макирли, ни интриганке Атае, ни карьеристу Афиджану. Я говорю от своего имени: началась война.

Айя, Афиджан, этих дам, спровоцировав, зачем напустил на нас? Этих бедняг обманом сманили сюда. Глупыми

обещаниями «вас сделаем учёными» разрушаете их семьи, обрекаете детей на сиротство, и они ведь дети нашего народа.

Пауза

Макирли: Ты говоришь неправду, профессор. Кашу заварил Мирфырылдагов.

Хосузаде: Сам лжёшь. Мирфырылдагов порядочный человек, не глупый, как ты.

Атая (*с места*): Посмотрите, кого обеливает.

Хосузаде: Не думайте, что мы уснули, не имеем сведений. Мы знаем, чем и как вы дышите, но молчим. Мирфырылдагов требует свои права, а вы его слова истолковываете неправильно. Макирли и Афиджан, я обращаюсь к вам. Не старайтесь унижить людей, избавьтесь от невежества, мракобесия. Ведь есть пословица: «Когда роешь яму, рой шире», «Палка имеет два конца»...

Макирли: Чем нас учить, обратите внимание на себя.

Афиджан: Не угрожайте нам, Хосузаде. Мы не просто так поднялись на эту вершину. Можем отличить добро от зла. С нами распиваете, а за спиной роете под нашими ногами, предаёте нас, создаёте банду. Может, всё это будете отрицать?

Хосузаде: Во-первых, не лгите, ни я, ни Мирфырылдагов не такие люди, чтобы распивать с тобой; во-вторых, союз создали вы с Атаей. Ваши действия являются диверсией против нас. Посмотрим, чем закончится эта диверсия.

Гюлюш: Вашей трагедией.

Мейдулла встаёт. Спокойно и выдержанно произносит.

Мейдулла: Я вижу, это место превратилось в гнездо интриги. Здесь господствует анархия. Два фронта противостоят друг другу. Дамы, назвав Хосузаде и Мирфырыл-

дагова бабниками, не хотят с ними работать. Это серьезное обвинение.

Гызбаджи (*с места*): Мужик должен быть бабником...

Все смеются.

Мейдулла: А что касается совместной работы этих профессоров с вами, надо хорошо подумать.

Мейдулла, собрав свои бумаги, уходит. Люди выходят за ним из зала.

ДЕЙСТВИЕ V

Дом Афиджана. Афиджан лежит на диване. Жена Халима, сидя на стуле, перелистывает журнал. Оставив журнал, оборачивается к мужу.

Халима: Афиджан, жизнь прожита, а ничего хорошего не увидели.

Афиджан: Да, если даже повесимся, будем иметь миллионы, не сможем вернуть прошедшие дни, преградить путь течению жизни.

Халима: Жизнь жестока но очень удивительна... В детстве и молодости имели один облик, сейчас — другой. Изменились и внешне, и внутренне.

Пауза

Афиджан: Такова философия жизни.

Халима: Не знаю философию; диабет, недостаточность сердца меня лишили сил, не говорю о мелочах.

Афиджан: Вбила себе в голову. Сколько раз говорил, не думай об этом.

Халима: Говорить легко, Афиджан. Болезни в моём те-

ле. Разум неотделим от тела. Если б могли устроить внуков...

Афиджан поднимается с дивана, подходит к окну, потом оборачивается в сторону жены.

Афиджан: Всё взваливаешь на свои плечи. Разве у внуков нет матери, отца? В этом возрасте должны заботиться о внуках? Как мы выросли, построили дом, кто-нибудь знал? Хватит, ради Бога, дай возможность хотя б после этого...

Халима: Что?

Афиджан: Пожить.

Халима: Что за жизнь без детей?

Афиджан: Разве сват и сваха так же рассуждают, как ты? Нет... Когда внуки болеют, придумав причину, смываются, даже по телефону не справляются об их здоровье.

Халима: Тебе и слова не скажешь. Привык, выбрасывая яд, жалить. И в тот день дети упрекали тебя.

Афиджан (*улыбаясь иронически*): Поздравляю... Дело неблагодарных — упрекать. Сколько осталось жить? Не можем жить без упрёков.

Халима: Как ладишь с людьми на работе?

Афиджан изменяется в лице.

Афиджан: Сто раз говорил: не вмешивайся в мою работу.

Халима: Много не говорю открыто, Афиджан, думаешь, слепая и глухая. Войдя в кабинет, сразу вызываешь Атаю. Не говорю о Кате... Для тебя нет разницы между белым и чёрным.

Пауза

Афиджан: А теперь ревнуешь к Атае? В нашем роду не

было мужчин, удовлетворённых жёнами. В этом возрасте не знаю свою работу?

Халима: Вижу... Достиг вершины сумасшествия.

Афиджан косо смотрит на Халиму. В состоянии раздражения берёт со стола журнал и сразу же бросает на стол.

Афиджан: Почему вчера дочь Рюсаля пришла на моё рабочее место? Как мать спросила, в чём вина Гюнеш, что Рюсаля так её опозорила. Лишили меня авторитета. Надоели мне.

Халима: Почему?

Афиджан: Заботиться о родственниках, сватах, шури-не, своячнице...

Халима: Всё сам сделал.

Афиджан: Что сделал?... Каждый день, слушая негодных людей, испортили мою жизнь. Ради куска с домашними воевать или на работе с сотрудниками? Несчастен я.

Услышав слово, и дочь, и ты сама, как сумасшедшие, на моём рабочем месте устраиваете скандал, атаманите... Стыдно.

Халима: Айя... не кричи. Тебя знаю с того времени, когда вылупился из яйца. Так быстро забыл время, когда тебя из разведки выгнали за воровство, когда фельетоны писали в газетах о твоём мошенничестве.

Пауза

Будь проклят мой отец, если говорю неправду: ты сошёл с ума. Дала себе слово: не угомонишься, сама пойду туда и устрою такой скандал, который увидишь своими глазами и не забудешь. Не стыдишься, говоришь, что дочь избил Гюнеш, надо было убить, и не только её, но и тебя.

Афиджан (рассердясь): И дома, и на работе — клевета. Я воровую, мошенничаю. Не читала постановление суда на-

счёт телевидения и газеты, не слышала, за клевету наказывают. Хвала тебе, такой жене! Теперь уже сама и дочь занимаетесь клеветничеством. Правильно сказано в пословицах: «Яблоко от яблони недалеко падает», «Какова мать, такова и дочь» (*повышая голос*). Будь проклят отец, ругающего меня... в этом возрасте пристойно мужчине разводиться с женой?

Пауза

Халима: Не кричи. Ты не сможешь развестись со мной, Афиджан. Захочу, сама тебя вытурю. Да ещё такие пословицы приведу, сам удивишься. Не произноси имя дочери. Ну и что, что вынуждена называть тебя «отцом».

Афиджан: Вот новость. Халима, разве не я отец Рюсали?

Халима: Такое тебе покажу, до конца дней своих запомнишь.

Афиджан: Пепел на твою голову, Афиджан, старость — не радость, даже и жена не слушается. В этом возрасте ревнует.

Халима: Не ройся в мусоре, раз сожалеешь, что живёшь со мной, забирай штаны и уходи.

Афиджан: Не беспокойся, не забуду, когда буду уходить, заберу.

Дверь открывается, разговор прерывается. Рюсалия с мужем входят в комнату. Вошедшие дочь и зять мгновенно замечают раздражённость Халимы и Афиджана. Здороваются. Рюсалия и Сарраф садятся.

Халима (Афиджану): Что хочешь сказать, скажи им в лицо.

Рюсалия: Что случилось, мать?

Сарраф (обращаясь к тестю): Сплетничать о Рюсале лично я, Сарраф Савалан оглы, запрещаю вам.

Рюсалия (*мужу*): Эх, да подожди ты. Говорит о драке с Гюнеш?

Халима: Ну да.

Рюсалия: Пусть отец радуется, что и его не присоединила к Гюнеш. Если бы знала, что будет сплетничать, клянусь жизнью дочери Гугуш...

Афиджан: Спасибо, Халима.

Халима: Почему я?

Афиджан: Вот кого ты родила.

Сарраф (*Афиджану*): Последнее предупреждение: запрещаю вам плохо отзываться о Рюсале.

Афиджан: Сарраф, у меня к тебе три вопроса.

Сарраф: Пожалуйста. Закончил два высших учебных заведения, чистосердечно и точно отвечаю на твои вопросы.

Афиджан: Сколько времени прошло с тех пор, как породнился с нами? Сколько имеешь детей? Хоть один день Рюсалия и ты сам работали?

Сарраф (*понимая, с какой целью Афиджан задал вопрос*): Ай, ай, взрослый мужчина, задавай вопрос, достойный тебя, чтоб я тоже ломал голову. Что это за вопросы?

Халима: Постой, постой я отвечу. Шестнадцать лет прошло с того времени, как породнился с нами. Имеет троих детей. И никогда не работали. Из твоего заработка и они по ложке съели. Что, конец света наступил? Мужчина не должен попрекать.

Сарраф: Конечно, мужчина.

Рюсалия (*отцу*): Отец, понимаешь, что говоришь? Вдруг я родилась бы не девочкой, а мальчиком, и ты привёл бы Саррафа в дом как невесту, тогда эти вопросы ты задал бы и невесте Саррафу? Я стыжусь за тебя, отец, никак не ожидала от тебя. Невестка или зять, какая разница?

Пауза

Сарраф: Господи, что мы обсуждаем! Умри. Сарраф, умри! В каком ты положении оказался... (*качая головой*).

Не протестую, вот твоя дочь, вот ты. Возьми, обеспечивай, (*поднимаясь*) я пошёл.

Халима: Садись, сынок, я ещё не умерла, чтоб ты, оби-девшись, ушёл из этого дома.

Рюсалия: Стыд, большой стыд, отец.

Афиджан: Вай... вай... вай... Умри, Афиджан Мераджли, до какого состояния довела тебя жена.

Рюсалия: Меня не серди, клянусь твоей жизнью, сколько буду жить, не буду называть тебя отцом; если отвернусь..., даже умрёшь — не пойду на могилу твою. Клянусь жизнью Саррафа и его не пущу.

Сарраф: Что мне делать там, где тебя нет, тем более на могиле.

Халима: Вас не виню, дети, если жизнь опротивеет человеку, что хочешь сделает.

Рюсалия: Что за разговоры? На работе все над тобой насмеваются. Ходят слухи, что каждый день сидите вместе с Атаей нос к носу и что-то готовите. Создаёте состоящую из женщин то «Группу связи с общественностью», то «Личный отдел защиты», то «Разведывательную группу». Что, для проведения операции мужчины не годятся?

Афиджан: Это новая шутка?

Сарраф: Главная шутка, какая разница новая или старая.

Афиджан: Атая — умная женщина, но у неё нет учёной степени.

Халима: Ум же есть.

Афиджан: Вместе с умом и учёная степень должна быть (*выпячивая грудь*). Не в каждом человеке оба совмещаются.

Халима: Не петушись. На что ты способен... (*громко*) что ожидать от мужчины, который ложится в мягкую постель и не может встать.

Сарраф (*удивлённо*): Точно?

Халима: Точно... Я не бросаю слова на ветер.

Афиджан: Из домашнего телёнка не выйдет бык.

Сарраф: Хи... хи... хи... как наш петушок с красным гребешком.

Пауза

Рюсяля (мужу): Умри на месте. Сто раз говорила, пока не шевельну пальцем, не хихикай, не дам знак — не разговаривай. Кому говоришь... Опять попусту...

Сарраф: Хорошо, джана.

Халима (обращаясь к мужу, сердито): Учись, как нужно разговаривать с женой... Привык хорохориться.

Афиджан (сам с собой): Клин! Да какой! Клин на работе, клин дома. Вай... вай... не пожелаю и врагу своему.

Сарраф: Тесть, не употребляй слово «клин»: когда слышу это слово дрожь охватывает меня, чего не пожелаю и врагу своему.

Афиджан (качая головой): С одной стороны сердце, с другой — жена лишили меня мужества.

Халима: Не говори о мужестве, его не вводят шприцем...

Сарраф: Чем потерять мужество, тесть, лучше самому...

Звонит телефон, трубку берёт Афиджан.

Катя: Здравствуйте, Афиджан.

Афиджан: Здравствуй, слушаю.

Катя: Срочно приходите... Сверху ... из министерства...

Афиджан: Сейчас... Пусть ждут.

Афиджан Мераджлы собирается уходить.

Халима: Идёшь попусту болтать...

Рюсяля: Если опять туда пойду, пыль столбом подни-

мется...

Сарраф: И какая пыль! ...ха... ха... ха...

Афиджан уходит. Остальные переходят в соседнюю комнату. Свет гаснет.

ЯВЛЕНИЕ VI

Афиджан сидит в кабинете, разговаривает по телефону. Раздражён. Через некоторое время кладёт трубку. Дверь открывается. Входит мужчина с остроконечной папахой на голове. Здоровается. Афиджан кивает головой на приветствие.

Мужчина: Можно войти?

Афиджан: Вошёл уже. побыстрее скажи своё слово, есть мероприятие.

Мужчина: Я муж Гаджи Гюляндам. Она недавно устроилась к вам на работу. Я помощник Мамеда Гусейна, ахунда мечети, что находится вблизи.

Афиджан: Очень хорошо.

Мужчина: Сегодня утром был разбужен телефонным звонком. Испугался, подумал от родственников недобрая весть. На самом деле, и оказалась недоброй вестью. Быстро взял трубку. У нас параллельный телефон, и жена Гаджи Гюляндам в соседней комнате подняла трубку. Послушал, понял, что разговаривает работающая у вас Атая.

Пауза

Афиджан: Дама с дамой разговаривает по телефону. Что тут необычного?

Мужчина: Необычно то, что Атая часто употребляла слова «десант», «батальон». Говорила: «Тебя брошу в

десант». Не разобрался, пришёл узнать, что это такое.

Атая заморочила голову моей жене. У меня дети, ещё не справил им свадьбу. Если так пойдёт, эта женщина разрушит мой дом, мою семью.

Афиджан: Откуда мне знать, о чём разговаривали Атая и Гаджи Гюляндам. Может, слова «десант», «батальон» являются паролем. В делах женщин сам чёрт не разберётся. А сам говоришь, что ты помощник ахунда. Такие вещи ты должен лучше меня знать.

Мужчина: Если б понял жену, сюда не пришёл бы.

Афиджан: Твою жену я должен понимать?

Дверь открывается, в кабинет входит Атая.

Афиджан: Легка на помине. Атая ханум к месту пришла.

Атая (*улыбаясь*): О чём разговор?

Мужчина: Сегодня с утра, ещё не успела лиса помёт выбросить, а ты уже Гаджи Гюляндам заморочила голову.

Атая (*изменяясь в лице*): У Гаджи Гюляндам есть голова, чтобы я её морочила.

Мужчина: Она моя жена, я не разрешаю так отзываться о ней. Сегодня привлечёшь в батальон, завтра бросишь в десант, а на другой день сделаешь из неё камикадзе, наподобие арабских женщин.

Афиджан: Тихо... Услышат — расправятся с нами.

Атая (*повернувшись к мужчине*): Как я слышала, являешься помощником ахунда мечети... Собравшись, пьёте пиво «Гаджи» и призываете к ущемлению прав женщин... Не стыдишься, ещё языком мелешь...

Мужчина: Ханум, кто хозяин Гаджи Гюляндам, я или ты? Если так будет продолжаться, ты её...

Атая: Что я сделаю?

Мужчина: Испортишь.

Афиджан: Нет... Так не говори... Ты не знаешь Атаю.

Мужчина: Как не знаю? С той поры, как жена связалась с ней, совсем изменилась, будто натёрли крапивой. Разума лишилась. Меня совсем не слушается. Каждый день рассказывает о каком-то гендере-мендере, качает права.

Атая: Это ещё цветочки... На днях начнётся атака женщин на своих мужей, тогда посмотришь на дело.

Афиджан (робко): Вай... вай! Будь ты разрушен, мир, придумавший гендер.

Пауза

Мужчина (остолбнев, смотрит на Атаю): Ханум, это мир, это ты. Что хочешь, то и делай. Кончай с моей женой. Я своё слово сказал, ухожу.

Мужчина уходит, Афиджан смотрит вслед мужчине.

Атая: Таким мужчинам, как ты, прижечь бы голову калёным железом (*обращаясь к Афиджану*). Думаешь, легко из женщин подготовить десант.

Приходит Мейдулла. Атая выходит из кабинета. Мейдулла, подав руку Афиджану, здоровается.

Мейдулла: Мало времени. Мне надо пораньше уйти. Соберите людей в зал, проведём с ними беседу.

Передняя часть сцены темнеет, задняя — постепенно освещается. Люди собираются в зале. Входят Мейдулла и Афиджан, поздоровавшись, садятся.

Афиджан: Послушаем господина Мейдуллу. Он пришёл по важному вопросу.

Мейдулла: На прошлом собрании мы обсудили этот вопрос. Думал, из заключения сделаете выводы. Жаль, очень жаль... Ещё больше стали поступать жалобы в вышестоящие инстанции. И в каком количестве?.. Мешками. Удивительно, что в письмах пишут о создавшейся опасной ситуации.

Мирфырылдагов: Лично я не писал жалобы.

Баязханум: Не сводите нас с ума. Господин Мейдулла, что есть, откровенно расскажите. Среди нас есть больные, беременные.

Все смеются. Баязханум садится.

Мейдулла (читает выдержки из писем): Первое, если вовремя не внесёте ясность и не примете меры, внутри учреждения созданные интриганские группы поднимут суматоху, прольётся кровь... Второе, созданный в учреждении «Дамский десантный батальон» переходит границы. Есть угрозы опасности, могут совершить террор. Если в скором времени не пресечётся деятельность этой группы, ответственность будут нести вышестоящие инстанции.

Пауза

Третье, под руководством Атаи подготавливаются камикадзе. Четвёртое, здесь ведётся усиленная подготовка женщин к наступательной операции против мужчин. Нет сомнения, куплены оружия, снаряды. Идеологом, политическим руководителем этой группы является Афиджан, командиром Атая. Заместитель с научным руководителем мутят воду. Что это значит? Что скажут, если услышат в международном обществе. Очень прошу, внесите ясность в эти дела.

Гызбаджи (с места): Что? Ой, батюшки!

Зюлюш: Мы крепко спим...

Гюлюш: Вай, вай! Будь проклят, кто топит эту печь.

Алагафанлы: Да, да, так!

Афиджан: Сами себя позорим. Есть предел клевете?!

Люди, пожимая плечами, с удивлением смотрят друг на друга.

Гызбаджи: Господин Мейдулла, всё написанное — утрировка. Разве в учреждениях и организациях, на улицах, в семьях не происходят каждый день драки, скандалы? Люди не рвут друг другу волосы, не проливают кровь? Да кончайте мутные разговоры. Алагафанлы наущен.

Алагафанлы: Не знаете, с какой целью и кто создал «Дамский десантный батальон», откуда камикадзе. Стыдно... Хотел бы идеологи вышли вперёд, признали свои ошибки.

Баязханум: Сладок язык Алагафанлы.

Все смеются.

Он всё говорит верно. Было б хорошо, об организации рассказала сама Атая. Достойная женщина та, кто признаётся в содеянном. Я верю, она смелая женщина, признаётся...

Атая: Господин Мейдулла, они все сошли с ума. Видели пустой орех?

Мейдулла: Да. А что случилось?

Атая: Они таковы.

Мейдулла: Нужны доказательства, ханум, доказательства.

Атая: Ханум — моё имя. В детстве бабушка по матери так меня звала (*люди переищтываются*).

Мейдулла: Спокойно.

Атая: Потом мать умерла, мачеха изменила моё имя, назвала Атаей. Я поступила сюда на работу. Началась вой-

на с армянами. Когда увидела, что проигрываем, земли уходят из-под рук, захотела, создав «Национальный десантный батальон», бросить вслед армянам, разбить врага. Афиджан не дал возможность. Ну и мы сели на своё место.

Достойная жена лучше бесчестного мужчины. Наши мужчины испугались войны, даже своих сыновей сделали дезертирами. Что лучше: быть, как мы, женщины-патриотки, которые желают стать борцами, или, как вы, прятаться, бросив совесть и честь за спину.

Вот в то время я создала эту организацию; Афиджан, к сожалению, подверг краху...

Алагафанлы: Ложь... Эта организация создана с целью, чтобы избавиться от демократически мыслящих мужчин. Недавно узнал, что члены батальона ведут работу во всех отделах и отделениях. И двусмысленные политические разговоры Атаи преследуют цель защитить Афиджана.

Пауза

Мейдулла: Перейдём к вопросу о камикадзе.

Гюляндям: Чтоб язык отсох мужа: слово понял шиворот-навыворот. Слово Атаи «компромисс» растолковал как «камикадзе». Что скажешь, молла да, задрав штаны, пришёл сюда. У моллы есть ум? Там, господа, нет ничего страшного.

Мейдулла: А что скажите об атаке дам на мужчин?

Гюляндям: Хи... хи... хи... преувеличивает да, господин Мейдулла. Всегда мужчины атакуют дам, земля разрушится, если один раз женщины ... хи... хи... хи...

Сначала все смеются, потом наступает тишина.

Мейдулла: Как вы смотрите на стиль идеолого-политического руководителя Афиджана?

Гюляндям: Господин Мейдулла, вы на него смотрите

как на стиль, я — как на руководителя. Среди нас можно найти человека, на которого смотрели бы как на мужчину. Что в этом плохого?

Мейдулла: Я не понимаю, что вы хотите сказать. Было бы хорошо, если б изложили мысль яснее.

Афиджан: Не превращайте меня в объект обсуждения.

Хосузаде: Мужики, я послушал всех, мне страшно становится. Если не обманывает логика, из разговоров выходит: Атая, чтоб помочь Афиджану, создала втайне «Дамский десантный батальон». Члены этого батальона составляли примерно тридцать процентов сотрудников. И это принесло победу Афиджану на выборах.

Мейдулла: Да, слава Богу, только сейчас до тебя дошло.

Мирфырылдагов: Если на самом деле так, я раздавлю Атаю.

Афиджан: Не сможешь.

Гюляндам (*обратившись к Хосузаде и Мирфырылдагову*): Что знают ноги Атаи, не знают ваши головы.

Мейдулла: Я так думаю, что всё ясно. Нет надобности резать, колотить. В такой обстановке от этого учреждения можно ожидать нормальной продукции? Учреждение будет работать по дотации.

Гюляндам: А что такое дотация?

Атая: Это новое открытие Мейдуллы. Хватит! Привыкли мутить воду.

Хосузаде: Ликвидировать результаты выборов!

Мирфырылдагов: Кому нужны итоги фиктивных выборов?

Атая: Профессора, я обращаюсь к вам. Вы сначала докажите, что результаты выборов фиктивны и нелегитимны. Во-вторых, если повторно будут проведены выборы, всё равно опять победит Афиджан. Господин Мейдулла, не плетите интригу в учреждении, не проливайте кровь. На-

помню, и ты можешь быть окровавлен, типун на язык, не выйдешь из этого собрания живым.

Мне кажется, профессор Мирфырылдагов и профессор Хосузаде должны быть уволены с работы.

Пауза

Люди, обратите внимание на имена и фамилии этих людей: Мирфырылдагов, Хосузаде. Хи... хи... хи... Имеющие достоинство, честь не будут жить под этими странными именами.

Господин Мейдулла, мы своего директора выбрали, все проголосовали за него, он легитимный. В течение пяти лет нашим руководителем будет он. Я не знаю, кто тебя, спровоцировав, послал сюда. Встань и убирайся отсюда!...

Члены дамского десантного батальона встают. Шум-гам нарастает. Все в один голос: «Долой Мирфырылдагова и Хосузаде!». «Пусть убирается провокатор-интриган Мейдулла!» «Да здравствует наш руководитель Афиджан!». В это время входит в зал Катя, подаёт письмо Мейдулле. Он читает письмо.

Мейдулла: Подождите! «Обсудив вопрос, коллегия постановила:

— Уволить Мераджлы Афиджана за неудовлетворительную работу, членов «Дамского десантного батальона» во главе с Атаей за создание неблагоприятного климата в коллективе;

— отправить на пенсию интригана Мирфырылдагова и самохвала Хосузаде;

— до выборов исполнение обязанностей директора поручить молодому учёному Эльвюсалу Гасымоглы».

Раздаются аплодисменты. Мейдулла выходит из зала. За ним покидают зал члены группы и Атая с Афиджаном. Гаснет свет.

2011 год

Содержание

Волчонок.....	3
Рука руку моет.....	41
Любовь и преступление.....	81
Мать солдата.....	133
Десантный батальон дамы.....	183

Директор издательства: Г.Т.Абдурагимов
Технический редактор: А.С.Фаталиева
Компьютерная вёрстка: С.Н.Гулиева

Сдано в набор: 01.11.2012
Подписано к печати: 30.11.2012
Формат листа 60x84. Печатный лист 7.5
Тираж 500 экз.

**Книга набрана, свёрстана и отредактирована в
редакции Бакинского девичьего университета.**